P2
156

ТАМАРА ПОНОМАРЕВА

ВЕТОЧКА ЖИЗНИ,
или
Зелёный бункер средь рябин

14
Ценю творческие успехи своего друга, поэтому книга – в библиотеке Ковровской районной библиотеки
с пожеланиями
25.09.09.

Тамара ПОНОМАРЕВА

ВЕТОЧКА ЖИЗНИ, или ЗЕЛЁНЫЙ БУНКЕР СРЕДЬ РЯБИН

Роман от первого лица

2009 г.

14

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6
П 56

50254 (4/3)

Книга издана на средства автора

ВЕТОЧКА ЖИЗНИ, или ЗЕЛЁНЫЙ БУНКЕР СРЕДЬ РЯБИН. Роман от первого лица. *Т. Г. ПОНОМАРЕВА – Ковров: ООО «Гемма», 2009 – 172 с.*

ISBN 978-5-902628-15-6

Тамара Геннадьевна Пономарёва по образованию учитель, по профессии – литератор, член Союза журналистов России и член Международного сообщества писательских союзов. Это десятая книга автора. Она – автобиографична. И посвящена прекрасным людям – врачам-радиологам, которые спасли жизнь автора. Книга написана с любовью к людям, детям и всему живому на Земле.

Централизованная библиотечная система Ковровского р-на Владимирской обл. Филиал №

ББК 84 (2 Рос = Рус)6
П 56

ISBN 978-5-902628-15-6

© Т. Г. Пономарева

© ООО «Гемма», 2009

Пусть освежают Ваши жизни благодатные дожди. И пусть купается солнце в лужах, сколько захочет, наполняя их переливами весёлых бликов. Остановитесь. Вздохните глубоко. Загляните в лужицу и, увидев своё отражение, непременно ему улыбнитесь.

Пусть всегда омывают Землю чистые дожди, и греет бессмертными лучами щедрое Солнце.

* * *

Жизнь-одиночка тихо сгорает.
Веточка жизни не умирает...
Автор

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Признаюсь, ощущение счастья от сделанного мной чего-то хорошего, полезного, а это означает хотя бы маленькую победу над собой – всё реже приходит ко мне в последние годы. Но вот момент, наконец-то, настал. И сейчас, в это мгновение, преодолев все страхи и сомнения, я отправляюсь странствовать в далёкое прошлое.

Это путешествие по страницам прожитых лет будет и лёгким, и трудным – полным тревожными и радостными переживаниями – как и сама жизнь. Прошлое не вернуть, не воскресить никакими силами. О нём можно только вспоминать. А память к старости способна сыграть с нами злую шутку. Возьмёт да и заблудится в густом тумане, как сказочный Ёжик. И так уже иногда чувствуешь, как не хватает в разговоре нужного слова, более убедительного аргумента. По-моему, память – одно из свойств нашего разума. А если она помутится, ослабнет, превратившись в "немощное существо", жизнь потеряет прежний привлекательный смысл, хотя и будет, как всегда, желанной. И ещё признаюсь: пишу эти строки с нескрываемым ликованием. И всё потому, что решилась излагать свои мысли от первого лица. А это значит – мне ничего не надо выдумывать, приукрашивать или умалять события, а просто рассказывать о них, как всё было, а главное – о моих героях, очень хороших, или не очень, о людях, с которыми свела меня судьба, и без которых не может родиться у литератора ни одно произведение.

Не знаю, в какой жанр "созданное" мною воплотится. Но мне бы хотелось, чтобы у меня получился роман. Роман от первого лица. Я и так запоздала с этой книгой: тяжело ворошить прошлое. А ведь кто-то уже никогда не прочтёт о себе добрых слов. И это мой грех.

И, возвращаясь к написанному, оглядываться назад мне невероятно трудно, уж слишком нелёгкой и даже нелепой была моя жизнь. Как приятно слышать, когда многие знаменитости с удовольствием говорят о том, что они ничего бы не изменили в своей судьбе, профессии. У меня всё наоборот: ничего бы не взяла из прошлой жизни, кроме детей, внуков и правнуков.

Но… что ни говори – жизнь нам дана одна-единственная, и она прекрасна. Раз уж мы существуем на этой земле, под бескрайним синим небом, значит, это кому-то нужно…

Тамара Пономарёва

Врачам-онкологам Вере Петровне Якимычевой
и Зое Александровне Тарасовой посвящаю

ВЕТОЧКА ЖИЗНИ,
ИЛИ
ЗЕЛЁНЫЙ БУНКЕР СРЕДЬ РЯБИН

(Роман от первого лица)

1. БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Приговор был краток и суров: рак. Неоперабельно... Шок? Да. Но это не было неожиданностью. Я догадывалась об этом, но тихонько надеялась, что ошибаюсь. Четыре года назад носилась как метеор – так меня и прозвали коллеги, – чтобы везде успеть. Но среди этой суматохи внезапно останавливалась от скрытой, угрожающей боли. Досадовала, негодовала: что ещё за фокусы! Но несколько таблеток анальгина – и всё успокаивалось.

А потом уже не "летала", а ходила словно с вытянутыми жилами. И всё-таки – есть Боженька на свете! Он спасал, оберегал меня, помогал сделать самое главное, на тот момент, дело в жизни: помочь моей доченьке закончить учёбу в институте, а сыночку среднюю школу. Отец их давно оставил семью и находился в свободном полёте – умный, успешный, красивый, но беспредельно грубый и скупой. Толку от него всё равно никакого не было, да ещё избавились от его скандалов.

И вот, наконец, мои милые дети, мои умники – дочь Марина и зять Андрей Николаевич – закончили мединститут и,

подхватив двух дочек-малюток – Аришу и Надюшу, отправились работать детскими хирургами на самый юг Молдавии, в бывшую Бессарабию, в пограничный с Румынией город Кагул.

Сын, младший Андрей Николаевич, завершив учение в школе, познавал азы рабочей профессии на одном из заводов, куда по его настойчивой просьбе устроил муж классного руководителя – Светланы Дмитриевны Крюковой. Уж очень хотелось ему испытать себя в рабочем коллективе, научиться что-то делать своими руками и хотя бы немного помочь своей нелепой мамке, не сумевшей удержать в семье мужа и отца.

Надо было бороться всеми способами, чтобы оставить старших детей в столице. Но силы мои были на исходе. И ещё запомнила фразу, сказанную спокойно и рассудительно моим умным зятем: "Муля, не вмешивайтесь. Здесь нас ничему не научат. Не дадут практиковаться". Да и правда, хирурги сродни скрипачам – нет постоянной тренировки – нет профессии, ещё такой ответственной.

В тот день, когда они уехали, домой не хотелось возвращаться. А потом я бродила по опустевшим комнатам и тихонько выла. Не знаю, как волчица или собака – от тоски и отчаянья ни сил, ни слёз не было. Даже квартира как-то притихла, насторожилась, словно удивляясь, почему не топают по комнатам бойкие ножки Аришки и Надюшки, не слышится смех маленьких озорниц.

В ней, нашей квартире, почти всегда было шумно и весело. Студенты-однокурсники, друзья моих ребят, почему-то любили приходить к нам после занятий. Разговаривали, шутили за чашкой чая, слушали музыку, а потом допоздна зубрили уроки – учебников на курсе было недостаточно.

Особенно донимала анатомия – царица медицинских наук. Ведь будущему врачу надо знать на зубок название каждого органа, каждой косточки, мышцы, сустава в человеческом организме и не только на русском, но и на латинском

языке. Оказывается, их в нашем бренном теле великое множество. И не только "узнавать" в анатомическом атласе, но и безошибочно находить среди наглядного материала, коего всегда дефицит. Ведь "бесхозные жмурики" не могли сами приходить в анатомичку, с восторгом предлагая себя: "Примите нас в ваш храм науки, изучайте на благо и здоровье человечества", – а вузу приобретать подобный материал в достаточном количестве не было возможности.

Случалось даже, что мои студенты, влюбленные в хирургию, украдкой забирались в кабинет анатомии, чтобы подготовиться к экзамену или зачёту, а уборщица, не заметив их, закрывала кабинет на ключ. Однажды они её чуть с ума не свели, когда обнаружила их дремавшими среди скелетов и черепов. Еле-еле умаслили старушку, чтобы не выдала бедолаг декану.

А у нас дома, устав от зубрежки, молодежь перекусывала чем Бог послал, попивала чаёк с хлебушком и вареньем, и далеко за полночь отправлялась в общежитие...

Если признаться, я очень уставала, иногда до изнеможения. Нет, не от гостей, а от бессонных ночей, от надоедавшей "не своей" работы. Целыми днями я редактировала многостраничные статьи моих коллег – журналистов, засиживалась допоздна в кабинете. Я не хватала звёзд с неба, но как литератор чувствовала язык, корпела над рукописями кропотливо и старательно. И это была моя работа. Но получалось, что "себе на голову". После правки их приходилось перепечатывать полностью или крупные куски, клеить и снова всё перепечатывать. Типография принимала только аккуратно подготовленные материалы.

Домой приходила к полночи, принося длинные "полотенца" гранок. Снова садилась за их читку, вылавливая случайные опечатки ("очипатки", как мы их называли), чтобы подстраховать не только корректора, но и вообще – важен был престиж издания, наш журнал – орган ЦК Компартии

Молдавии. В горячую пору подготовки его к печати, иногда не спала по две – три ночи, так как приходилось ещё и очерки или рассказы писать – не только для души, но и для гонорара: зарплата была невелика. А ещё и детям старалась хотя бы немного помочь. Ребята с этой учёбой просто с ног валились. И забота о питании и Аришечку – нашего первенца – побаюкать. Да мало ли разных дел у семейной женщины без мужа, так называемой "соломенной вдовы"?

Нам ещё и с квартирой "повезло": за стеной жили женщины-гуляки, которые ночи напролёт развлекались не с кем-нибудь, а с блюстителями порядка. К кому возопишь?! Вот так и пролетали незаметно дни за днями, недели за неделями.

Непонятно почему, но такая суматошная жизнь даже нравилась мне: некогда раздумывать о каких-то неудачах, разбитой любви, сетовать на трудности – к ним, как ни странно, как к чему-то хорошему, тоже привыкаешь. Только иногда подбадривала себя: "Надо, милая, надо, не хнычь, берись-ка за дело", – без надежды на чью-то помощь, ни на кого не сетуя и не особенно унижаясь. Правда, донимали долги. Но у кого их в ту пору не было? Если уж государство по уши в этих проклятых долгах увязло. Беспокоило другое. Ещё до рождения первой внучки во мне нарастала какая-то странная, глубокая усталость, вызывающая смутное беспокойство, неясную тревогу, а всё чаще отчаянную тоску. Её не могли заглушить ни обилие дел, и забот, ни радость общения с детьми...

И вот теперь тишина. Казалось бы, ну порадуйся хотя бы немного, отдыхай, пиши. Но я кружила и кружила по комнате до тех пор, пока ноги мои не подкосились, и я не рухнула на детский диванчик…

Проснулась ранним утром, проспав почти полсуток. Прислушалась к шуршанию первых троллейбусов за окном. К себе. Только и смогла подумать: "Ой, устала-устала, ещё бы поспать..." Но тут же встала. Что-то пожевав и выпив чаю, поехала на работу.

На радость, автобус был не такой забитый, как обычно: нашлось свободное место. И только уселась поудобнее, как тут же провалилась в сон. Растормошила меня кондуктор:

– Женщина, женщина, – трясла она меня за плечо. – Вам плохо? Вы ведь всегда на Пушкина выходите, правда?

– Да, конечно, спасибо Вам большое.

Утренняя прохлада немного освежила меня, и я рванула с места, как раньше. Но сил хватило ненадолго, потому пошла степенно. К тому же услышала бодренький такой голос: "Томка, постой!" – Это, запыхавшись, догонял меня Александр Миронович Наточин – директор студии "Фотожурналист".

– Издалека тебя увидел – вот и припустил, привет!

И он чмокнул меня в нос.

– Меня теперь нетрудно догнать, – вырвалось совсем неожиданно.

– Слушай, дорогая, давай поговорим, – засеменил он рядом. – Давно заметил, что-то изменилась ты очень. Похудела, пожелтела и нос холодный. Этот журнал всю кровь из тебя выпил. На черта из Союза ушла! Давай обратно. Нам без тебя плохо...

– Ну ты знаешь, чего я ушла. Дочке же учиться надо. Пообещали льготы всякие, типа "с обеда будешь работать, можешь дома материалы вычитывать", а теперь косятся – некого в библиотеки сгонять, в ЦК с бумажками...

– Да фигушки от них добра дождешься. Дурочка ты доверчивая. Ладно, пока...

После такого "бодрого" диалога с добрым Сашей Наточиным стало как-то повеселее. Хорошо всё-таки: помнят, обратно зовут. Хотя не только он, а все собкоры-коммунисты парторганизации, где я секретарем была, постоянно заводили об этом разговор – и Евладов, из "Правды", и Семёнова из "Советской торговли", да все…

Не успела подняться на пятый этаж Дома печати, как в кабинете затрезвонил телефон:

– Слышишь, друг мой, – продолжил Мироныч наш разговор. – Я тут рылся в папках и нарыл тебе путевку. Классная! Минводы! Солнце, фрукты, водичка! Давай, не раздумывай, а то сдохнешь чего доброго, а потом покаешься.

– Да ладно тебе. Спасибо, Сашенька. Ведь не пустят меня на юга…

– Ещё как пустят. Пойдёшь к моей Брониславовне, она тебе за всех распишется. Кроме... Ну, знаешь сама. Посети ваш спецкабинетик и всё...

– Ладно, спасибо, попробую, но чувствую, сорвётся наша с тобой затея.

Да я и не сомневалась, что "заговор обречён". Так оно и вышло. "Бегунок" на путевку мне не выдали, а отправили – "срочно!" – в Республиканский онкоцентр, потому что при осмотре на меня набросился, по-моему, весь персонал консультации. Врачи, как потом поняла, просто по-бабьи меня пожалели, хотя ругали страшными словами: "Да что ты с собой наделала. Ты что – неуч какая деревенская, довела себя до такого ужаса!"

Удивление, догадки были уже не нужны. И так всё тут было яснее-ясного – и тоска, и усталость, и ноющие боли, и угасание сил. Да и всё другое. Мне приходилось навещать в этой клинике близкого человека – Славу Львовну Кучук. Она работала библиотекарем в газете "Советская Молдавия" и была настоящим эрудитом. – "Наша энциклопедия", – с гордостью говорили о ней журналисты. Добрейшей души человек, каждому старалась чем-то помочь, ободрить, скрывая от всех страшный диагноз – лейкоз.

Я тогда ужаснулась, что в новом высотном здании онкоцентра, при внешней респектабельности, чистоте и цветах в просторных коридорах – в палате тяжело больных было тесно, душно, белым днём по тумбочкам бегали наглые прусаки. Я тогда грешным делом подумала: "Не дай Бог когда-нибудь оказаться в подобном положении!" И пришлось бы, если

бы не мои прекрасные родные люди – врачи по профессии – тетя Анастасия Никоновна Винокурова и её дочь, моя двоюродная сестра Ляля – Елена Николаевна.

После мытарств по консультациям и поликлиникам, где кроме грубости и неприязни ничего не испытала, решила позвонить сначала сестрёнке, чтобы не расстроить внезапной вестью мою любимую крёстную: я с детства называла её кока.

– Немедленно приезжай, – сказала Ляля. – У нас новая диагностическая лаборатория, покажу самым опытным врачам". – Да она и сама в Рыбинске была тогда одной из лучших гинекологов, заведующей родильным отделением. И, как я потом убедилась, была крайне востребована будущими мамашами – телефонные звонки не давали покоя ни ночью, ни в единственный выходной… И так, в тот злополучный день, с трудом добравшись до работы после "хождения по мукам", сразу попросила отпуск, конечно, ничего не сказав о причине, а только одно: "Устала. Больше не могу..."

Мой внешний вид красноречиво подтверждал сказанное.

Да, было о чём подумать в первые дни моего отпуска. И прежде всего – как детям сказать? …И вдруг испугалась – да разве можно? Ни за что! У них такая трудная работа, малые детки, не хватало ещё забот добавлять... А сын? Это же будет не служба для него, а пытка. Ему же осталось совсем немного!

И тогда решилась на святую ложь. Да, есть такая, существует в природе. Бывало в войну – ужасно голодную и холодную, когда получала от любимой моей бабушки картошину в мундире, всегда спрашивала: "А ты покушала, бабуся?" На что она торопливо отвечала: "А как же, Тамусенька, я ела. Кушай, не сомневайся..." Святая ложь.

И написала детям письма, что дали мне путёвку в прекрасный подмосковный санаторий на два месяца, чему Маришка и Андрюшка от души порадовались.

Но всё-таки тоскливая мысль непрерывно точила мои мозги: "А если меня не станет? Как же, даже не прощусь перед смертью?"

Дороги страшилась, но, будучи человеком легкомысленным и к себе беспощадным, решилась. Служил Андрей Николаевич – младший в стройбате, в славном городе Кривом Роге. Ведь не брали в те времена очкариков в армию. А у него минус четыре с половиной. Но измотал он меня: "Иди и проси в военкомате, пусть возьмут в любую часть. Попроси своих коммунистов, например, собкора "Правды", он же умный, поймёт".

И помог, конечно. Хотя в военкомате и удивлялись, и подшучивали над нами. Ломали голову, куда его пристроить. Вот и отправили в стройбат, на Украину.

Я навещала его после полугода службы. Ему нравились новые товарищи, и служил он с удовольствием. Хотя, как чувствовала сердцем, причин для радости было немного. И травмы случались, зимой током ударило, летел с порядочной высоты – строили шахту, и выпивки. Зато он на практике познал, да и овладел профессиями и каменщика, и кровельщика, и сантехника, и штукатура-маляра, что в жизни пригодилось.

Из-за дрянного самочувствия решила лететь самолетом – всего-то два часа, а не одиннадцать – автобусом. И чуть не опоздала на Як-40: такси сломалось по дороге в аэропорт. Не помня себя примчалась не регистрацию. А меня не пускают: от самолета уже трап убирали. Разревелась, конечно. Еле выговорила: "К сыну, в армию..."

– Гайда, Оксана! – вдруг спохватилась дежурная, черноглазая красавица, – поможем женщине!

– Бежим скорей, Анжела! Петрика, приглядывай тут! – И, забрав у молоденького милиционера свисток, девчата выбежали на лётное поле. Я же трусцой за ними. Видел бы кто эту картину! Они обе что-то кричали. Анжела махала голу-

бой косынкой, Оксана дула в милицейский свисток. И нас услышали: трап причалил обратно.

Не помню, как добежала, как очутилась в салоне и плюхнулась в свободное кресло.

Оказалось, у самого иллюминатора. Надо же, какие сознательные и культурные пассажиры – не заняли место у окна. Они, несомненно, видели наш "кросс" по лётному полю и даже облегченно вздохнули, когда всё обошлось.

Як-40 тут же встрепенулся, зарокотал и, шустро пробежав по взлётной полосе, легко поднялся в воздух. А вскоре ко мне подошла бортпроводница и предложила выпить прохладной газировки. Разве откажешься после такого стресса! Счастье, что не перевелись на свете добрые, порядочные люди.

Самолет словно завис в небесной синеве, так незаметно, спокойно было его движение. А под нами облака, как снежные торосы. Облачная Антарктида? От этой мысли стало зябко. Или это горы хлопка, золотистые, пронизанные насквозь солнечными лучами? Захотелось прыгнуть в них и побегать босиком… Пожалуй, прыгнешь тут. Придумала тоже.

Два часа – и мы благополучно приземлились. Пока долго-долго ехала в троллейбусе до воинской части, почувствовала сначала головокружение, потом озноб: и снова, как нередко в последние дни, поднялась температура. Сыночка отпустили со мной в гостиницу до утра. О чём мы с ним говорили, ничего не запомнилось: термометр показывал сорок. Спас аспирин, моя выручалочка – пара таблеток с глотком молока. Сидела у постели сына и тихонько плакала. А потом проводила до остановки – опаздывать солдату нельзя.

Обратно тоже посчастливилось. Встретила в то раннее утро водителя автобуса, с которым ехала к сыну ещё год назад. Молодой красавец – парень, оказался ещё и добряком. Тут же села в его автобус и мы поехали на мойку. Я так и сидела под "проливным дождём" на своём месте. Было инте-

ресно, даже забавно, хотя немного зябко. Через одиннадцать часов с помощью аспирина и чайного гриба благополучно добралась до дома. Этим чудесным напитком угостила меня пожилая, видимо мудрая, женщина, сидевшая рядом. Она заметила, что со мной не всё ладно и предложила попить чайного гриба. Температуру как рукой сняло. Я в этом ещё не раз убеждалась – и приятное, и полезное средство.

После этой поездки почувствовала душевное облегчение, даже счастье: надо же, повидалась с сыночком, попрощалась с ним…

После такого путешествия спала почти сутки. Но предстояла ещё дорога. Наверное, это чудо, что в дни опасности, дискомфорта, тревоги у человека вдруг появляются невероятные силы, удивительная энергия, которая не даёт ему пропасть. Я думаю, что это сила любви. Во имя любви к близким, особенно к детям, мы способны перешагнуть даже через пропасти. И это не высокие слова, а просто сама жизнь. Да что там – есть Бог на свете, от Него – наши испытания, и наша сила преодоления...

Двести километров, пять часов езды и я в Кагуле. Думаю, дети были рады, особенно старшая внучка Ариша. Помню, она почему-то не любила, когда я накручивала волосы на бигуди, и громко возмущалась: "Тома, сними сейчас же кудри!"... А когда расставались, плакала и причитала: "Я не хочу в Кагул... Я всегда буду говорить тебе: "Тома, надень, пожалуйста, кудри"... До сих пор, как вспомню, так плачу. Какие они трогательные и беспомощные наши малыши. Надюшенька меня почти не помнила, ещё не успела привыкнуть, так как виделись редко. Она обожала бабулю Надю, мою маму, в честь которой её и назвали.

Мы весело отметили день рождения Ариши и пятилетие со дня свадьбы Марины и Андрея. Зятёк – вот уж любитель – без конца нас всех фотографировал. Но моих сил хватило ненадолго. Дело дошло до "скорой". Уговаривали под-

лечиться: "Видимо, такой тяжелый климакс у Вас". – "Да, наверное. Я дома подлечусь", – пообещала им. Конечно, доченька моя расстроилась, но я её успокоила – в санатории как следует отдохну, всё-таки целых два месяца...

На том и расстались.

Но вот настал и день отъезда. Прихватила с собой "Заветную тетрадь". Это не дневник, а просто записи – что в голову придёт. Из многих потом родились короткие рассказы, сказки для детей, каламбуры. Так появилась в моей "Заветной тетради" первая дорожная запись:

4 сентября 19... г.

"Впервые никуда не хотелось уезжать из Кишинева. Не было веры в свои силы. Мешало думать недомогание, неизвестность. Хотя знаю – хорошего ждать нечего".

5 сентября 19... г.

"Я еду! Еду… Хочу вызвать, пытаюсь вызвать прежнее "чувство дороги". Но для меня в нём заключалась радость от предчувствия встреч с новыми местами, людьми; сознание – никуда не спешить, даже наслаждаться сном (к сожалению, не высыпаюсь уже годы)... Забывая при этом мелкие неудобства: высокомерное или шумное соседство, перетаскивание тяжестей, нелюбимые мной запахи вокзалов – всё меркнет. В памяти остаются прекрасные города, люди...

Бродяга, бродяга. Но бродяга, запертый в клетку обстоятельствами. Нет, не могу сегодня вызвать "чувство дороги". От нездоровья и предчувствия недоброго?"

6 сентября 19... г.

"Всегда с нетерпением жду Хутора Михайловского. Начинается моя Россия. Не хочется уходить от окна. Мои берёзки, мои осинки, мои ели и сосны, и серое тёплое небо.

Только гнетущее настроение вызывают прокопченные пристанционные здания, не просыхающие грязные лужи на захламленных дворах. И здесь работают люди. В чумазых зданиях – опрятные, нарядные люди. Как же они долгие годы,

иногда всю жизнь терпят эти неприглядные помещения, смотрят на эту грязь?

А почему бы не сделать так, чтобы все пристанционные постройки, "бегущие" навстречу поездам, или "провожающие" их в дальною дорогу, были приветливыми и опрятными, вместо луж – клумбы с цветами, дорожки, посыпанные гравием (здесь он на каждом шагу).

Украсили бы кусты сирени, жасмина, шиповника. Они и воздух оздоравливают, и поднимают, конечно же, настроение. Почему-то никому и невдомёк. Так и просятся на ум слова нашего гения Антона Павловича Чехова: "Русский человек не хочет жить"... Весь мир разгадывает тайны русской души. Вот это как раз и есть одна из тайн. Если б хотел, берёг бы изумительную русскую природу, обогащал её новыми лесами, садами. Но, к сожалению, российский житель быстро привыкает не только к хорошему, но и плохому, негативному.

Сама природа, словно стесняясь за человека, его леность или равнодушие, старается как-то приукрасить некоторые изъяны, "дело" рук разумных существ – вокруг порушенных деревьев поднимается молодняк, прикрывая погибших "сородичей", свалки прорастают цветущими сорняками. Они хотя и сорняки, но приносят людям немалую пользу, так как почти все эти травы – лекарственные, да ещё и буйно цветут, украшая землю.

Помнится с детства, цвели и у нас в средней полосе аллеи яблоневых и вишневых деревьев вдоль дорог, радовали глаз тучные ржаные нивы с синевой васильков, голубели льняные поля, довольно жужжа, трудились над золотом гречихи работящие пчёлки. И вся эта благодать наполняла сердце необъяснимым теплом, спокойствием и надеждой на что-то хорошее, славное в жизни...

Я пишу эти строки для себя, навряд ли кто захочет прочесть мои каракули в серой тетради. Зато немного облегчила свою душу такими вот рассуждениями, отвлеклась от груст-

ных дум. Работая в газетах, не раз поднимала вопросы охраны природы, экологии. В очерках, статьях, новеллах рассказывала и о красоте человеческих поступков. Но как трудно достучаться до тупых и чёрствых обывателей. Выходит, что мы не очень-то любим свою родную землю, матушку Россию? Родина ты моя, родина..."

7 сентября 19... г.

"Ранним утром, перед самой Москвой, забылась в коротком, но, видимо, глубоком сне. Увидела себя лежащей на высокой койке, на нескольких толстых матрасах: ну прямо как принцесса на горошине. Случайно посмотрела вниз и сразу отпрянула, увидев своё отражение в луже чёрной крови. Проснулась в ужасе. Подумалось: "А ведь мои утренние сны обычно вещие"...

Вот и Москва. Поезд на Рыбинск уходил поздно вечером. И как хорошо, что не надо было томиться на вокзале: добрая моя подруга и коллега Ирина Тимофеевна Егорова уже ждала меня в своей уютной квартире на тихой, зелёной улице "Правды".

В бытность моей работы в Союзе журналистов Молдавии приходилось часто бывать в Москве на совещаниях, пленумах и я с радостью общалась с Ириной. Она тогда занимала ответственный пост в Московской журналистской организации. Несмотря на это, очень по-доброму относилась к коллегам из провинции. Мы как-то быстро сблизились и подружились, а потому всегда останавливалась у неё, когда бывала в столице.

Ирина познакомила меня не только со своими московскими подругами, среди которых были и писатели, и художники, сотрудники газет, журналов, но и с приятельницами из Киева и Бреста, Минска и Вильнюса. Когда нам доводилось собраться всем вместе – засиживались до полуночи. Ира рано осталась одна. Её муж – известный писатель-сатирик Борис Андрианович Егоров скончался в пятьдесят лет. Детей у них, к сожалению, не было.

50259

Центральная
библиотечная
система
Ковровского р-на
Владимирской обл.
Филиал №

У каждого из нас была своя жизнь, свои трудности и радости, но почему-то мы редко обсуждали семейные темы, чаще всего, наши разговоры сводились к работе. Ведь мы были просто одержимы своим делом...

Ирочка, как всегда очаровательна, приветлива, встретила меня и на этот раз с радостью. Время за разговорами пролетело быстро. Мы договорились о главном – переписку с детьми буду вести через неё. Надписала ей несколько конвертов с адресами мнимого санатория. Мои письма из клиники она должна была перекладывать в эти конверты и отправлять моим ребятам. Ирина тоже считала, что здесь греха нет. Важнее всего, чтобы они спокойно работали, привыкали к новой обстановке.

– Ну, с Богом! Держись, ты у нас сильная, – еле сдерживая слёзы, но бодрым голосом, сказала она мне на прощание, сажая в такси.

Преодолев ночь, ранним утром я уже была в Рыбинске. Лена и её муж Валерий Сергеевич, тоже врач, опытный хирург, встретили меня с искренней теплотой. Чувствовалось, что они встревожены моим состоянием, хотя и старались всячески ободрить. Их сыновья – младшеклассники Саша и Андрюша – познакомили меня с кошкой Маруськой. Рассказали о её повадках, а она в это время вовсю наскакивала на меня, вытаращив зелёные глазки, и ухитрялась цапнуть за что придётся. Очень кстати развеселила нас, похожая на зебру, озорная Муська-Маруська. Так начался мой первый день в гостях у моих добрых родственников.

Не могу обойти молчанием моё отношение к семье Винокуровых, почему именно к ней я была так привязана. Ни сестры, ни брата – родных у меня, к сожалению, не было. Зато жила на свете моя тетя – крёстная, которую я звала "кока", младшая сестра моей матери Анастасия Никоновна. С ней прошло моё раннее, дошкольное детство, и это были самые счастливые годы в моей жизни. Хочется, хотя бы мысленно, вернуться в далёкое прошлое.

2. БЕЗМЯТЕЖНОЕ ДЕТСТВО

Пожалуй, самые первые воспоминания. Высокий порог в доме. Пытаюсь его преодолеть. Закидываю сначала одну ногу в красном ботиночке, потом другую и преодолеваю препятствие. Думаю, было мне не более двух лет. Таким образом, попадаю в кухню. За круглым столом сидит моя бабушка и лепит пельмени. Я подбираюсь тихонько к столу, поднимаюсь на цыпочки, стягиваю сырой пельмень, залезаю под стол и уплетаю с огромным наслаждением. Потом ещё и ещё. Бабушка не замечает. Она сосредоточенно кладёт фарш и выделывает узорчики на стыке двух половинок кружочка, делая это быстро и ловко. Не помню, чтобы после поедания сырых пельменей со мной что-то стряслось.

Насытившись, выползаю из-под стола и утыкаюсь в бабушкины колени. Она удивляется: "Тамусенька пришла... Умничка. И через порог сама?" И ещё долго-долго говорит мне какие-то ласковые, добрые слова, гладит по разлохмаченной белобрысой голове... Ни от кого в жизни я не получала столько любви и ласки, как от моей старенькой бабаки до самого её последнего вздоха.

Моя бабушка – Анастасия Тимофеевна Киреева, в девичестве Фоминых. Смуглое иконописное лицо, тонкий чуть с горбинкой нос, маленький рот – губы как накрашенные, хотя никогда их не касалась губная помада, лучистые темно-карие глаза. Почему-то всегда в тёмном одеянии: синяя кофта с рядом мелких пуговиц, длинная чёрная юбка

О происхождении почти ничего не знаю. Тогда не принято было говорить об этом. Но судя по старинным фотографиям, где запечатлены её старшие братья – статные, красивые, – похоже, из служащих. Один из братьев – Пётр Тимофеевич, работал инженером путей сообщения. Каким образом они оказались в далёком Красноярском крае неизвестно: можно только догадываться. Надо было, надо обо всём рас-

спросить уже в другое время, но жила впопыхах. Главное же, мы и правда "ленивы и не любопытны".

Дед мой – Никон Александрович – был прямой противоположностью своей супруге. Круглолицый, сероглазый, с русыми кудрями, он, как вспоминают, был жизнерадостным, подвижным человеком и очень работящим. Дома он жил редко – уходил на заработки: семья большая.

Ещё до революции построил немало церквей – и каменных и деревянных, а также реставрировал храмы. Он едва дожил до шестидесяти. В одну из лютых зим простудился и умер от крупозного воспаления лёгких.

У них с Анастасией Тимофеевной родилось двенадцать девочек и только один мальчик, долгожданный Ванюша. Но и он, и восемь его сестричек умерли в малолетстве. Может, потому моя бабушка ходила всегда в тёмной одежде – вечный траур по деткам? До глубокой старости дожили только четыре дочери.

Мой родной город Можга, один из райцентров Удмуртии. Не помню его совсем, так как не успела узнать. Но жилось мне в нём весело и хорошо. Любила нашу зелёную одноэтажную улицу, большой деревянный дом с парадным крылечком и палисадником – кроме зимы – всегда цветущим, благоухающим то шиповником, или жасмином, то розами и сиренью. В мае к этому благоуханию подключалась черёмуха, а в июне липа. Любила сидеть на тёплом от солнца крыльце и любоваться очередной картиной, которую вывесил мой двоюродный брат Алёша, чудесный рисовальщик. С его лебедями на заросшем пруду не расставалась полсотни лет.

Не знаю почему, но мы с ребятишками бегали на водокачку, нюхать отработанные газы. Там всегда было полно кошек. Они чинно сидели кружочком и щурились от удовольствия: им тоже нравился этот густой, горьковатый запах. Несмотря на такое пристрастие, наркоманкой не стала, думаю, кошки тоже. Ещё любили ходить на железную дорогу.

Сами того не понимая, развивали в себе храбрость: перебегали через рельсы под вагонами.

Дома, конечно, не знали о наших забавах. Жилось мне привольно. Что-то не помню, чтобы мне говорили: "Туда не ходи, Это не трогай. С этой девочкой не играй". И я пользовалась свободой. Бродила по смородиновому саду. Забиралась в самую гущу и наблюдала за жуками, букашками, паучками. Всё прислушивалась, не говорят ли они между собой каждый на своём языке. Но ни разу ничего не услышала. Правда, мешали своим жужжанием пчёлы и шмели, назойливо звенели комары с каким-то ехидным писком, цвиркали синички и какие-то другие пичужки.

У самого забора в дальнем углу сада находила муравьиные кучки. Вот уж за ними было забавно наблюдать: как они суетились, куда-то спешили. Интересно, чем муравьишки занимаются? И очень удивилась, заметив: почти каждый из них нёс на себе то травинку, то соломку, то крошечную щепочку. В одну сторону тащил, а обратно бежал без всякого груза. Я нашла прутик и решила подразнить проворных насекомых. Как они возмутились! Облепили прутик, крепко вцепившись в него, и ни один не упал, когда подняла его, чтобы понюхать, чем пахнут муравьишки. Запах оказался приятным, только непонятным. То ли пахло отцветающей черемухой, то ли компотом. А когда лизнула палочку, ещё больше удивилась – вкус такой приятный, кисленький. Снова пошевелила муравейник прутиком и снова полизала его. Лакомилась до тех пор, пока какой-то вредный муравьишка не цапнул меня за язык.

Ушла из сада довольная, почему-то даже проголодалась. Бабушка обрадовалась, она как раз шаньги с картошкой испекла. Я узрела на столе пачку дрожжей и только моя бабака отвернулась, откусила большой кусок. А потом принялась за шаньги с молоком. Ну что тут поделаешь, вот такой уж уродился странный ребёнок... А может, зря я так? Значит, в моём растущем организме не хватало каких-то веществ.

Можгинских подруг-дошкольников почти никого не помню. Ну разве только Алю, девочку татарочку. Наверное потому, что она иногда приглашала меня в гости. Дом у них был удивительный. Он весь блестел и сиял, словно сказочный дворец. Из обстановки запомнила только круглый стол, покрытый вышитой скатертью, уставленный кувшинами разной формы. Но что интересно: все они были украшены деревянными разноцветными пробками. Аля объяснила мне, что сначала стеклянный кувшин её мама обмазывает глиной, потом делает на ней узоры обыкновенной вилкой и затем аккуратно нарезанные деревяшечки вклеивает в глинистую поверхность. Когда всё это высыхает – получается красиво и необычно. Ещё запомнились чистота, весёлые обои и большая кровать с высокой горой расшитых подушек – не меньше семи. С Алей мы играли в больницу и шили тряпичные куклы.

От этой подружки уходила домой всегда вовремя. А однажды меня буквально заманила к себе орава ребятишек Лучинкиных. Надо же, только эта фамилия и запомнилась. Они жили в низеньком доме в конце нашей улицы. Я знала, что у них есть красивая собака Пальма. Только из-за неё я пошла к ним в гости и пробыла до вечера: они всячески удерживали меня. С Пальмой поиграть не удалось – она лежала у своей конуры, привязанная на цепи. Все ребятишки Лучинкины были чёрные как галчата, может, просто чумазые. И вышла я от них тоже чумазая.

А дома меня давно уже искали. Бегали всей семьёй на речку. Двоюродные братья Коля и Лёша спускались в колодцы. И вдруг я прихожу с грязной рожицей, в подоле платья – печёная картошка. Это мы на костре пекли. Моя суровая мама сидела в плетёном кресле с отрешённым лицом. А вечно балующий меня отец с досадой сказал: "Ремня бы тебе!". Но никто и пальцем не тронул. А бабушка принялась меня мыть, обнимать, да кормить. Хорошо, что папа был дома, а то досталось бы от мамки. Когда решила головастиков поймать в

бочке с тухлой водой и забралась на её край, руки соскользнули и я нырнула в неё с головой, как раз моя мамочка вернулась с работы. И пока она отмывала меня от зеленой тухлятины, хлестала то моим мокрым платьем, то крепкой рабочей рученькой. Бабака моя вступилась, так и ей ненароком слегка досталось. Вот приласкать-то было недосуг. Бывало бегу ей навстречу с распростертыми объятиями, а она – раз – и оттолкнет меня: "Вот ещё – телячьи нежности!"

Правда, один раз повезло. Однажды увидела маму, как она по улице шла. Бросилась ей навстречу, но запуталась в траве и со всего маха упала. А вскочила – между пальцами кустик торчал и кровь хлестала. Какой-то сорняк влез в мою ногу вместе с корнем. Такие нелепости могут случиться только с нелепым человеком, то есть со мной. Я ревела, конечно, и мама разок погладила меня по голове, но со словами: "Не реви, до свадьбы заживет", и передала меня бабаке. – "Эх, Надежда, – с укором сказала ей бабушка, – совсем уж сказилась!" – А шрам от вредного маленького кустарничка на всю жизнь остался. Да мало ли разных отметин оставило нам детство.

В народе молвят: чем больше шрамов у человека, тем он счастливей. Значит, у меня их недостаточно оказалось для полного счастья…

Мои дорогие, любимые

Дом, в котором мы жили, состоял из двух половин. В меньшей, где было две комнаты, располагалась наша семья, в большей – бабушкина дочь Мария (моя тётя Маша) с мужем Павлом и тремя детьми – кроме Лёши и Коли, моя двоюродная сестра Нюра. Дядя Паша был колоритным мужчиной. Мне он казался великаном. Когда приходил с работы, кричал от самого порога: "А кто первый меня разует, тому гостинец достанется!" Мы вчетвером бросались ему помогать. И даже если его дети быстрее успевали снять с него огромные ботинки, всё равно он громогласно объявлял: "Молодцы! А Тамуська

опять самая первая! Ей и конфетки вручаются". Очень меня любил, наверное, как самую младшую в доме".

Много позже я узнала, что Павел Григорьевич Лоскутов был вторым мужем тёти Маши. Когда выпивал, под горячую руку лучше не попадаться. Скорей всего, его поведение и всплески гнева это результат "свинцовых мерзостей жизни", о которых ещё Максим Горький писал. Семья его была репрессирована – первая жена, родители и дети все погибли в страшных условиях лагерной жизни. Выдержал только он – настоящий русский богатырь.

Если подумать, сколько же наш народ выдержал! Историки нередко с гордостью напоминают нам, что в России не было рабовладельческого строя. Да, такого строя не было, но рабство было всегда. Голод, нужда, бесправие на протяжении всей истории нашего государства при царизме, и в жестокие сталинские времена простой человек, да и не только, испытывал на себе. И как бы ни старался он в нынешние времена изжить из себя психологию раба, у него не получается. И всё потому, что человек до своего смертного часа не может избавиться от страшных воспоминаний – невыносимых условий, унижения, обид, если не его самого, то своих близких. И они мучают его, терзают, делают его характер или беспредельно нервным, жёстким или трусливым, заставляют пресмыкаться перед всяким низким чудовищем. А когда здоровье и нервы подорваны, умолкают и "чуткие струны души". И это отразилось на целых поколениях...

Но отрадно, что в российском народе сохранились ценнейшие качества – стойкость, мужество, гуманизм не только к своим, но и другим народам планеты Земля. Всё это и не даст погибнуть России. Она выживет при любых катаклизмах, и Апокалипсис не для Неё. Бог этого не допустит...

Ну а теперь о судьбе нашей семьи. Мама моя Надежда Никоновна Киреева и отец Геннадий Гафарович Гафаров прожили вместе всего шесть лет. По складу характера, по

уровню образования они были совершенно разными людьми. И всё равно, не уйди мама сама от отца, жизнь их бы так и продолжалась, потому что он любил маму, обожал бабушку, а обо мне и речи нет. Только жаль, что мы редко с ним виделись, он работал не в городе.

Отец родился в Татарии, райцентре Кукмор. Совсем малюткой остался сиротой. Родители умерли во время эпидемии тифа. Воспитывался в приюте, потом в детском доме, в Можге. Мама его была русской, отец татарин. А усыновила его чувашская семья Васильевых. Но фамилию так и не сменил. Видимо, он был способным юношей. Сначала окончил рабфак и его, совсем молодого, назначили директором того детского дома, в котором жил. А после окончания техникума лесной промышленности доверили Большеучинское лесное хозяйство в тридцати километрах от Можги. Ему приходилось выполнять немало различной общественной работы, был внештатным корреспондентом центральной газеты "Лесная промышленность". Отец любил музыку, играл на гитаре и домре, участвовал в художественной самодеятельности. На одном из вечеров они и познакомились с мамой – певуньей и плясуньей. Она рассказывала, как вместо вечерних занятий на рабфаке, закинув учебники на чердак, бежала в клуб. Так и осталась с четырьмя классами образования, хотя в школе была очень способной ученицей.

Маме с детства повезло. Она росла в большой, дружной семье. Была, как рассказывала и бабушка, и кока, несусветной озорницей. Подробности не помню, но вот что она вытворяла и со старшей сестрой Машей и с младшей Настей, забыть невозможно. Однажды ночью отрезала чуть не половину Машиной каштановой косы, потому что завидовала ей. Коса у сестры была толстая, блестящая, а у неё тусклые, серые хвостики. А бабушкиной любимице Настюше обкорнала её рыжую голову, долго ей пришлось в косынке ходить. За любимицу свою матушка её норовила отхлестать крепкой хворости-

ной, но не совладала с проказницей. А посмотришь на мамино девичье фото – такая вся из себя серьёзная, скромная…

Да, мама не получила хорошего образования, но никто и никогда не подумал о подобной реальности: смекалки, рассудительности, житейской мудрости у неё было в достатке. Но кто знает, возможно, так и должно было быть. С её прямотой, острым языком и вспыльчивостью во время культа личности ей, пожалуй, могло не сдобровать. Зато она была активной, деятельной, физически крепкой и не боялась никакой работы – ни на железной дороге, ни на заводе "Дубитель".

Дел хватало и дома, особенно когда появилась на свет моя сестрёнка Лиля. Она была прелестным ребенком – круглолицая, голубоглазая, шустрая. Ходить стала рано, а потому бабаке моей доставалось: не успевала черепки от посуды выметать из кухни. Это уж была любимицей мамы. Папе, конечно, хотелось сына, но он тоже любил малышку.

В это время его направили работать в лесхоз. Нам строили в Уче, прямо среди леса, большой дом, а пока отец снимал комнату у старушки, которая любила печь пироги с калиной, ежевикой, и не только его угощала, но и нам посылала гостинцы. Прижился у неё и наш огромный рыжий кот Василий. Вся наша семья любила животных, особенно собак и кошек. Всех, кто забегал на крыльцо и подавал жалобный голос, – впускали в дом, кормили, а зимой устраивали на ночлег. Но Василий – гордец и привереда – признавал только отца. В выходные дни ходил с ним в парикмахерскую. И когда заканчивалась стрижка и бритье хозяина, он прыгал в кресло, усаживался поудобнее и зажмуривал глаза. Это был сигнал мастеру, чтобы тот побрызгал на него одеколоном из пульверизатора. И парикмахеры, и клиенты восхищались котом. Обычно Васька ездил с отцом на работу и приезжал с ним на выходные домой. Но однажды, папа заспешив, оставил его у бабушки Матрёны. И как мы все удивились и обрадовались, когда неожиданно у дверей раздались отчаянные

Васькины вопли. Тридцать километров по лесу, полям, городу – и вот он дома… Любовь к животным, слава Богу, передалась не только мне, но и моим детям, и внукам, и правнукам, а от животных – к человеку. Недаром все они, за малым исключением, выбрали самую гуманную и, если сказать откровенно, самую неблагодарную в нашей стране – профессию врача.

А династия началась с младшей дочери Киреевых – Анастасии. Умная, серьёзная девушка, она экстерном окончила среднюю школу и без проблем поступила в Ижевский медицинский институт. Видели мы её редко, так как она не только успешно занималась, но и подрабатывала в больнице. Отец умер, мать не работала: родить столько детей, растить их - дело не шуточное, а тут и внуки один за другим появились. Помогал, сколько мог, мой отец, но этого было недостаточно. И тогда бабушка, посоветовавшись с дочерьми, решила продать свою половину дома. Но не чужим людям, а средней дочери Марии. Она уже получила свою долю наследства. Павел Григорьевич и Маша заверили мать, что жить на второй половине она со всеми нами будет столько, сколько потребуется. Так и порешили. Недовольной осталась только Надя. Как потом она сама рассказывала: "Я спросила тогда маму – а что мне достанется? Она сказала спокойно: "А тебе перина". Я очень на неё обиделась. И ей напомнила, что Тася выучится, а мне что делать? А мать прямо заявила: "Вот и ты бы училась, чем по клубам бегать. Ведь я тебя христом богом просила, но всё без толку".

А мой добрый папочка, выросший в сиротстве, многим родственникам помогал, особенно моей двоюродной сестре Лизе Карауловой: она от самой старшей бабушкиной дочери Вари, которая умерла при родах. Родила она удачно, и тут же попросила мороженых яблок. И съела-то, говорят, всего одно – а результат трагический. Росла Лиза сначала только с отцом, а потом с мачехой. Была умной, красивой девушкой. Училась успешно в Казанском финансово-экономическом ин-

ституте. Впоследствии она без слёз не могла вспоминать, как дядя Гена выручал её в самые трудные минуты.

И вот, наконец, дом в лесхозе был готов. Пока мама отрабатывала необходимое время после подачи заявления об уходе, нас с бабушкой отвезли в Учу. И мы поселились в просторном деревянном доме, окруженном густым смешанным лесом. В комнатах слегка пахло свежей штукатуркой и приятно, сочно – смолой, то ли от новых половиц, то ли от сосен. Я тогда не знала, что эта красота называется золотая осень. В лесу было нарядно, празднично. Зелень елей и сосен украшали дрожащие пурпурными листьями осинки, в жёлто-красном одеянии стояли клёны, и кое-где белели стволы высоких, стройных берёз. Они тянулись вверх, к солнцу, словно соперничали с золотистоствольными соснами. А под самыми окнами дома рдели ягодами рябины, наверное, специально оставленные строителями для красоты.

В доме днём было спокойно и радостно. Электричество ещё не провели, вечерами комнаты скучно освещала маленькая керосиновая лампа. Бабушка зажгла её, когда совсем стемнело. Она ходила с ней по комнатам, а я, крепко ухватившись за подол длинной юбки, с опаской брела за ней. Меня пугали изломанные чёрные тени, пляшущие на стенах, какие-то шорохи и даже луна, заглядывающая в окна.

Спали мы на полу, на той самой перине, которую бабушка подарила маме. Она всегда рассказывала на сон грядущий сказки. Не помню ни одной из них, но ощущение такое, что они были страшные. Когда мы ночевали в доме первую ночь, я боялась всего, но настояла, чтобы бабака рассказала мне малюсенькую сказочку. И она уже начала своим певучим голосом что-то говорить, как вдруг в дверях комнаты я увидела высокого костистого дядьку в чёрной рубашке с белыми пуговицами. Он проговорил громогласно: "Здравствуйте, вам!"... Проснувшись, я спросила бабушку, зачем приходил дядька в чёрной рубашке с белыми пуговицами, но что она мне ответила – не помню.

А к зиме приехала мама с Лилечкой. Отец разъезжал по своим лесным участкам и не каждый день был дома. С Лилечкой нам было очень весело. Мы носились по комнатам, играли в прятки. Если пряталась сестричка, обычно под стол, долго не показывалась. Потом обнаружили, что, сидя там, она отколупывала от стен штукатурку и уписывала её за обе щёки. Но никто за это не бранил. Мама, наоборот, умилялась её проделкам. Она обнимала-миловала свою любимицу, подбрасывала вверх – мама была сильной, как ни говори – рабочий класс.

А однажды мы так разбегались! Хотели развеселить кота Василия и гоняли его вокруг стола до тех пор, пока я с разбега не врезалась в ребристую ножку стола. Как не вышибла глаз – не знаю, кровь хлестала из виска. Бабушка на санках повезла меня в амбулаторию, где рану зашили.

А на дворе вовсю гуляли зимние вьюги, засыпая снегом и лес, и дом, и дорожки во дворе. Приходили рабочие, расчищали сугробы, а бабушка кормила их горячей лешкой – это как лапша, но в форме ромбиков, поила чаем. Они стеснялись, благодарили, наверное, удивлялись такому вниманию. В один из вьюжных дней к нам пришла закутанная по самые глаза женщина. В руках узелок. Потом только узнала, что это дочь Васильевых, которые отца усыновляли. Она мне не понравилась – угрюмая, некрасивая. Дождалась его, поговорила с ним наедине. Осталась ночевать, а наутро ушла и ещё не раз наведывалась. Помню, что после этих посещений мама набрасывалась на папу с упрёками, плакала. Они ссорились и даже не разговаривали. Помирились под Новый год. Папа приехал с ёлкой, с подарками. Игрушек у нас ёлочных не было. Мама рисовала каких-то кукол, зверюшек, а потом вырезала их. Но было много блестящей канители. Свою тряпичную куклу я нарядила Дедом Морозом. Потом родители мирно сидели перед раскрытой жарко топившейся печкой и пели под гитару весёлые песни. Хотя я знаю, что любимая у

отца – "Лучинушка". Слушать её было невозможно. Такая нападала тоска, особенно при словах:

"Извела меня кручина,
Подколодная змея.
Догорай-гори, моя лучинушка,
Догорю с тобой и я..."

Такая ему выпала доля, как эта песня.

А в начале февраля случилась беда. Бабушка вскипятила на плите кружку воды. И отвернулась на мгновение за чашкой. Этого мига хватило для того, чтобы Лилечка дотянулась ручонками до плиты и опрокинула кружку на себя. Сестричка моя очень испугалась.К счастью, кружка пролетела мимо неё, сплеснув немного кипятка на плечико и ладошку.

Мама и бабушка были в шоке, обе кричали и плакали. Конечно, маму с Лилей положили в больницу. Прошло несколько дней, и мы узнали, что небольшие ожоги зажили, что девочка весёлая, хорошо кушает, но не спит уже несколько ночей. Бабушка радовалась, крестилась. И вдруг как удар молнии: Лилечка скончалась. Фельдшер дала ей порошок, чтобы она поспала. А она уснула и не проснулась. Мама вся почернела от горя, а бабака всё себя проклинала. Приехал папа, плакал не стесняясь.

Хоронили её в страшный буран. Весь дом гудел от воющего ветра. Смерть любимой дочурки поставила точку в недолгой супружеской жизни. Как только отец уехал в командировку, мама отправила бабушку в Можгу, унесла Василия к бабке Матрёне и, завернув меня в красное стёганое одеяло, посадила в кабину грузовика. Была метель, ночь. Фары не работали, потому знакомые лесники дорогу освещали факелами до самого города. Даже не представляю, как тогда добрались. Больше мы со своим папочкой не виделись. Я очень любила его, тосковала, плакала украдкой, чтобы мама не ругала. Так мы снова вернулись в Можгу. Но совсем не надолго.

Прощай, родной городок

В тот год, когда наша семья распалась, моя тётя Анастасия Никоновна окончила Ижевский мединститут. Её направили работать в райцентр Куженер Марийской республики. И так получилось, что молодой специалист, врач-терапевт двадцати двух лет от роду, приехала на службу в качестве заведующей райбольницы и предстала перед руководителями райздравотдела с матерью, сестрой и племянницей.

Жить в Можге было негде, стеснять тётину семью из пяти человек было бы непорядочно. Пришлось взвалить эту заботу на плечи моей крёстной.

Больница помещалась в двухэтажном деревянном доме. Верхний этаж занимала поликлиника и двухкомнатная квартира. В нижнем этаже – небольшой стационар. Пациентов с тяжёлыми диагнозами направляли в столицу – Йошкар-Олу.

Два года, которые мы прожили семьёй в таком составе, были для меня по-настоящему счастливыми. Тетя Тася – человек порядочный, неравнодушный, с огромной ответственностью и любовью относилась к своему делу, была загружена работой почти круглосуточно. Но она успевала заниматься и мной – с самого раннего утра. Непременно делали гимнастику, в хорошую погоду бегали в ближайшей роще. Потом она провожала меня в детский сад и начинала приём больных. Мама устроилась работать в военкомат, я её, как и прежде, видела редко. Бабушка хлопотала по хозяйству. Жили мы дружно, весело.

Дом, в котором мы жили, стоял в красивейшем, поленовско-левитанском месте: на берегу пруда, заросшего ряской и кувшинками разных цветов. Вокруг – сплошь разросшиеся ивы, липы и даже маленькие ёлочки. Через пруд перекинут, наверное, давным-давно вибрирующий под ногами мостик. Летом – благодать, но и зимой хорошо, вечером мы с кокой катались с горы на санках и прямо на пруд, скованный льдом.

Мы и на новом месте обзавелись живностью. Подобрали полосатого котёнка, почти только что народившегося, а за ним пришёл грязный серый кот с половинкой левого уха. Тигрик рос не по дням, а по часам. Тёпу отмыли, подлечили – они с малышом не расставались. Белый и чёрный кролики бегали по чулану. Тёпа хотел было поближе с ним и познакомиться, но чёрный кролик типнул его за щёку.

Один из пациентов по доброте сердечной притащил небольшую по размеру, но неопределённую по возрасту рыжую, вихрастую собачку. Тузиком назвали. Оказался весёлым мальчиком: рот у него не закрывался, тявкал целыми днями. Бабушка в сердцах, но и шутливо сказала: "Нашли что подарить. Чем горластую собачонку, лучше бы жареного поросенка. Уж тот бы помалкивал".

Держать в конуре его – жалко, а на втором этаже он облюбовал приёмный покой. Ухитрялся ворваться туда и облаять всех, кто там был, персонально: подбегал к каждому, задирал кудлатую голову и тявкал. Если человек молчал, он отвязывался быстро, а тут пациент стал его стыдить, так Тузик схватил его за штанину.

Эту увлекательную картинку увидела молочница, тетя Агаша. Умилялась до слёз: "Какой весёленький, какой умненький! Анастасия Никоновна, может, подарите мне собачку? Мне бы с ним не так скучно было". – "Да возьмите его, пожалуйста, Агаша, – с радостью согласилась кока. – Я была в садике и узнала об этом от бабушки. Оказывается, обрадованная Агаша завернула Тузика в свой нарядный платок и понесла через мостик, приговаривая: "Ах ты мой милочик, Тузичка, ты мой!"

Но Тузику, видимо, не понравились её причитания. Он изловчился и крепко тяпнул благодетельницу за нос, на котором у Агаши сидела здоровенная бородавка. Естественно, она испугалась и выпустила из рук свою ношу. Собака плюхнулась в воду и дала дёру к родному бережку. Вылезла из

воды уже не рыжая, а зелёная. Потерпевшая женщина поспешила к докторше. Кока аккуратно освободила Агашин нос от остатков бородавки, зашила ранку и подвела добрую молочницу к зеркалу: "Ну как, Агаша?". Та аж руками всплеснула: "Так я теперь буду без этой гульки жить? Вот уж спасибо, Анастасия Никоновна!". – "Да, теперь Вы, Агаша, похорошеете. А щенка мы Вам найдём. В военкомате попросим, там целый питомник".

Со временем у коки появились новые друзья и подруги. Их было немного: детский врач, красивая блондинка Аня, статная чернобровая фельдшер Настя, и молодые люди, двое учителей Юрий Иванович Губин – высокий, стройный кареглазый юноша и Фёдор Иванович Глебов – голубоглазый кудрявый блондин, да сотрудник местной милиции, красавец с синими глазами и пышной тёмно-русой шевелюрой Николай Михайлович Винокуров. Чувствовалось, что кокочка ему очень нравится. Старался или раньше других прийти, или хотя бы ненамного – задержаться. Он ей казался, наверное, несколько легкомысленным: много шутил, рассказывал смешные анекдоты. Редко ему удавалось остаться с ней наедине, погулять вокруг пруда. И всё-таки он очаровал коку – пожалуй, своим пением. Его лирический тенор был просто удивительный.

Какие же они были чудесные – эти кокины друзья – такт, интеллигентность, простота и... трезвость. Им было весело от общения друг с другом, от хорошей музыки. На столе всегда цветы – от молодых людей, чай и всякие постряпушки от бабушки Анастасии Тимофеевны. Патефон с пластинками и незабываемыми мелодиями: "Брызги шампанского", "Риорита", романсами в исполнении Изабеллы Юрьевой, Вадима Козина. Так всё это и осталось любимым из ретро. Им было весело не только от сознания, что они молоды, влюблены, но сама жизнь как-то начала налаживаться. В магазинах появилось больше товаров, особенно продовольственных. Это был тысяча девятьсот тридцать девятый год.

И ещё. В этой марийской глуши людям было гораздо спокойнее, в известном смысле, чем ближе к столице республики. Население в основном луговые мари, но много русских, татар, удмуртов, да и других национальностей. Люди приветливые, бесхитростные, большие труженики. И слава Богу им, хотя бы, в этом повезло. Но в столице, Йошкар-Оле, немало пострадало и партийных работников, и руководителей предприятий, писателей, композиторов, даже рядовых учителей. Память о них осталась только в названиях улиц и площадей, учебных заведений и парков…

Но жизнь продолжалась. Тогда же я поняла своим детским сердцем, что к моей коке пришла любовь – первая и последняя... Избранником её стал Николай Винокуров. Долго не давала согласия, но вдруг дядю Колю перевели на новое место работы – в приволжский город Козьмодемьянск. И кока сдалась. Им дали сразу же однокомнатную квартиру в двухэтажном деревянном доме на улице Ленина – на самом берегу Волги.

Нам же с мамой и бабушкой выделили в Куженере просторное, хотя и однокомнатное жилье с большой русской печкой, на втором этаже. Кока нечасто, но писала нам письма, которые я свободно читала и отвечала на них самостоятельно, конечно, печатными буквами. Читала я с пяти лет и к семи годам перечитала все детские книжки в районной библиотеке. Но письма не могли заменить мне тетю Тасю, такую славную – то серьёзную, задумчивую, то весёлую, и никогда сердитую или раздражённую. Вспоминала каждый день, проведённый с ней вместе. Смешные случаи, происходившие с нами, поднимали настроение. Особенно меня забавляла утренняя зарядка. Когда кока делала стойку на голове, а я пыталась ей подражать, и хохотала, откуда ни возьмись выскакивали Тёпа и Тигрик и набрасывались на нас, хватая за ноги. Мы падали и смеялись, чего не мог терпеть нервный Тузик. Он влетал в комнату и бросался от одного к другому, хорошо что не больно, покусывая того, кто первый попался. Ну как же нам было весело!

В нашем новом доме на первом этаже жила семья военкома Пехотова. Как его звали – не помню. Это был мужчина среднего роста, подтянутый, симпатичный и очень строгий. Жена его Шура – высокая женщина с каким-то рыхлым, неопределенным лицом. Но она была приветливой и всегда приглашала меня к ним домой, чтобы я играла с её дочкой Лидой – моей ровесницей. Вот этого мне совсем не хотелось. Она мне не нравилась, потому что, заманив на минутку, "а потом пойдём гулять", не выпускала меня из дома, пугая немецкой овчаркой Гердой. А так как человек я была свободолюбивый, общаться с ней мне было трудно. У неё была привычка заставлять меня есть у них щи с салом, от одного вида которого меня мутило. А она настаивала. Хорошо, что я ухитрялась, взяв шмат этой жирнятины двумя пальцами, отпускать его под стол, где он с лязгом пропадал в Гердиной пасти.

У Лиды было много игрушек, устроен целый кукольный уголок. Но играть в нём она не хотела, ей нравились мои мишки и зайцы, а особенно тряпичные куклы. Смешно сказать, но одна из них была точь-в-точь похожа на мою, не очень-то щедрую подружку: плоское узкое личико, маленькие глазки, тоненький рот. –"Ой, какая красивая!" – прижала Лида куклу прямо к сердцу. – Отдай мне её, а ?" – просительно протянула она. – "Возьми, пожалуйста". – В этом отношении у меня комплексов не было: надо – бери. Только один – единственный раз отступила от своей привычки.

Летом в наш райцентр приехал цирк. Это было такое чудо. Выступали прямо на улице, на площадке возле пруда. Публику смешили клоуны; удивляли дрессированные собачки; ловкие акробаты, бесстрашно летающие навстречу друг другу с гибких досок; ловко фокусничал звездочёт. Но больше всех поразила собравшихся маленькая девочка с роскошными белыми волосами. С веером в руках она медленно, но уверенно, шла по канату, улыбаясь и кланяясь публике. Помню, что я просто замирала от страха за неё.

Когда юная канатоходка дошла до конца троса, она легко спрыгнула и вдруг – подошла ко мне. – "Как тебя зовут, девочка?" – спросила она нежным голосом. Я молча смотрела на неё и не могла насмотреться: огромные голубые глаза, тонкие светлые брови, чёрные стрельчатые ресницы и розовые губки – настоящая фея. – "Какая красивая..." – только и вымолвила я. Девочка рассмеялась. – "Меня Аня звать, а тебя? – "Тома", – наконец вспомнила я своё имя. – "Тома, это тебе на память, возьми", – тихо сказала она и протянула мне свой чудесный веер. Я спрятала руки за спину, но тут же протянула ей букетик "часиков" – дикой гвоздички. Мы с Лидой только что набрали их в роще.

– Спасибо, – обрадовалась Анечка и личико её порозовело.

– Возьми, пожалуйста, веер. Может быть, мы ещё встретимся…

Я взяла веер. Не помню, сказала ли ей спасибо. Аню взяла за руку молодая женщина со следами грима на лице и, сказав: "До свиданья, девочка" – увела её. Не успели они отойти подальше, как моя подруженька вцепилась в веер мёртвой хваткой: "Отдай мне!", но, к счастью, рядом оказалась моя бабака. Я и не заметила, что она тоже пришла на концерт и стояла тихонько рядом.

– Не замай! – вдруг строго сказала она.

– Тамусе подарили, а дарёное не дарят.

И Лида выпустила веер из рук. Такая вот у меня была подружка. Анечку, конечно, я больше не встретила. Веер её хранила очень долго, он был такой красивый: вид райского сада с павлинами, птичками, цветами и бабочками. А потом вдруг исчез. Может быть, понравился подружкам, таким, как Лида Пехотова. Анечка же не раз снилась мне, только маленькой, совсем крошечной, как Дюймовочка...

Ранним летом сорок первого года со мной произошёл случай, который чуть не оборвал мою жизнь. Как-то мы играли в "войнушку" и носились по еловому подлеску, не заме-

чая высокой крапивы и зарослей прилипчивых репьев, у края глубокого оврага. Мы любили играть в нём и собирать грибы, а ещё рвать заячью капусту – такую приятную кисленькую травку. Наверное, я хорошо бегала, раз обогнала ватагу мальчишек и девчонок и первая ринулась по склону оврага, пересекла его и бросилась было на противоположный склон, как вдруг услышала сердитый окрик: "Стой!"

Когда оглянулась, увидела лежащих на дне оврага бойцов с винтовками в руках. Меня остановил военком. Подбежал ко мне и крепко к себе прижал: "Сумасшедшая девчонка! Я ведь чуть не скомандовал: "Пли!" Ведь ты бы погибла!". Он кричал на меня, а сам чуть не плакал. Да, дула ружей пятнадцати бойцов были на уровне моего живота. В трудные минуты моей жизни я всегда вспоминала этот эпизод и всегда жалела, что выстрелы не прозвучали. Сколько бы мне не довелось пережить!..

Одним воскресным днём мне захотелось навестить знакомых кокиных старушек, о которых она заботилась после выписки из больницы. Это были бабушка Зина и бабушка Фёкла. Она и меня брала с собой, когда не могла отвязаться. Старушки всегда встречали нас с радостью, а как же – лекарка пришла, Тасенька.

Но визит мой не состоялся, так как на улице я увидела много народа. Чёрная тарелка репродуктора на столбе разносила по всему селу весёлые песни. Мне запомнилась последняя фраза: "Прокати нас, Петруша, на тракторе"... После этих слов песня вдруг оборвалась и радио умолкло. А после громкого шороха и треска раздался тревожный, суровый голос. Я не поняла, о чём он говорил, но только огромная толпа людей словно разом выдохнула зловещее слово – "война".

А день был такой радостный, солнечный, на площади – массовое гуляние. Ведь накануне прошёл выпускной вечер у десятиклассников. И словно померкло солнце. Люди, не сговариваясь, вдруг двинулись к лесу, на большую поляну, посреди которой возвышалась деревянная трибуна.

И я тоже, толком не понимая что происходит, шла за людским потоком по высокой траве, стараясь не наступать на цветы. И переживала, что сапоги, ботинки, туфли затопчут эту красоту. В голове вдруг зазвучали знакомые слова грустной песни, услышанной от папы: "Колокольчики мои, цветики степные, что глядите на меня тёмно-голубые… Я бы рад вас не топтать, рад промчаться мимо…"

И я видела, как миниатюрные, искусно вырезанные природой головки цветов, словно короны сказочных принцесс, склонялись вдруг под тяжестью ног и уже не могли подняться. Знать бы мне, глупой девчонке, сколько головушек молодых и старых бойцов падут на горящую землю и никогда не смогут подняться, не лила бы слёзы над цветочками. А может быть, и лила? Так у нас, советских ребятишек, началось новое – взрослое детство.

3. ГОРЬКОЕ ДЕТСТВО

А молодая семья Винокуровых, не успевшая как следует обжиться на новом месте, начала готовиться к трудному походу. Повестки шли одна за другой. Несколько раз лейтенант медицинской службы и старший лейтенант МВД прощались друг с другом. Уходили в ночь, а утром вдруг возвращались домой.

Первой всё же ушла на фронт тётя Тася, а через три дня – дядя Коля. Надо только представить женщину на фронте… Может, кому-то из медиков повезло попасть в крупный госпиталь далеко от линии боевых действий, кокочка же попала в полевой госпиталь, пережив трудностей и смертельной опасности сполна. Дядя Коля находился в разведчастях. Всю войну они не знали местонахождения друг друга и, конечно, страдали от неизвестности, от страха за судьбу друг друга. Их любовь выдержала все испытания и вышла победительницей.

А наша жизнь в Куженере становилась всё труднее и труднее. Летом ещё обходились старыми запасами. Помогал огород – картофелем, другими овощами, лес – грибами, орехами, ягодами. А зима пришла такая яростная, такая страшная – с бесконечными ветрами, вьюгами, сорокоградусными морозами.

В наш райцентр потянулись обозы с беженцами из Белоруссии, Украины, западных областей России, Москвы и Ленинграда. Их как-то устраивали и с жильём, и с работой, помогали продуктами и вещами. А главное – жалели, сочувствовали людям, потерявшим всё, первым, кто узнал о войне не понаслышке. И они радовались, что вырвались из ада бомбёжек и пожаров. Детей определили в детские сады, в школы.

Мама с бабушкой тоже помогали приезжим, как могли: делились тёплыми вещами, продуктами. Помню, я заболела ангиной и не пошла в детский сад. Да, мне шёл уже восьмой год, но в школу принимали с восьми лет и не раньше. Так вот к нам неожиданно пришла красивая, нарядная женщина с мальчиком, моим ровесником. Звали его Лёва Иванов. Его мама попросила бабушку и почему-то меня, чтобы мы приютили её сына на несколько дней. Он ухитрился неудачно упасть и разбил голову.

– Тамуся, поиграйте с Лёвой, пожалуйста, пока я на работе. Как только ранка заживёт, он пойдёт в детский сад.

Я поначалу дичилась, и мне не хотелось играть с незнакомым мальчиком, от которого шёл нелюбимый мной запах йода, но что поделаешь, пришлось потерпеть. Он оказался очень общительным, разговорчивым и мне не пришлось его забавлять, так как без конца рассказывал о Ленинграде, о детских фильмах, которые он смотрел, о семье. Оказалось, Лёвин папа – военный, мама – учительница.

Когда я поправилась, а у Лёвы зажил его ушиб, мы пошли в детский сад. Оказалось, что в одну и ту же группу. Вскоре наступил Новый тысяча девятьсот сорок второй год. Как и

прежде, в садике нарядили ёлку. Веселили ребят и Дед Мороз, и Снегурочка, но прежней атмосферы безудержной радости от праздника не было. Ведь многие ребятишки уже потеряли своих пап. Они почти не осознавали этого, зато их мамы, бабушки, старшие сестры были молчаливы и неулыбчивы. А когда Лёва Иванов, одетый в военную форму, очень душевно спел "синий платочек", многие не сдержали слёз. Помню, я даже слегка возгордилась, что Лёва – мой новый товарищ – хорошо поёт и знает много стихов. Он и старался быть рядом со мной, ведь с другими ребятами ещё не познакомился.

А в конце праздника вместо нарядных пакетов с подарками Дед Мороз раздавал пряники. Они были серого цвета, и каждому – по одному. Не знаю почему, но я застеснялась, когда взяла в руки этот серый, липкий пряник.

Осенью сорок второго года я пошла в первый класс. Чувствовала себя переростком – восемь с половиной лет, да ещё самая высокая в классе: белобрысая, большеглазая и большеротая дылдочка. Моя первая учительница – Антонина Степановна – мне совсем не понравилась. На "перекличке" учащихся она спросила: "Ты что – татарка? Гафарова Тамара". Я промолчала, потому что не знала, что такое татарка? Моим одноклассникам – почти все были мои друзья-приятели – стало смешно. Все они звали меня "Тамуська", а фамилии нас никого не интересовали. За это котячье фырканье Антонина Степановна поставила весь класс на ноги. А потом велела сесть и спрятать руки за спину. Мне было скучно в школе, так как читала и писала я давно, а сидеть руки за спину, чтобы не вертелась, было очень неудобно.

Слава Богу, кокочка снова помогла нам. Она написала маме, чтобы собирала вещи и готовилась к отъезду в город Козьмодемьянск, что за нами придут две подводы. Ехать придётся по Волге, потому надо успеть до начала ледохода. Она написала в райздрав, и ей во всём помогли, главное, с квартирой, то есть мы должны были поселиться в её однокомнатной.

Собрались мы быстро. Главное определили на жительство к хорошему человеку Тузика и котиков – бабушке Зине. У неё свой дом, сад-огород и козы.

– Будем живы – не умрём, – бодро сказала баба Зина, а потом расплакалась. И мы ревели, прощаясь с любимой живностью, с хорошими людьми, с зелёным приветливым Куженером.

А в мартовское морозное утро, ещё затемно, к нам постучал старый усатый дядька и просто сказал: "Ну вот, отогреюсь чуток, да и поедем засветло. Подводы две, а шофер один. Ты ведь Надежда?" – обратился он к маме, – "вот и будешь Манькой командовать. Ничего, она смирная"…

Мама нарядилась в тулуп, нас с бабушкой посадили в другой, да закутали стёганым одеялом. Мне не терпелось – скорее бы лошади тронулись, так хотелось на лошадке прокатиться, посмотреть на новые места.

Дорога показалась дальней. Особенно долго мы ехали по ещё не проснувшемуся тёмному лесу. Мне было жутко оттого, что всё время хохотала и ухала какая-то птица. Но перед рассветом я заснула и проспала долго. Наш райцентр остался далеко позади…

Здравствуй, Волга!

Город Козьмодемьянск раскинулся на правом – высоком – берегу Волги. Помните "Двенадцать стульев" Ильфа и Петрова? Да, это были Васюки, где Остап Бендер дал сеанс одновременной шахматной игры. Но я тогда даже и не слышала об этом.

Наш дом стоял на улице Ленина – на самом берегу Волги, рядышком с бульваром. Это было старинное двухэтажное здание с большими окнами, обрамлёнными узорными наличниками.

Прямо у подъезда нас встретили наши соседи, семья Серебряковых. Анатолий Васильевич – глава семейства, невысокий симпатичный мужчина с добрыми глазами. На

фронт его не взяли – больные ноги, результат ранения в финскую кампанию. Работал он шофёром в милиции. Жена его Зоя Михайловна, красивая, черноглазая женщина, и с ними двое ребятишек – сын Юра, худенький, похожий на отца и дочка Иринка – такая же черноглазая, как мама.

– С приездом, дорогие новосёлы. Не замёрзли? Устали, конечно, – такими словами встретила нас Зоя Михайловна. – Давайте мы вам поможем.

И подхватив узлы и коробки, наши новые соседи понесли их наверх. Когда сани опустели, Анатолий Васильевич сказал: "Осмотритесь немного в своём новом жилище, да и к нам – ужинать.

Квартира по сравнению с прежней оказалась маленькой, но светлой, с двумя окнами. Никакой русской печи – подтопок, отгороженный от небольшой кухоньки. В ней стоял шкаф для одежды, умывальник, столик-залавок. Понравилась изготовленная кем-то большая, вся в узорах, полка для посуды. Мне всё понравилось в новой квартире. В комнате две кровати, комод, круглый стол, этажерка с книгами. Украшал её развесистый, как дерево, фикус – чей-то подарок молодожёнам. Стоял он в простенке и никому не мешал. У подтопка примостилась печка-буржуйка. И об этом позаботилась молодая чета. Как всё это нам пригодилось! Потом, немного сконфуженные неожиданным, таким добрым приёмом, мы зашли к соседям. В просторной кухне стол был уже накрыт. Несмотря на трудные времена, ужин был вкусным и сытным. Грибной суп, заправленный густой сметаной, горячая картошка с солениями и душистый чай с липовым и смородиновым листом, да ещё с вареньем.

– Вот как пригодились наши запасы, – с улыбкой сказала Зоя Михайловна. – А ведь иногда лень было варить. Так что зиму доживём – не затужим. Завтра Тамуся в школу, наверное, пойдёт? – Я не успела ответить, как Юра опередил меня: "Я провожу тебя, пойдём вместе, ладно?"

На первых порах мне в новом классе было нелегко. Учительница Раиса Ивановна Климчук – невысокая, белокурая, с голубыми близорукими глазами, оказалась строгой. Но посмотрев мои тетради и узнав, что бегло читаю и хорошо справляюсь с арифметикой, стала похваливать меня. И через некоторое время я стала первой ученицей в классе. Особенно понравились мои рисунки в альбоме. Приходилось частенько помогать учительнице оформлять стенную газету, разрисовывать рамки для заданий каждому ученику. Она тормошила нас, много спрашивала, заставляла на уроках письма, чистописания и других делать гимнастику. Думаете, для чего? Да чтобы мы не замёрзли, чтобы своим дыханием отогреть чернила в наших непроливайках. Печи топили скудно: дров почти не было.

Но мы учились, занимались в кружках, разучивали сказки и ставили "спектакли", устраивали концерты для родителей, писали письма незнакомым бойцам на фронт, вкладывая в них рисунки. Но в учёбе мне мешала неправильная, "диалектная" речь. Мои новые товарищи беззлобно передразнивали меня. Я говорила "ишо" вместо ещё, "толше" вместо толще. Кокочка делала мне замечания, когда я вот таким образом передразнивала кого-нибудь из детей, а потом и сама привыкла говорить на "вятском" – как говорили – диалекте. Всё-таки трудности эти оказались преодолимы.

К новой квартире мы привыкли сразу. Мама уже работала в Доме матери и ребёнка, где воспитывались дети до двух лет – круглые сироты или родителей фронтовиков. Спрос за содержание и воспитание со всего персонала, а особенно медицинского и педагогического, был суровый. Но сотрудники относились к детям с любовью и заботой, потому все они выглядели прекрасно: чистенькие, полненькие, весёлые. Хорошо развивались. А ведь привозили их, зачастую, еле живых, настоящих дистрофиков. Их выхаживали. Изредка, правда, случались нарушения "трудовой дисциплины". Однажды няня Нина Ивановна решилась унести домой бидончик с остатка-

ми пищи. Кто-то на неё донёс. сразу же уволили. А могли и посадить. Но пожалели – у неё было трое детей, а муж на фронте. Медицинским сёстрам и воспитателям полагался "за вредность" сухой паёк, но им его не выдавали, а разрешали обедать с детьми в свою смену. Казалось бы, сотрудники хотя бы немного поддерживали себя питанием. Но внезапно у мамы обнаружили во время медосмотра закрытый туберкулёзный очаг, и ей пришлось перейти в няни.

А она обожала детей такого возраста. Конечно же, они напоминали ей любимую Лилечку. Особенно привязалась душой к мальчику Вове, очень похожему на мою сестрёнку. Даже мечтала усыновить. Но где там – жизненные – квартирные и материальные условия не позволяли это сделать. Зарплата няни – двести рублей. Столько стоило ведро картошки.

...Наш дом стоял на самом берегу Волги, на улице Ленина, 64. Со стороны двора к нему примыкал стадион. Зимой часть его была очищена под каток, летом нередко состоялись футбольные матчи.

Однажды я шла по тропинке среди снежного раздолья. И вдруг навстречу вышла большая серая коза. На лбу – белая звёздочка, на ушах – длинные "серёжки", а вместо рогов – толстые бугры. Я совсем не испугалась: что может сделать безрогая коза? Остановилась перед ней в ожидании, что она уступит мне дорогу, вернее, тропинку. Но не успела я додумать эту корыстную мысль, как очутилась вниз головой в глубоком сугробе. Стала барахтаться, но ничего не получалось. А дышать было трудно: и глаза, и нос, и рот были забиты снегом. Но тут кто-то ловко выдернул меня из сугроба и поставил на ноги. Оказалось, тётя Зоя. Случайно в окно увидела и поспешила на помощь. Она отряхивала меня и приговаривала: "Прости, Тамуся, не предупредила тебя, что у нас чудачка коза есть. Зорькой её зовут. Испугалась, да?"

– Нет! Даже интересно было. Такая смешная Зорька у Вас.

– Ну и молодчина…

А весной у безрогой Зорьки появилась белоснежная козочка. Мы купили её у тёти Зои и назвали Белочкой. Козочка подросла и очень выручала нас своим целебным, вкусным молоком. А потом мы обзавелись тремя пёстрыми курицами и "обеды" наши намного повкуснели и стали гораздо сытнее. Одно дело есть "зелёный" суп из крапивы, свекольных листьев, ещё чего-то и воды, другое, когда он забелён молоком. Ведь жиров не было абсолютно никаких, иногда соляркой смазывали сковородки, чтобы какая-то еда не пригорела, а что это было на сковороде – не помню. Разве что грибы? Собирали всё, что можно было проглотить: жёлуди, мёрзлую картошку, семечки от липы. Бабушка перемалывала жёлуди с отрубями и пекла лепёшки, которые получались довольно горьковатыми, но сытными.

Мои одноклассницы, почти все, жили в частных домах, и огороды спасали их. Им пекли лепёшки из гороховой муки, они же хотели только желудёвые. Вот и выпрашивали на обмен. Я с радостью приносила их домой и мы наслаждались ими, припивая чаем из шиповника. Зимой ещё больше страдали от холода. Дрова были недоступно дороги. Лес рядом, но рубить нельзя. И всё лето мы с бабушкой занимались промыслом топлива. Летом Волга отходила от нашего бульвара на порядочное расстояние – около километра. Надо было пройти по горячему песку, к воде, чтобы поймать любую проплывающую мимо деревяшку, или распилить прибившийся к берегу топляк, а потом, обвязав верёвками, волочить добычу домой. Такая радость, если попадалось целое бревно. "Буржуйка" пожирала всё с неистовым азартом, накалялась докрасна, а через полчаса – час остывала. Утром всегда оттаивали лёд в ведре или тазике.

Однажды крупно повезло – к берегу прибило дырявую баржу. Она лежала на левом борту и волны с громким плеском бились о неё. Ночью весь город был у подножия баржи.

Пилили, кололи, ломали, тащили. Приходили домой грязные, исколотые гвоздями, но страшно довольные. Ой, а как стеснялись в первый раз. Как это – воровать! А если схватят? Нас с бабакой в тюрьму запрут? Сначала ходили на разведку. А потом – где уж наша не пропадала.

Пять долгих зим промышляли разными способами. В лесу был порядок, трудно сучок завалявшийся найти. Но ведь не вымерзли. Да мы оказались крепче всего древнего зверья. И голод, и холод обломали о нас свои "алчные зубы". Заставляло страдать другое – гибель близких людей на фронте или в госпиталях от ран. Несчастья подстерегали и в будней жизни. Неожиданная страшная беда случилась у наших добрых соседей. Ушла к бабушке, как часто она это делала, маленькая Иринка и не вернулась. Тётя Зоя думали, что она загостилась у бабули – телефонов ни у кого не было, а старушка и не знала, что к ней внучка направилась. А потом родители затревожились и пошли к Зоиной матери. Дочки там не оказалось. Это. был удар! Искали везде несколько дней, но безуспешно.

Оказалось всё до ужаса просто. Она утонула в огромной луже – глубиной более метра в тёмном, длинном коридоре дома, где жила бабушка. Там испокон веков, как говорится, стояла вода – место было низкое. А потому поверх её лежали деревянные мостки. Неизвестно, сколько бы пришлось искать Ирочку, если бы в этот провал не упала коза, не раз "навещавшая"свою хозяйку, – на сей раз неудачно. Она дико закричала и её услышали и спасли. Нашли и девочку… Ей было всего пять лет. Утрата невосполнимая.

Во время войны я часто болела, то ангина, то воспаление лёгких. Да, семь раз за четыре года. Последнее воспаление – самое тяжёлое: температура за сорок, галлюцинации - чёрный паук над головой, как свастика. Почему же выжила? Аспирин и питьё: клюква, шиповник, зверобой… Тощая и живучая? Кока беспокоилась, давала какие-то советы. Письма были короткие.

О чём можно было писать в то жестокое время? Только спросить о здоровье близких. И ни в коем случае о том, как выживаем. О себе же короче некуда: "У меня всё хорошо. Жива-здорова, чего и вам желаю". Ни о тысячах вытащенных под страшными обстрелами бойцов и офицеров, об отсидке в лютый мороз в окопах не по одному дню – не могло быть и речи. Но наградами капитана медицинской службы Анастасию Винокурову не побаловали, как и её коллег: какие-то медали "За взятие"... Да и в мирное время у любого правительства нашей страны медики не в чести. Они же не артисты. Не забавляют, не радуют, а просто спасают жизнь. А кому какое дело до чужой жизни? Правильно, только врачам и родным заболевших.

Но жизнь продолжала свой бег.

Ликование и грусть

Настало наконец долгожданное Девятое мая тысяча девятьсот сорок пятого года. Ни с какой другой несравненная дата! А на Волге тоже праздник. И днём и ночью толпы людей. И было много слёз и радости, и крушения надежд. Слава Богу – вернулись живыми и невредимыми наши дорогие – кокочка и дядя Коля. Николая Михайловича в звании майора назначили в Комитет государственной безопасности Марийской республики. Молодая чета перебралась в столицу. Им дали двухкомнатную, тесную квартиру в центре города, как водится без удобств. Они, конечно, изменились, наши долгожданные родные. Реже шутки, улыбки, появились проблемы со здоровьем. У тёти Таси – нелады со слухом. Почти пятилетний грохот бомб и снарядов изо дня в день, из ночи в ночь не прошли даром. Дядя Коля в свои тридцать лет стал совсем седым. Труднейшая эта работа – родину защищать...

О моём отце сначала ничего не было известно. Ведь мама не оставила ему адреса, мало того, запретила родственникам что-либо о нас сообщать. Только через несколько лет они сами

написали, что Геннадий Гафарович был дважды ранен, долго лечился, а поправившись, женился на медсестре, которая его выхаживала после второго, очень тяжёлого ранения…

Мирная жизнь потихоньку налаживалась. В семье Винокуровых росла дочка Леночка-Ляля. Несмотря на скромное жильё, кока и дядя Коля каждые каникулы приглашали меня к себе. Моя бабушка переехала к ним и водилась с внучкой. Я очень полюбила сестрёнку, считала её родной и с нетерпением ждала лета, чтобы повидаться со всеми. С удовольствием водила Лялю в детский сад. Она была полненькая, хорошенькая, с большими карими глазами и милыми конопушками на вздёрнутом носике. Она никогда не капризничала и росла живым, весёлым ребёнком. В садике её обожали.

Так что в семье своей тети я чувствовала себя бесконечно счастливым человеком. Никто меня не ругал, не попрекал куском хлеба, ни тем, что я заедаю чью-то жизнь. Со мной разговаривали почти на равных. Особенно когда речь заходила о выборе профессии. Я мечтала стать врачом, хотя бы сначала медсестрой. В Йошкар-Оле было фельдшерско-акушерское училище. Но мама сказала: "Нет". Так и пришлось поступать в Козьмодемьянское педучилище. В этот же год у коки и дяди Коли родился сын Вовочка. Дочь и сын – какая радость! Мой племенник был красавчик, крепыш. К сожалению, виделась я с ним реже, чем с Лялей. Дело в том, что дядю Колю перебросили в другой район республики на должность начальника милиции.

Вот там и случилась с малышом непредвиденная неприятность. Просто беда. Его искусала соседская овчарка. Пришлось четырехлетнему ребёнку делать сорок уколов в живот. И этот сильнейший стресс, и тяжёлые уколы, негативно сказались на здоровье Володи и в дальнейшем. И такое преподносит иногда царица-судьба и безвинному ребёнку…

Вот и подошла к естественному выводу, почему в тяжёлые минуты жизни я обратилась к моим родным и любимым

людям: всегда получала от них искреннюю поддержку и помощь. Бог наградил их не только мудростью, душевной красотой и порядочностью, но и великой добротой.

Потому оказалась в Рыбинске.

4. В ОЖИДАНИИ ЧУДА

В это же утро, в день приезда в Рыбинск, мы с Леной отправились в медсанчасть.

Нас встретила невысокая рыжеволосая женщина с миловидным лицом – Римма Ивановна Языкова.

– Ну что, как доехали? Как себя чувствуете?– заговорила она приветливо, просто, как будто мы были давно с ней знакомы. – Не волнуйтесь, Тамара. Сейчас посмотрим быстренько и подумаем, что делать дальше.

Во время осмотра я невольно посмотрела на Лену, и сердце моё дрогнуло. Лицо её пылало, в глазах – слёзы. Мысли заметались, стало не по себе: "Да зачем же я приехала!" Только расстроила сестру. Мало ей своих забот. Ведь в Болгарию собралась, отпуск взяла. Из-за меня не отдохнёт..." И тут же услышала голос Риммы Ивановны:

– Придётся Вам остаться, Тамарочка, и подождать пока приму пациенток. Посмотрю ещё разок как следует. Посидите в холле, посмотрите свежую прессу. Вы же без газет, наверное, не можете и дня прожить…

Она пыталась шутить, но лицо её было расстроено. Мне долго пришлось ждать повторного приёма. Женщины заходили в её кабинет одна за другой, через десять-пятнадцать минут выходили. Спокойно располагались в креслах и вскоре уходили по своим делам. Никого из них в стационаре не оставили. Наконец, меня пригласили в диагностический кабинет.

– Не бойтесь, больно не будет, – успокоила Римма Ивановна. – Пока мы Вас смотрим, расскажите, как там жизнь в

Молдавии. Наверное, осень тёплая, длинная. Как дети осваиваются на новом месте. Елена Николаевна рассказывала, что Вы рано стали бабушкой. Да, в сорок три года немного рановато.

Римма Ивановна расспрашивала меня, я машинально отвечала и не заметила, что и она, и её ассистентки активно мной занимались. Осмотр продолжался долго, тщательно. Ведь от правильного диагноза зависел во многом успех лечения. А Римма Ивановна была высоким профессионалом. И не только – ответственным и гуманным человеком.

– Конечно, Вам придётся у нас задержаться, – сказала в заключение доктор.

– Думаю, ненадолго. Но организм Ваш настолько ослаблен, что не советовала бы Вам спешить с отъездом.

Что я могла возразить? Конечно, ослаблена, обескровлена как дохлая курица, и спасибо, что так приняли меня, возились со мной, так серьёзно, в то же время сердечно со мной говорили. Недаром-недаром приехала. И всё – благодаря младшей сестре… Меня поместили в палату к четверым молодым женщинам, лежащим на сохранение беременности. Все приветливые, весёлые, говорливые.

Посмеялись надо мной, что хотя ещё и не старая, но бабушка попала к ним в палату. Я им объяснила, в пределах разумного, что вообще делаю в родильном отделении. Не хватало ещё напугать будущих мамаш, испортить им настроение. Каждая их них мечтала, горела желанием подлечиться и непременно "обзавестись" малышом. Но так уж вышло, что в первую же ночь моего пребывания в палате со мной случился неожиданный казус. Что же ещё ждать от нелепого человека? А просто сбылся мой предутренний сон в поезде "Кишинев-Москва".

И не знаю, чем бы это кончилось, но одной из девушек дежурная медсестра принесла лекарство и включила свет. Да никто ещё не спал, просто лежали и тихонько разговарива-

ли. И вдруг одна из них, кажется, Верочка обнаружила под моей кроватью тёмную лужицу. Все сначала всполошились, но строгая сестра Люда сказала им, чтобы "немедленно успокоились", и мигом вызвала дежурного врача.

Надо же было такому случиться, что в эту ночь работала близкая Лялина подруга – Галина Анатольевна, такая же красивая. Только в отличие от моей сестры-шатенки – брюнетка. Она как чувствовала – только что хотела со мной познакомиться, а тут дежурная прибежала. Да, ей не повезло, несколько раз за ночь увозили меня на каталке в процедурную, что бы "утрамбовать" бинтами, ввести кровоостанавливающие препараты. Пожалуй, месячная норма перевязочного материала всего стационара ушла на одну нелепую бабку.

Рано утром прибежала обеспокоенная Римма Ивановна.

– Ну как Вы, Тамарочка? Плохо Вам было?

– Да всё хорошо, спасибо за беспокойство. Извините, от меня одни неприятности. Надо было лежать спокойно, а я бродила по коридору, вот и наделала дел.

Валера, муж Ляли, тоже забежал на минутку, проведал. И у него невольно вырвалось: "Лена наплакалась вчера. Беспокоится. Давай держись, всё будет хорошо".

Потом и Лена пришла, успокаивала, а я – её, да ругала себя, что столько хлопот всем наделала.

– Будешь лежать, Римма Ивановна сказала, пока не окрепнешь. Куда с тобой такой в дорогу?

Она приходила, за редким исключением, каждый день. А у самой работы полно: дежурства, мальчики одни дома.

Но злоключения со мной у врачей не кончились. Конечно, начали интенсивно лечить: уколы, переливание крови. Наметили и капельницу. Первый препарат "прокапался" нормально. И только начали капать второй – потеряла сознание. Медсестра, конечно, вышла, ведь капельница процедура длительная, а у неё не одна палата больных. Снова выручили девочки. Сестра отключила систему, а в вену сделала корди-

амин. Очухалась. Видимо, сердцу моему не понравился "второй пузырёк". Паника в палате улеглась, и смех напал.

– Ну вы даёте, тётя Тома, – смеялась Катюша. – До смерти нас напугали.

– Да, вдруг вижу лицо у Вас стало серое, а потом землистое, – подхватила Света.

– Вы у нас как феникс возрождаетесь, и слава Богу! – так и перекрестилась Валя.

– Простите, девочки. И спасибо вам. Сама удивляюсь – может, я ненормальная? Одни неприятности людям приношу, – покаялась от души.

Я тогда подумала – что бы со мной было дома, в молдавской столице? Кто бы стал обо мне заботиться и жалеть? Здесь врачи постоянно что-то придумывали, чтобы я поскорее окрепла, кололи витамины. Ляля кормила, старалась изо всех сил. А как трудно было тогда с продуктами, только на рынке можно было купить что надо.

А какой препарат мне тогда в капельнице не подошёл, так и не спросила. Приходилось всегда от них отказываться. Когда же делали переливание крови, начинался такой мандраж, что девчата всей оравой прижимали меня к кровати, чтобы не подпрыгивала. Но это длилось недолго. Запомнила, что кровь мне дала Нерубова. И в голове моей целый день топтались мысли под весёлую ритмичную музыку: "Мне кровь дала Нерубова, Нерубова, Нерубова. Мне кровь дала Нерубова! Какая же она? Девчонка ли, старушка ли, но знаю, что добра. И знаю – для добра".

И действительно. Кровушка доброго человека влила в мои жилы силу, бодрость. И не только: искорку надежды. Хотя чуда пока не случилось: диагноз жестокий…

Две недели пролетели быстро. И мы с моей Еленой Николаевной отправились в наш родной город Йошкар-Олу, который когда-то я покинула не по своей воле. Распрощалась с чудесными врачами – Риммой Ивановной и Галиной

Анатольевной, заботливыми сестричками и милыми, чуткими девушками – соседками по палате. Они уже так привыкли ко мне, несмотря на хлопоты, что даже всплакнули.

А я со всей искренностью заверила их , что за доброту каждой из них воздастся и непременно придёт тот счастливейший миг, когда они станут мамами. И каким глубоким смыслом и счастьем наполнится их жизнь, хотя она уже не будет принадлежать только им, а их кровинке: сыну или дочке – новой веточке жизни.

5. ЗЕЛЁНЫЙ "БУНКЕР" СРЕДЬ РЯБИН

Поезд "Москва-Йошкар-Ола" прибыл в марийскую столицу ранним утром. И хотя накануне Лена звонила родителям, чтобы не беспокоились и не встречали, кока и дядя Коля уже ждали нас. Да разве они усидят дома... А вообще-то они всегда знали, что дочь с пустыми руками никогда не приезжает. Я же была не в счёт.

Пока ждала её на Казанском вокзале, она до отхода поезда успела постоять в нескольких очередях и пришла нагруженная до предела. Что поделаешь – такие были времена. Вроде и неплохие, но с продуктами обычно была напряжёнка. Москва считалась кормилицей, хотя именно в неё шли "эшелоны" с провизией – сырой и варёной – из всех уголков страны.

Утром немного вздремнули, потом все вместе хлопотали – готовили. Было хорошо всем вместе, о плохом и вспоминать не хотелось. Просто наслаждались общением. К вечеру пришли после работы двоюродный брат Володя с женой Ритой и сыночком Колей. Мальчик был рассудительный и в то же время смешной. Я люблю разговаривать с ребятишками. Только мы уселись с ним на диване, за окном вроде прогремело. Коля тут же отозвался:

– Я грозы не боюсь. Она мне только в глаз попала. А я её выдернул.

И тут же:

– Молнию я не боюсь, я грозу боюсь. Молнию я из пистолета огнем убью.

– Коля, а где гроза живёт?

– Она на небе живёт. Её даже мишка не достанет. Я когда вырасту до неба – все тучи съем. Красные, чёрные и голубые.

Потом он "порциями" выдавал свои познания.

– Пар – это отделение воды. Он идёт в небо. Тогда всё потеет, и человек потеет, и окна…

– Чем больше букв, тем больше знания…

– А от сладкого ума прибавляется? А от чиколада "Рот-Фронт"?..

– Я никогда не заблужусь из-за моха. Где мох – там и север, где солнце – там юг…

Вот тебе и четыре-пять лет. Увидел, что я моль поймала, тут же посоветовал: "Положи лучше моль на цветы, пусть она большая вырастет"…

Видимо, не хотел, чтобы я моль убивала. Вынесла я её на балкон и выпустила на улицу. И тут же услышала: "Ой, тётя Тома, да вы у нас молодчина". Насмешил нас, удивил, повысил настроение на "сто градусов".

Завтрашний день обговорили, когда ребята ушли. Прощаясь, Рита сказала:

–Тома, постараюсь забежать к тебе в выходной.

– Не вздумай, нечего тратить единственный выходной. Вот выздоровлю и встретимся!

На том и разошлись. Но всё равно она ко мне прибегала, добрая душа Риточка. Красочные шоколадные обёртки храню до сих пор.

Вечером кока рассказала, что как только Ляля позвонила ей и описала ситуацию, она пошла в Республиканскую больницу. Встретилась с главным врачом онкологического отделения Тумановым и обговорила все вопросы. Человек мудрый,

профессионал высокого класса, знающий цену человеческой жизни, он пошёл навстречу ветерану войны и коллеге в решении этого нелёгкого вопроса: радиология небольшая, больных в избытке, да и каждый лишний пациент – это нагрузка на врача-онколога, который каждый раз во время процедуры, что скрывать, сам получает долю облучения…

А на следующие утро тётя Тася проводила меня в республиканский центр медицины. Когда вошли в ворота просторной территории больницы, кока показала вдаль: "Вон, Тома, твой приют – лечебный корпус". И я увидела длинное приземистое здание, выкрашенное в светло-зелёный цвет, окружённое группками рябин, пурпурные гроздья которых оживляли и украшали всю представшую перед нами картину.

Приняли просто, приветливо. Познакомились. Заведующий радиологией – Александр Васильевич Смоленцев, пожилой, высокий, худощавый мужчина, с добрыми грустными глазами. Лечащие врачи – Зоя Александровна Тарасова, стройная, молодая женщина с милым лицом, тактичная, скромная. Вера Петровна Якимычева, в отличие от Зои Александровны, пожилая, уверенная, решительная. Оказывается, всю войну прошла хирургом прифронтового госпиталя, была ранена, лишилась глаза. Все они располагали к себе простотой обращения, внимательностью, я бы сказала, дотошностью – так тщательно все трое рассмотрели мои анализы, сделанные в Рыбинской онколаборатории, а потом обследовали меня. Им, в первую очередь, нужно было установить стадию заболевания. Решить, какое лечение применить и чем. В то же время они потихоньку журили меня и сетовали, особенно старшие: "как это грамотная женщина довела себя до такого состояния. Простительно нашим колхозницам, обременённым кучей детей, скотиной, тяжёлым физическим трудом. А вы же интеллигентка, такая у вас работа… А куда муж смотрел?"

Конечно, я помалкивала, поддакивала и тяжко вздыхала, но потом только поделилась некоторыми обстоятельства-

ми своей "неуютной" жизни. А теперь и ей, этой жизни, была рада, только бы выбраться с помощью этих добрых докторов из тупика, в который загнала меня судьба с моей же помощью. Во всём, что с человеком случается, нередко виноват он сам. Своими руками он рушит то хорошее, что преподнесла ему жизнь.

Несмотря на занятость, нехватку времени, суету, надо непременно заставить себя остановиться, хорошо подумать, вслушаться в себя, то есть "включить" свою интуицию и почувствовать каждой клеточкой мозга и сердца – а правильно ли ты вот сейчас, в данную минуту поступаешь, не остановиться ли, не горячиться и сделать всё совсем по-другому. Прислушаться к себе, подумать, а всё ли с тобой, твоим здоровьем в порядке. И если почувствуешь: "Да нет, не всё",– немедленно действовать. Если не ради себя самой, а ради твоих близких, любимых. И не возноситься, не считать унижением добрый совет прожившего немало на этой земле человека. Некоторые уповают на Бога. Но ведь и Богу надо помогать. Нас – сонм, а он один. Я иногда думаю, что Бог – это мечта. Мы его не видим, как не видим мечту. Мы только знаем, что она есть. Значит есть и Бог…

Когда меня смотрел Александр Васильевич, я напомнила ему, что у него лечилась моя свекровь, Анна Ивановна Пономарёва. Она живёт и здравствует более десяти лет.

Доктор обрадовался, заулыбался и помолодел на глазах:

– Из Козьмодемьянска, Анна Ивановна? Как же, помню. Красивая такая, статная женщина. Она каждый год приезжала на проверку, а теперь, видимо, не нуждается. Значит, всё в порядке…

После того, как тётя Тася ушла домой, меня определили в двухместную палату. Конечно, она была более чем скромная: две кровати на панцирной сетке, две тумбочки. Стол и два стула. Кровати разделяла толстая стена. Только такая обстановка и могла быть в такой палате – "боксе". Ведь не

секрет, что как бы хорошо ни работала система вентиляции, частицы радиоактивных зарядов всё-таки оседают на предметах. И чем их будет меньше, тем лучше для здоровья.

Вскоре ко мне зашла Зоя Александровна. Она подробно записала все мои данные, деликатно обо всём, что ей необходимо знать, расспросила. Успокоила, что даже с моей, третьей стадией, лечение бывает успешным.

Сочетанно-лучевая терапия, как показала практика, более щадящая, чем"химия", хотя тоже не лёгкая.

– Но надо всё преодолеть, – мягко сказала доктор, – жизнь-то одна. А вы, как я поняла, женщина сильная, хотя на вид такая хрупкая. Думаю, мы справимся, так ведь?

– Очень-очень надеюсь, и буду стараться изо всех сил…

– Вот и хорошо, – улыбнулась Зоя Александровна. – Пока отдохните. И она вышла из палаты.

Что меня удивило, так это откровенность, доверительность и благожелательность в разговоре врачей с пациентами. Через некоторое время меня пригласил в кабинет Александр Васильевич.

– Вы сразу сказали нам, что хотите знать правду, что ничего не боитесь, – начал он. – Это вещь немаловажная. Это только помощь нам, врачам. Да, у Вас воспаление, в общем, рак шейки матки и правой стороны полости. Мы определили как третью стадию. А это значит – есть метастазы. Оперировать нельзя. Поэтому будем облучать. Если будете слушаться, выполнять все назначения, стараться ни в коем случае не расстраиваться и хорошо питаться – дело пойдёт на поправку. Ваша свекровь ведь справилась, хотя куда крепче вас была. Зато Вы духом сильны. Ваши доктора познакомят Вас с нашей лабораторией, процедурами, которые будут проводить. Аппетит будет ухудшаться, потому надо включить в рацион шоколад, фрукты, натуральные соки. Анализы крови у Вас пока нормальные. Не зря вас в Рыбинске подлечили. Если понадобится ещё переливание – кровь у нас всегда есть.

Я рассказала, что за казус произошёл с капельницей, что забыла спросить, какой препарат не подошёл, и Александр Васильевич тут же отметил в карточке.

В кабинет вошли Вера Петровна и Зоя Александровна. Заведующий спросил их: "Ну что, в палату определили? И давайте сегодня же. Не будем время терять. Надо же, – он укоризненно посмотрел на меня, – столько лет потерять!"

Пока готовили всё для рентгена, я прошлась по всему зданию радиологии. Конечно, комфортабельным его назвать было нельзя. Всё предельно скромно – не сравнить, конечно, с молдавским онкоцентром, но зато кругом чистота. В коридорах уютно – много цветов, картины на стенах, на столиках – газеты, журналы, памятки для пациентов.

Когда шла в больницу, думала увидеть хмурых, неприветливых, несчастных, возможно даже, озлобленных на судьбу людей. Но ничего подобного не заметила, кроме того, что лица жильцов этого дома были бледны. Эта бледность с желтизной кожи, тёмные подглазицы выдавали их болезнь – жестокую, беспощадную, одинаково и к взрослым, и к детям. И ещё. В помещении этой клиники, в отличии от других больниц, где всегда остро пахло хлоркой, стоял свой, особенный специфический запах, который даже перебивал запах лекарств. Хотя вокруг была оборудована мощная вентиляция и после "укладок" все палаты долго проветривались.

Когда после прогулки по коридорам подошла к своей палате, увидела возле дверей группу женщин. Они на перебой поздоровались, заулыбались: "С новосельем Вас! Откуда прибыли? А как звать-величать?"

Эта встреча меня не удивила и не вызвала досады, а приветливость очень даже пришлась по душе. Пригласила в палату, ответила на все вопросы. А заодно задала и свои. Особенно, как лечение, терпимо или тяжеловато приходится? Смалодушничала всё-таки, спросила. Всё-таки неизвестность страшила. Я всегда боялась острой боли, нудную, длительную могла терпеть бесконечно.

Женщины рассказывали охотно, успокаивали, что всё терпимо. Труднее всего лежать на "укладках" по двое суток – сорок восемь часов подряд. Но это всего раз в неделю. А сколько они продлятся, только доктора знают. В это время подошла Зоя Александровна с двумя санитарками и каталкой.

– Давайте, Тамара Геннадьевна, прокатимся, – весело сказала она. – Проведём небольшую репетицию. Забирайтесь, обратно так же приедете.

– Ну, удачи тебе, – пожелали женщины мне вслед и разошлись по палатам. Вот и рентген-кабинет. Процедура была необходима, и как здорово, что Зоя Александровна так тщательно всё обследовала, потому дальнейшее успешное лечение проходило благодаря её умению и профессиональной компетенции.

В палату на каталке уже поехала с удовольствием.

– Часок полежите, а потом непременно обедать.

После обеда и дневного отдыха женщины снова заглянули ко мне. Спросили о самочувствии.

– Всё хорошо, не волнуйтесь. Расскажите лучше о себе, познакомимся поближе. Рассаживайтесь поудобнее, я пока одна, соседки нет.

– Ой, не тужи, будет тебе подруга. Каждый день приходят сюда и приходят, – за здоровьем, – с горечью сказала самая пожилая женщина, Шура. Так она себя представила.

– Ровненько двадцать лет назад я здесь серьёзно отлечилась. За Веру Петровну и Александра Васильевича молюсь до сих пор. Поставили на ноги. Да что там, дали вторую жизнь. В деревне никто не верил, что вернусь домой не вперёд ногами. А я и явилась жива-здорова. Как выписываться стала, – продолжила она, – разные наказы врачи сделали. Чётко так и строго. С мужем ни-ни, не меньше полугода. Тяжестей никаких. Ходить тихонько, не падать, вредно ударяться-то. Питаться как следует, чтобы кровь была хорошая. Вот и надо сметану есть, моркови побольше, побаловать себя шо-

коладом, чёрной икрой. Ну как с хозяйством – берегись – не берегись! Что сказать вам? – погрустнела Шура, – Семён мой слинял, будто корова языком слизнула. Как это он терпеть будет? Хоть и обнадёжила его – пройдёт время, снова потихоньку заживем. Не такие, мол, мы молодые уже… Ушёл. Ну и скатертью дорожка.

Дочка с мужем и сыночком переехали. Хорошие они у меня. Ничего делать не давали. Я за Ванюшкой смотрела, огород мы с ним понемножку поливали, но это не скоро, поди через месяца три. Он больно рад, что бабушка близко, ни на шаг от меня. И вот, слава Богу, двадцать лет прожила без всяких последствий… Тут ребята мои придумали дом наш приподнять. Сейчас мода такая пошла. Внизу подвал обустраивают – тебе и кухня, и баня, чулан, а наверху зала да спальни. Удобно получается. И взялись за дело.

Дочка моя Катя наперёд сказала:

– Смотри, мама, не вздумай кирпичи таскать. А то всё новоселье нам испортишь.

– Ой, ну и дуры же мы бабы. Сами себя в гроб загоняем… Не послушалась я её.

– Ничего мне не будет, если по кирпичику буду подносить, – это про себя подумала.

Сначала по кирпичику, потом по два… Ой, девочки, – заговорила я вас, – спохватилась Шура.

– Давай уж выкладывай, – как ты до такой жизни дошла, что снова сюда припёрлась, – потребовала бойкая такая женщина, которая мне Лидой представилась.

– Да вижу ничего. Катя с Геной заметили, вдвоём внушение сделали. А мне их жалко. После работы опять на работу… Несколько дней подождала, а потом снова решилась. Взяла да и подняла разом четыре кирпича. Да так и села. Боли такие и кровь появилась… Откуда? Ведь нет во мне ничего… Вот чего наделала! – вдруг всхлипнула она. – А теперь конец…

Её чёрные, как угольки, глаза, потускнели, белки пожелтели и стали почти такие же, как кожа на лице, желтизна сквозь смуглоту. Через день я узнала, что Шуру выписывают. "Укладки" ей делать было нельзя, принимала лучи, но метастазы, как щупальцы спрута, уже добрались до позвоночника…

Ночью записала в Серой тетради.

21 сентября 19… г.

"Вот и мой осенний причал – не Ленинград, не Прибалтика, где мечтала побывать, а низкое длинное здание Республиканской больницы в моём родном городе. "Зелёный бункер" – назвала нашу радиологию: так она окрашена, Зелёный цвет – это цвет жизни. Причал ожидания корабля здоровья. Надежда на … хотя бы ещё один кусочек жизни. А вдруг? Даже думать боюсь…"

Тётя Тася и Лена навещали меня почти каждый день. Рассказывали новости (телевизора в больнице не было), приносили вкусную еду – готовили в их семьях всё очень хорошо. Считали – и правильно делали, что питание – основа здоровья. А потом Ляля уехала домой. Дел невпроворот – дети учились, Валерий днём работал, а ночью приходилось ещё и дежурить. Хирургия – дело нешуточное. Так что распрощались с сестрёнкой до лучших времён.

В выходные дни, а иногда и после работы, меня навещали близкие друзья – Люся и Геннадий Егошины. Юношеская дружба всё-таки самая верная, незабываемая и прекрасная. Тем более, что мы с Люсей выросли поблизости, на соседних улицах, в городе Козьмодемьянске. Хорошенькая, нежная, скромная она навсегда осталась такой. После окончания педучилища пути наши временно разошлись, но слава судьбе, мы снова встретились и до конца нашей жизни, конечно же, не потеряем связи. Она выросла круглой сиротой. Воспитывала её бабушка, а жили они в большой тётиной семье, хотя и скромно, но весело и дружно.

Она было поступила после педучилища в Марийский государственный педагогический институт, на заочное отделение, но так и не закончила его, потому что встретила Геннадия Леонидовича, сразу влюбившегося в неё. Они поженились, вырастили двух сыновей и дочку. Люся все годы работала в одном из Йошкар-Олинских детских садов. Геннадий – старше её лет на семь – был журналистом. Служил в республиканских газетах, на телевидении, писал книги. Эрудированный, знающий, неравнодушный человек. Его острое перо, сатирические программы на телевидении не всем приходились по душе. И, конечно же, ему жилось нелегко. Отдушиной в его жизни была любимая жена, которая умела слушать и понимала мужа. Мы с Геннадием подружились через журналистику. Мои очерки, детские рассказы часто печатались в газетах "Марийская правда", "Молодой коммунист", в детских журналах. Да мы все любили наших детей. Разговор на серьёзные, "скучные" темы сводился к детям. Они очень хорошо поддерживали меня морально. Хотя, когда началось лечение, ходить по дорожкам больничного сквера мне было тяжеловато – всегда радовалась их приходу. Другие мои подруги просто не знали, что я лежу в больнице.

А тем временем меня полностью обследовали – нужны были свежие анализы – и подготовили к основному лечению. Тот день – вторник первого октября – мне не забыть до конца жизни. В этот день родилась моя вторая внучка Надюша. И я решила вести себя бодро, мужественно, желая моей крошке всех благ, какие есть на белом свете. А главное – здоровья!

Александр Васильевич утром сказал мне, что моего лечащего врача Зою Александровну, как самую молодую, отправили в колхоз, на копку картофеля, так что мной будет заниматься Вера Петровна. Да, вот такие были правила в нашем социалистическом обществе. Без сомнения, мы россияне – без картошки никуда, и надо было спешить вовремя убрать. Но в городах и весях столько было народа разных

профессий, которые без всякого вреда другим людям могли помочь колхозам. Но врач-онколог…

Первый шаг к чуду

И так, первого октября мне предстояло первое испытание. Женщины окружили меня, напутствовали: "Ну, с Богом! Не волнуйся, всё терпимо. Только крепко не засыпай! Мы в окошко будем к тебе поглядывать, чтобы не скучно было". Милые, добрые новые мои подруженьки по несчастью, спасибо вам.

Ровно в девять, после завтрака, они уселись на стульях вдоль всей стены коридора – принарядившиеся, в светлых платочках и так сидели, пока меня не вызвали. Такая здесь была традиция – сопереживание, проводы в дорогу здоровья. И вот послышался строгий голос Веры Петровны:

– Тамара Геннадьевна, просим Вас посетить наш кабинет. – Сердце моё дрогнуло и куда-то провалилось. В пятки? В длинной белой рубашке я вышла из палаты и пошла тихонько по длинному коридору. Наверное, я тогда была похожа на привидение. Женщин уже не было ни одной, они ушли, чтобы не провожать меня даже взглядом. Считается, что чем меньше людей знают о предстоящем для человека испытании, тем легче его будет переносить. Это относится и к роженицам. Так гласит народная молва…

А я, не торопясь, продлевая минуты приятной неизвестности, всё-таки уже подходила к распахнутым дверям процедурной.

– Доброе утро, – поздоровалась со всеми.

– Ещё какое доброе! – весело сказала Вера Петровна, восседавшая во главе длинного стола. Она была в маске и перчатках.

– Давайте, девочки. – Не успела я и глазом моргнуть, как очутилась на поверхности высокого ложа, на белоснежных простынях и клеёнках. И вся процедурная, и одежда персонала сверкала белизной.

– Вера Петровна, а кричать можно, если что? – вдруг ни с того ни с сего спросила я.

– Конечно, сколько угодно, – согласилась она. – Только кричать будешь по моей команде. Как скажу: "Вдох!" – так и кричи.

Она говорила со мной, а в это время я краем глаза видела: руки её просто мелькали, набивая моё нутро бинтами и тампонами с рыбьим жиром. Потом взяла пинцетом блестящий стержень и скомандовала: "Вдох!" – и "гвоздик" исчез в моей утробе. И тут началась аварийная работа... Ведь "гвоздик" был уже заряжен и его следовало побыстрее спрятать.

– Ну что не кричала? – тихонько рассмеялась Вера Петровна.

– А зачем? Ведь не больно.

– Вот и хорошо.

И я увидела, что она взяла пинцетом блестящий предмет – только другой формы и снова скомандовала: – Вдох! – я торопливо хлебнула воздуха и вновь ничего не почувствовала.

– Вот и готово! – вдруг сказала Вера Петровна.

– Неужели это всё? – удивилась я.

Но серьёзность процедуры почувствовала, когда сёстры– Рая и Люба отпустили мои руки. Они их не привязывали, а крепко держали своими ладошками, да так, что я чувствовала горячую дрожь.

– Слава Богу! – прошептал кто-то из них. А у черноглазой Раи в глазах стояли слёзы. Бедные девушки, это они так переживают за каждого больного? Видимо, за несколько лет работы их сердца не ожесточились, не стали равнодушными?

Но вот и ещё одно доброе дело выполнила многоопытный доктор Вера Петровна Якимычева. Сняла маску, перчатки и глубоко вздохнула.

– Ну, поздравляю, милая, – сказала ласково, как родному человеку. – Давайте, девчата, везите. Погодите немножко. Значит так. Двое суток будешь лежать на спине. Потерпи, на бок ни в коем случае, ногами не двигай, только пяточками можно.

И обязательно почаще на судно. Что поделаешь, приспособишься, подавать некому – радиация сильная… И кушать придётся лёжа – потихоньку, осторожно. Полотенце на койке висит, будут менять. – Тут взревела вентиляция, словно обрадовалась, что настал и её черёд действовать, как следует очистить помещения от всяких вредных веществ – пусть летят в трубу!

Не знаю, расслышала ли Вера Петровна за этим бравурным гулом вентиляторов мои слова благодарности. Да если и не услышала, так почувствовала.

Девчата привезли меня в палату, осторожно, как могли, переложили на койку.

– До встречи! – и поспешно закрыли за собой тяжёлую дверь.

И вот я осталась одна в этой светлой палате, и ощущение счастья охватило всё моё существо. Да, сегодня Первое октября. Мысленно перенеслась в Кагул, к детям. И снова пожелала моей внучке надёжного здоровья, как можно больше радости в её детстве, мира и взаимопонимания в молодой семье. И ещё подумала: "Солнышко моё, никогда, ни при каких жизненных трудностях, пожалуйста, не сдавайся, как твоя баба Тома…"

Да, это правда. Я так думала и так чувствовала. Спасибо золотым рукам Веры Петровны, искренней заботе и профессионализму Зои Александровны. Они развеяли мои страхи и сомнения, и теперь на второю, третью и четвёртую "укладки" пойду с одним желанием – всё выдержать. Шли минуты, потом часы после моей первой процедуры. Я прислушивалась к себе, что ощущаю. Но кроме радости – ничего. Я была сыта и довольна. Кока пришла ко мне в восемь часов и заставила как следует поесть.

– Надо, чтобы у тебя хватило силы на эти сорок восемь часов. Сытой лежать веселее. Что ты там лёжа поклюёшь? Первое не будешь – обольёшься. Так что завтракай – создавай резервы.

Кокочка, как всегда, оказалась права. Горячая гречневая каша с котлетами, пюре из тёртых яблок и моркови, крепкий чай с клубничным вареньем обеспечили мне сытый, спокойный день.Лежала и читала местные газеты. Мне всё было интересно знать о жизни республики. Тем более, знала многих журналистов. Как могла приспособиться, карябала что-то в тетрадке, делала наброски сказочек, детских рассказов, чтобы потом написать их по-хорошему, превратить в "произведения". Тогда у меня в Йошкар-Оле уже вышли три детские книжки. Правда в тонкой обложке: "Как сосульки плакали", "Марфина каша" и "Пешеходное масло". Отзывы были хорошие, книги быстро разошлись. Но с моей суматошной жизнью тогда издать больше ничего не удалось…

Долюшка женская

А за окном появились женщины, одна – другая.

Сначала Фрося – Ефросинья Фёдоровна. Мы с ней уже познакомились. Невысокая, с круглым улыбчивым лицом, гладко зачёсанными волосами. От неё исходило спокойствие, доброта. Приятный человек. Работала дояркой в колхозе и своё хозяйство вела. Сын и дочь школу заканчивают – близнецы. Муж – неисправимый пьяница. Почти все работы в селе перебрал – нигде долго не задерживался. – "Так что, – сказала мне с улыбкой Фрося, – моя мама правду говорит: от твоего Ильи как от козла молока". И то верно. Тяжёлая работа, нервотрёпка, случались и побои, – всё вместе сделали своё недоброе дело. Рак не любит травм, – ни физических, ни душевных.

– Мне Вера Петровна немало причин назвала, отчего случается зловредная болезнь, – поделилась Ефросинья Фёдоровна. – И даже сказала, что чаще болеют женщины порядочные, скромные, у которых с мужьями нет никакой жизни: пьют много, вот и выходят из строя. А это для женского здоровья – минус. – "Хоть некоторые врачи с этим не согласны, я же долгие годы вела учёт, наблюдала. Изучала причи-

ны возникновения этой беспощадной болезни, и пришла к такому выводу. Женщины скромные стесняются заводить мужчин на стороне – как это можно… А потом и сами страдают, а часто и детей сиротами оставляют". – Я ей ответила, что в деревне, если и нет у тебя никого даже на примете, всё равно выдумают. Только одно расстройство. А если уж и правда это случится – со свету сживут. А уж от моего Ильи точно головы не снести. Господи, спасибо, что дети выросли спокойные, учатся хорошо, стараются во всём по дому помочь…

Вот такой у нас с Фросей состоялся "незапланированный" разговор. Возник сам по себе. Я ей тоже немного рассказала о своей судьбе. И она восприняла это близко к сердцу. – Ой, да ты городская. Да работаешь среди культурных мужчин, неужто не могла подружиться ни с кем? – Знаешь, и правда, кавалеров сколько хочешь можно завести. Вот только не по любви – противно это. Такие уж мы уродились...

Так вот Фрося появилась перед окном, поспрашивала, как да что, пожелала спокойной ночи и тихонько ушла, уступив место Ангелине. Я заметила, что время стало проходить быстрее, и это хорошо. У Лины – Ангелины сходная жизненная история. Муж, трое детей, работала санитаркой в поселковой амбулатории. Дома – хозяйство. Как без него сельскому жителю? Не прокормиться. Так всё это "скотство", смеялась Ангелина, на её руках. Да и так ясно, если Иван болван, то жёнушке приходится надрываться.

Ангелина – красивая, чуть выше среднего роста, худощавая с пышной косой, которая за время лечения заметно поредела, но Лина и не горевала: было бы здоровье. Глаза небольшие, но синие-синие, утонуть можно, нос аккуратный, что не так-то часто встречается у россиянок. У северянок чаще – он длинный и с горбинкой, у южанок – вздёрнутый, курносый, а в обширном нечерноземье обычно носик "уточкой". Не замечали? А я – да. Хороша Ангелина, особенно улыбка – на редкость зубы ровные, белые. Но и правда – "не родись красивой".

Замуж вышла по большой любви. И сейчас любит, и всё прощает. За красоту полюбила, за голос, которому любой эстрадный певец позавидует. А где песни, там баян, другие женщины, девчата – тоже не слепые, потому многие любили без оглядки, без стыда и совести. По специальности он был механизатор. Летом – в поле, а зимой всё в клубе пропадал. Да ещё – свадьбы, смотрины, юбилеи. Сбился мужик с панталыку.

– Знаешь, я как с ума сошла. В молодости так не любила, как сейчас – призналась Лина. – Детей люблю, они у меня все как на подбор способные, ласковые, а растут как бы сами по себе. Сварить что, постирать – всё сами норовят. Этим, конечно, помогают, ведь три девчонки. Хорошо, что в школу все форму носят, все ровни. А так, чтобы порадовать их обновками, приходится редко. На что купишь? Но знаешь, до слёз их бывает жаль – никогда ничего не просят, мол, мам, мне бы туфли какие купить… Но все, как одна, даже младшая Ксюша – ей десять – стремятся ко мне в амбулаторию. Всё-то им интересно, медицина, видишь ли, нравится. Это и правда хорошее дело, доброе. Но ведь надо в город ехать, в Казань или Горький. Где там… И ещё хочу тебе сказать, Тамарочка, не осуждай меня. Ведь Ванюша мой мыкается по женщинам, то у одной побывал, то у другой – слышу, силу-то мужскую и поразбросал. Чужих-то ублажал, а на свою-то родную уж и не хватает её. Я понимаю, женщин одиноких много, и жаль их, что не достались им мужчины в мужья. Но ведь и мне трудно. Я, наверное, слишком сильная (она, наверное, хотела сказать "страстная") натура. Порой ночами, особенно летом, а уж как почувствовала, что заболеваю, так было тяжело, что бегу на озеро и бросаюсь в ледяную воду – в озере у нас источники бьют и она правда холодная, или завёртываюсь в мокрую простыню. Вроде только так и уснёшь. А сейчас – благодать, хоть внутри всё ещё горит, но это – от лечения. А так уже ничего не хочется…

Да мне об этом моя свекровь, Анна Ивановна, рассказывала. Первый её муж в двадцать семь лет ушёл на фронт, че-

рез два года погиб. Сама она видная, статная, красивая и охотников до неё было немало, хотя, казалось, мужчины перевелись на нашей земле после той проклятой войны с фашистами. Кому-то изредка и отвечала взаимностью, но обрадовалась, когда к ней посватался крепкий, рыжий Степан. Ему как-то удалось избежать фронта. Были и тогда такие "жуки навозные", что смогли отвертеться от призыва. И удивительно – никто их, вроде, и не замечал. Ну и обрела Анна нового мужа. Она тогда на свиноферме надрывалась. Да, именно так работали и доярки, и свинарки. Потому что убирать большую территорию от навоза, самой готовить корма на порядочную армию поросят приходилось вручную.

Степан нигде не служил, а работал ночами дома – валенки валял. Это нелёгкий труд. Но он задействовал в помощь себе и жену, и пасынка. Днём отсыпался, а Коля после бессонной ночи уходил в школу, Анна – поспав час-два – на ферму. Денег после продажи своей продукции зарабатывал прилично, а семье отдавал копейки. Зато водочными бутылками заполнил весь чулан. Выпить, а потом подраться был не дурак. Свекровь моя заработала язву желудка, а выгнать сожителя не решилась. Мужик он был крепкий, да и страшно было оставаться одной: сын заканчивал школу, собирался поступать в военное училище в другом городе.

После очередной попойки и драки Николай, уже подросший и окрепший – штангист, боксёр – дал ему жестокий отпор и поставил перед матерью вопрос: "он или я". Ну разве нормальная мать променяет сына на "штаны" – так она мне прямо сказала, и рассталась со вторым "суженным". И осталась одна. Сына в военное училище не приняли из-за высокого давления: в семнадцать лет уже до двухсот доходило. Поступил в Йошкар-Олинское строительное училище.

Но поговорка "свято место не бывает пусто" – частенько сбывается. За Анной Ивановной стал ухаживать очень порядочный человек – подполковник в отставке, грудь – в орде-

нах. Он овдовел. Остались две взрослые дочери уже со своими дочерьми – его внучками. Прекрасный дом с садом, достойная пенсия. Невест тогда на Юркине – это пригород Козьмодемьянска – пруд-пруди. Но дочери – ни в какую. Надо сказать, что обращались они с отцом как "барыня с Муму". Он и так, мягко говоря, красавцем не был – маленький, смуглый, рано постаревший – такую войну пройти. Да ещё одевали в какие-то обноски. Он ведь в своей жизни только и носил военную форму. И так, не разрешали дочери-примадонны отцу свой тёплый очаг завести: боялись, что новая жена отберёт и дом, и что в нём. Но оказалось, что Анна Ивановна Кульпина, так её обычно называли по отцовской фамилии, готова принять отставного подполковника Алексея Васильевича Китанина в свой старый, но уютный дом без всяких претензий на его "наследство". И дочери сдались.

А когда впервые пришли в гости в дом на улице Колхозной, были немало удивлены: отец совершенно преобразился и уже не был похож на угнетённую обезьянку. В новом наряде – костюме с иголочки, голубой рубашке с чёрным блестящим галстуком, он помолодел, похорошел, был необычайно весел и разговорчив. Так семейство Китаниных в лице дочерей, внучек и зятьёв осталось довольным "трудоустройством" своего папаши, который обещал им всем, что добрая часть пенсии будет оставаться в их бюджете.

Алексей Васильевич оказался человеком лёгким, весёлым и очень трудолюбивым. Не только по дому и на огороде помогал, но и устроился на работу в строительную организацию.

Наконец-то с мужем Анне Ивановне повезло. Одиночество кончилось, жизнь обрела новый смысл. Сын одобрил "поступок" матери, нашёл умного собеседника и всё, казалось, складывалось как надо. Должен же человек обрести своё счастье. Но, как назло, у неё начались проблемы со здоровьем. И в результате – онкоцентр в марийской столице. Но она попала к высокопрофессиональному доктору-радиологу – Александру Васильевичу Смоленцеву и это её спасло.

Я уже уехала тогда от её сына в Молдавию, почти в никуда, с двумя детьми и одним чемоданом. Жить вместе стало невыносимо: постоянные стрессы и нервотрёпка. Характер красавца-мужа, которого безоглядно любила, был невероятно тяжёлым. В том, что я решилась это сделать, была и её вина, моей свекрови. Она открыто сетовала, что Коленька выбрал такую невзрачную, маленькую и худенькую жену, "чумизу", как она меня называла. Хотелось девушку ему под стать – красивую, пышнотелую. Он, между прочим, таких и подбирал, когда подворачивался удобный случай…

Но каждое лето во время каникул я приезжала с детьми к моей маме. Она была с ними, а я помогала в издательстве редактировать книги. Надо было заработать денег на обратную дорогу. Узнав, что случилось с его матерью, я её навестила в этой самой радиологии, куда попала сама. Лечение тогда было более тяжёлым. Но свекровь – женщина сильная, хотя и работала много. Её спасала природа – сад, огород, лес. Воздух свежий – значит, хороший аппетит. Овощи и фрукты без всякой отравы.

Но всё равно, мне было жаль её, потому и навещала и желала от всего сердца преодолеть болезнь. Она так и сделала, прожив после лечения более тридцати лет.

Моё замужество было роковой ошибкой, а это для такого нелепого человека – обычное дело. "Руби дерево по себе" – одна из неоспоримых русских поговорок. И это счастье, когда оно "по себе срублено". Брак с чуждым по духу человеком иссушит душу, превратится в муку. Разные характеры – это даже неплохо: один злится, кричит, другой – помалкивает, будто его это не касается. И всё утихает: топлива в гнев не подбросили – и огонь злости невольно гаснет. Так супруги и мирятся, и живут подолгу вместе, делая своих детей счастливыми: для них нужны и мама и папа. Они чувствуют себя увереннее и спокойнее в круговороте отнюдь не спокойной российской действительности.

Когда же сходятся люди разные не по характеру, а по убеждениям, интересам, взглядам на окружающее, на чело-

века и внутренне глухи друг к другу – это беда. И правда. Если один из них честен, бескорыстен, а другой норовит урвать, обмануть, даже любимого, разве им по дороге? Беда моя заключалась в том, что не распознала я его. Влюбилась с первого взгляда (он и не знал) в пятнадцать лет. А обратил на меня внимание только в двадцать и признался, что все эти годы думал обо мне. Сомнительно. Слишком он был скрытен, умён и высокомерен. К тому же рассказывал о себе только то, что ему было выгодно, и это невольно вызывало у меня – жалость к нему: о трудном детстве (вот уж штамп так штамп, но это так), как плохо относился к нему родной отец, так как любил больше младшего сына, который, к сожалению, умер. Просто он меня раскусил сразу, понял, что душа моя открыта для понимания других. Я почему-то любила людей – и хороших и плохих. Хороших – ясно почему, а плохих?.. Я их жалела, что им не повезло: или это гены, или с ними жестоко обращались близкие люди, или их в детстве недолюбили, а теперь они мстят за всё это.

Не раз слышала высказывания писателей, философов, деятелей культуры, что тот, кто любит всех – никого не любит. Неправда. А как же альтруисты, помогающие больным и нищим всех стран? А Бог?

Да, я нередко ошибалась, страдала от тех, кому помогала, но не смогла вытравить из себя веру в людей.

Может быть, они рождаются с определенным предназначением – одни служат другим, а другие живут за счёт тех, кто им служит…

Все эти размышления, попытки что-то записать помогли скоротать первый день моего одиночества. Он начался удачно и так продолжался до обеда. "Девчата", навестившие меня, остались довольны, увидев мою весёлую физиономию.

В обед в палату вихрем влетела санитарка с подносом в руках. Торопливо произнесла: "Приятного аппетита", – затем схватила со стула судно, сполоснула и снова поставила

рядом со мной. И это понятно. Радиация – дело нешуточное. Она вовсю витала в воздухе, потому на дверях палаты горел красный огонёк "Не входить!"

Тем временем я стала ощущать, что в животе становилось всё теплее и теплее, заболела спина ("предательница" – подумала про неё). А повернуться на бок нельзя – можно разрушить весь труд Веры Петровны. Начали ныть пятки, но я стала с ними бороться – пыталась повернуть ступню так, чтобы она не касалась постели, но это удавалось на какие-то секунды. А потом они снова начинали ныть и гореть. Недаром изобретательные китайцы били провинившихся палками именно по пяткам: в них сосредоточены пучки нервных окончаний.

К вечеру стало ещё хуже: спину ломило, пятки жгло, в животе начался маленький пожар. От неприятного запаха чего-то палёного начало тошнить. От него спрятаться некуда, он проникал всюду. Дотянулась до стакана с компотом – в горле пересохло – а пить противно. "Ну и ладно, перебьёшься, цаца какая", – одёрнула себя.

Перед сном забежала Зоя Александровна: "Ну, как дела? Спина, да? Вот какие у нас койки, а лучше не дают…" – "Ой, идите скорей, Зоечка Александровна, спокойной ночи, всё будет хорошо!" И она вышла. Лампочка над головой горела давно. Прямо над глазами. Наверное, чтобы не уснуть крепко, а то беда может случиться с мочевыводящими путями. Описываю так подробно не для того, чтобы меня пожалели, а на всякий случай – чего в жизни не бывает! Хотя и врагу такого, что со мной случилось, не пожелаю.

Подумаешь, лампочка! Это же не солнце! Оно у меня сейчас в животе. Спать хотелось, но не засыпала, как будто у меня внутри сидела специальная пружинка, которая заставляла вздрагивать, когда вдруг заснёшь. Был только один случай с молодой женщиной – любила, бедная, поспать…

А другая чудачка взяла и удавилась на полотенце. Видно, дети родные надоели, раз их сиротами оставила. Гово-

рят: "Не судите..." Да я и не сужу, хотя лечение это совершенно терпимое, но эгоистки ещё не перевелись на этом свете. Каково близким, а каково докторам?!

А кто сказал, что мы отступили?

Но вот и утро новое настало, слава Богу! И я жива. И буду жить изо всех моих сил. И преодолею ещё одни сутки. Разве это трудно? Всего лишь тропинка к выздоровлению.

И правда – преодолела. Звуки вентиляции показались мне бравурным маршем, воспевающим жизнь. Тут же распахнулась дверь, и сестра Любочка: "Доброе утро! Как Вы тут? До процедурной сможете дойти?" И голос Зои Александровны: "Как это дойти? Немедленно давай каталку!" И повезли меня, как королеву, на весёлой таратайке!

"Слава Богу! Слава Богу!" – только и слышно было вокруг. Да, здесь славили Бога искренне, от всей души. Он же Спаситель...

В операционной быстро облегчили мой живот. Хотя процедура не из приятных – внутри бинты присохли – Зоя Александровна делала всё аккуратно, бережно. После проветривания палаты неспеша добралась до неё и прилегла на обжитую кровать, теперь уже с наслаждением, так, как хотелось, на бочок.

Вот и встретила Надюшин день рождения – очень даже удачно, с ощущением счастья: жива! Мысленно советовала всем женщинам и девушкам беречь себя, заботиться о себе, хотя бы ради своих любимых, чтобы не посылала судьба таких испытаний.

К обеду пришла моя кормилица – крёстная.

– Ну, как ты, Тома? Трудно, да? Ещё больше осунулась.

– Всё хорошо, кокочка, даже не ожидала. Главное – сделан первый шаг. Не волнуйтесь, всё можно выдержать.

Аппетита не было, но я не капризничала, а съела всё, чем она меня угощала. И просила ничего больше не приносить. Умоляла её – такой расход, беспокойство, в столовой

достаточно еды. Ну, вроде мы с ней договорились – приходить только раз в неделю просто повидаться…

Так начались мои "рабочие будни". После вторника до конца недели – другая процедура. Прихожу нормально одетая (в хлопчатобумажном или льняном, в платочке) в просторное помещение и ложусь на специальный стол. Консультант-радиолог (медсестра) объясняет, как вести себя. Лежать спокойно, не двигаться, всего четыре с половиной минуты. Направляет пучок света на обозначенное доктором место. Уходит. Под потолком монотонно гудящая "пушка" – так её больные прозвали. На самом деле это прекрасный гамма-терапевтический аппарат "Луч-1" для дистанционной лучевой терапии. Это, действительно, изобретение-спаситель. Лежишь себе спокойно в одиночестве, а тонкий, как игла, лучик проникает глубоко до коварной "болячки" и постепенно уничтожает её.

Потом приходит сестра и выключает прибор.

На следующий сеанс облучается вторая половина живота, и так то левая, то правая. Мне был назначен двадцать один луч. После каждой процедуры рекомендовали съесть хотя бы один кусочек шоколадки и погулять на свежем воздухе.

Я это делала охотно и, сколько хватало сил, бродила среди берёз и рябин. Дольку шоколада проглатывала с трудом, зато подмороженные рябиновые ягоды поедала с жадностью. Но спохватывалась и ругала себя: "Чучело, птицам оставь". Я и правда наряжалась как пугало. Когда похолодало и пошли дожди, гулять не разрешали: боялись за нас, чтобы не простудились. Мокрые ноги – это вообще враг номер один…

Вторая "укладка" пришлась на седьмое октября – день рождения моей доченьки Марины. И ей, и ещё раньше Надюше послала через Ирину поздравления..А в душе была такая горечь, что не могла обнять мою умницу, красавицу, терпеливую труженицу и скромницу. Без всяких прикрас – дочка стоила ещё больше добрых слов, что я перечислила. Её обожали за трудолюбие уже в начальных классах школы. А как она

помогала мне в воспитании Андрюшки. Он ведь был чистое веретено: не успеешь оглянуться – пропал. Весельчак, непоседа, озорник. Я виновата перед ней, что работала как проклятая. За три года отец прислал детям ни много ни мало сто рублей. Завуч, директор вечерней школы, классный руководитель, совхозный пропагандист и корреспондент районной газеты. Ночью – планы уроков, проверка тетрадей, очерки в газету. Спала с пяти до семи. Мариша моя в шесть тридцать уже бежала за молоком. Никаких продуктов в совхозе почти не было. Улучшилось со снабжением только после ухода со своего поста Никиты Хрущёва. Довёл страну до ручки… Выручала совхозная столовая, в которой питалась дочка, и детский сад, куда ходил Андрюша. Так что доченька моя познала все трудности детства, научилась многому, что помогло ей в жизни. Ведь они с мужем вырастили троих детей.

Обо всём этом мне вспомнилось на второй "укладке". Зою Александровну снова куда-то сопроводили, на какое-то, кажется, совещание. Так что занималась мной снова Вера Петровна, и я уже не беспокоилась и не боялась.

А потом палата. Сонная муха уселась на толстую синюю стену и уставилась на меня. Приближаю к ней тонкую воспалённую руку – не улетает. Неужели понимает, что не хочу убивать её, что я совсем беспомощна? Или так одолела дремота?

Мне тоже хочется вздремнуть. Перед этим выпила баралгин – он слегка обезболивает. А может, мухе понравился запах этой толстой перегородки? Для меня он неприятен. Хотя палату основательно проветривают после "укладок", но стены всё равно вбирают заряды и запахи.

В Маринкин день рождения выдался солнечный денёк. За окном увидела чудную картину – последний жёлтый лист на одной из веток клёна невероятно как держится на полуоторвавшемся стебле. Лист, кажется, горит на солнце. А на самом его кончике переливается капля дождя – золотистая трепещущая серёжка… И эта красота отвлекла меня от груст-

ных мыслей, помогла приглушить пожар внутри меня. Захотелось что-нибудь написать, вернее, нацарапать в своей тетрадке. Так потом у меня появились "Росинки поутру".

А на вторые сутки, когда, казалось, лежать на спине было невмочь, прелестная синичка взлетела на форточку. С любопытством повертела головкой, взглянула на не зная что, лежащее пластом в кровати, и выпорхнула вон, на волю. Явно, воздух ей в помещении не понравился.

Поистине, природа наша русская – такая кудесница, так и норовит чем-то обрадовать, даже таких нелепых людей, как я. Вчера багряный кленовый лист с хрустальной капелькой дождя. Сегодня – синичка. А мне казалось, что они, эти нарядные птички, давно улетели в лес. А ведь она тоже чудо: правда-правда, спине моей сразу стало легче, как будто она попрыгала по ней своими тонкими лапками и сделала лёгкий массаж. Спасибо тебе, синичка, диво природы. Надо обязательно записать в Серую заветную тетрадь что-нибудь хорошее о ней, сделать этюдик или миниатюру…

И так прошла половина моего лечения: осталось две трудных процедуры. На одной из обычных прогулок вдруг услышала до боли знакомые звуки. Подняла глаза к небу и увидела прощальный лёт диких гусей.

Красиво и печально летели. Им, как и мне, не хотелось покидать родные места, но грядущие холода, желание жить вынуждали их к трудному, очень трудному перелёту…

Да, гуси улетели в тёплые края, а меня забыли, словно нет меня…

Пусть нас отчаянье покинет…

А в нашем отделении грустное событие – вернулась из дома бывшая пациентка – Таисия Ивановна Пирогова. Она выписалась через два-три дня, как я поступила. Эта худощавая рыжая женщина с прямой, чуть откинутой назад спиной, словно спортсменка, точнее – гимнастка. Но её односельчан-

ки возразили мне, когда высказала такое предположение. Таисия Ивановна работала заведующей сельпо. Нина и Галина – так звали женщин – принялись о ней охотно рассказывать. И всего-то у неё было в достатке: просторный дом, выстроенный на городской манер, вся как есть "обстановка": кругом ковры и цветы огромные, диковинные. Одевалась всегда нарядно, и кругом-то ей почёт и уважение. Куда там до неё врачам или учителям. Чувствовалось, говорят с иронией, не очень-то доброжелательно.

– Что вы так о ней? – спросила их.

– Да больно гордая. Придёшь что купить – не поздоровается толком, а процедит сквозь зубы. А как начальство ненароком заглянет – будто подменили! Да гостей-то в подсобку сразу, а нам, простым покупателям, так и скажет: "Освободите на полчаса помещение".

А уж продуктами по горло обеспечена. А на вот тебе – заболела!

То, что в семье у неё не всё ладно, тоже все знали. Муж – пьяница. А раньше видный такой парень был, работящий. Но дармовая водка хоть кому зальёт глотку. У нас ведь как в селе: починил забор – давай бутылку. Да хоть за какую работёнку! Деньги? Нет, бутылку… А тут задарма. Да и сын по стопкам пошёл. Вот как в пьяной драке пристукнули его, так наша Ивановна и сил лишилась. Во всех больницах полежала – нет толку. В Казани обследовалась, да сразу и попала в радиологию с воспалением матки. Знаем уже мы, какое это "воспаление". Ну, здесь ведь хорошее лечение. Сколько случаев было, даже самых тяжёлых, выздоравливали.

И за Таисию Ивановну взялись круто. Правда, она много времени потеряла в других больницах. Но поставили за два месяца на ноги… И вот на тебе – вернулась. Мы тут же поспрошали Веру Петровну, она баба прямая, не гордая. Посмотрела на нас внимательно своим единственным глазом и как отрезала: "Мужик довёл. Напился, да и набросился на

неё как зверь какой. Разрушил всю нашу работу! Учтите, бабоньки, не поддавайтесь на уговоры. Надо было раньше им стараться, может, сюда бы и не попали. Не без их помощи это произошло. Так ведь?"

Да как не так, всё правильно докторша сказала. Она-то уж знает. Вот кобель, так кобель, родную жену сгубил…

Расстроились односельчанки Пироговой, что с ней произошла беда. Потому, наверное, им легче стало, когда они излили мне свою душу. А мне и ночью из-за Таисии не спалось. И раздумалась я, сколько беды приносят в семью сильно пьющие мужчины, попросту – алкоголики. Да-да, они никого не любят и не жалеют. Мутный взор алкоголика не может сосредоточиться даже на близком, на любви к нему. Всё неустойчиво, всё расплывчато. Он никого не защитит ни словом, ни делом. В подпитии он может быть разговорчивым и сговорчивым, готов принести себя в жертву и может пообещать сделать даже что-то доброе. Алкоголик просто и легко лжёт. В другом состоянии он, чаще всего, угрюм и зол. Сколько вреда такие люди приносят своим любимым и огромный – себе. Но у нас в стране это не считалось большим злом, и от пьяниц просто отмахивались как от назойливых мух. Но кто поможет несчастным семьям и погибающим от зелья, иногда очень умным, но слабым людям?

Ответа нет, как нет откликов и на другие важные вопросы. Мир словно сужается, замыкается в собственной сфере. И в неизвестность уходят совесть и доброта…

Положили Таисию Ивановну в отдельную палату. Раза два я видела её в коридоре, наверное, снова сдавала анализы: прямая, бледная, суровая. А уже потом, проходя мимо её палаты, слышала слабые стоны. С каждым днём они становились всё тяжелее и громче. Сестра тут же бежала с уколом. На некоторое время в палате затихало. Мне было жаль эту женщину, сердце так болело за неё. Что же за напасти такие? Выдержать лечение, надеяться на дальнейшую жизнь, и вдруг

всё рушится. Осторожно поговорила с Зоей Александровной, есть ли у неё шансы.

– Нет, никакой надежды нет. Воспаление распространилось стремительно. Метастазы поразили позвоночник. Всё серьёзно.

– А можно навестить её?

– Не знаю. Даже не знаю. Когда дверь в её палату будет открыта, загляните. Она сама как-то прореагирует.

Повидать её хотелось не из любопытства, а просто спросить, не надо ли ей чего. Улучила момент, когда дверь была распахнута. Заглянула:

– Добрый день, Таисия Ивановна. Не помешаю?

– Заходите, – едва слышно проговорила она. – Вкололи только что – и жить можно. Садитесь.

– Спасибо. Не хочу Вас беспокоить. Пришла спросить, не надо ли Вам чего из продуктов?

– Мила-ая, – протянула она, – полный холодильник. Да уж ни на что смотреть не хочется.

– Можно клюквенного морса принесу Вам? Очень приятный.

– Клюквенного? Ну давайте попробую…

Я как можно быстрее сходила в свою палату и взяла литровую банку с морсом. Налила ей стакан. Таисия Ивановна, к моей радости, с жадностью, хотя и медленно, стала пить. Я держала её за плечи и чувствовала, что она объята жаром. "Не меньше сорока градусов", – подумалось мне. Она выпила весь стакан и слабо улыбнулась: "Ой, спасибо, отвела душу… Как не догадалась племяннице заказать?"

– Да Вы пейте, я банку оставлю. Могу посидеть с Вами, ещё попьёте.

– Ну ладно, спасибо. А может Вам что-нибудь вкусненького хочется? Чёрной икры полно, она ведь очень полезная.

– Спасибо большое. И у меня есть, но ничего не хочется. Правда, не обижайтесь. Ну, не буду Вас утомлять. Дай Вам Бог спокойной ночи.

– И Вам тоже, – голос её звучал слабее.

"Наверное, укол ещё действует, и она, возможно, подремлет", – подумалось мне. А сама сказала дежурной сестре Вале, что Таисия вся горит.

– Я знаю. Не спадает у неё температура, сколько ни коли. Засыпает, говорите? Я к ней скоро подойду.

Я ещё несколько раз навещала Пирогову и поразилась: она таяла на глазах. Не только худела, словно истончалась, говорить почти не могла. Зато боли свирепствовали. Её громкие стоны даже промидол заглушал ненадолго, они превращались порой в жалобные крики…

А вскоре за дверью одноместной палаты наступила тишина. И вся радиология замерла. И, кажется, даже разом облегчённо вздохнула. И не только потому, что слушать целыми сутками стенания умирающей было невыносимо тревожно, страшно, а главное то, что бедная женщина отмучилась! И как не вспомнить здесь святые слова: не проси у Бога лёгкой жизни, а проси лёгкой смерти.

И в то же время трудно представить, как вдруг из солнечного света, живительного воздуха, зелени листвы и травы человек вдруг оказывается в холодной, сырой земле. Ведь уходит навсегда-навсегда, и никто не встретит его на улице, не окликнет в парке, не увидит плескающегося в реке. И становится грустно, не по себе. Невольно призадумаешься, какое притягательное, желанное это таинство – жизнь. И никто на свете не сможет раскрыть нам эту тайну – драгоценность ни с чем не сравнимая, уникум, только в единственном числе.

В этот печальный день в отделение привезли новую больную и поместили ко мне в палату. Встретив её, – сразу отвлеклась от грустных мыслей. Звали её Зоя. Невысокая щупленькая женщина, с круглым миловидным лицом, обрызганным веснушками, небольшими, но яркими васильковыми глазами, которые очень украшали её. Светлая жиденькая косичка. Я подумала, что ей где-то около тридцати лет. Оказалось,

тридцать девять. Так она сама мне сказала. В течение недели у Зои взяли все анализы и приготовили к первой укладке…

Время-время, даже если ты трудное, ты проносишься мимо быстроногими лошадками вместе со своими седоками, словно на детской карусели. Или только дни-недели-месяцы проносятся мимо нас, а Время, словно колосс, стоит неподвижно? По-разному вещают великие… А для меня настало уже четырнадцатое октября – подоспела третья "укладочка".

И снова женщины с самого утра усаживаются на стульях вдоль стены коридора. И снова голос Веры Петровны, ставший родным, приглашает посетить тот священный зал, где все желают только одного – победы над жестокой болезнью.

И вот женщины исчезли в палатах, будто их здесь не было – так бесшумно они уходили, а коридор кажется теперь совсем коротким, так что не успела ни о чём подумать, как оказалась "распятой" на знакомом ложе.

– Ну, как настроение? Вижу – бодрое! Ведь половина пути пройдена, дорогая Тамара Геннадьевна. Так и вторая закончится, и выйдет наша Тамарочка совсем как новенькая и напишет ещё много книжек для своих ребятишек.

Вера Петровна, разговаривая со мной, спрашивая, не требуя ответа, во всю орудовала как всегда – чётко, ловко, делая своё святое дело. И тут же прозвучала неожиданно быстрая команда, без всякого предупреждения: "Вдох!" И я снова хлебнула свежего, хлористого, прохладного воздуха и ничего болезненного не почувствовала. А вот "упаковка" моего чрева с каждой укладкой становилась менее приятной: внутри всё закипало и горело, но это означало, что процесс идёт активный, мой организм поддаётся лечению, битва с "пауком-драконом" – не знаю, как назвать это чудовище – идёт успешно. Дай-то Бог!

В палату привезли сначала меня, потом соседку. И это хорошо, потому что смогу объяснить, что к чему. Я не расспрашивала других женщин: все ли врачи понятно и подробно объясняют пациентам, как надо вести себя в эти сорок восемь часов.

Вот и Зоечка. Она была не в восторге, почему-то тихонько охала.

– Ну, поздравляю, дорогая, с добрым началом. Вижу, ты молодец. Терпимо ведь, да? – старалась её расшевелить, но у меня ничего не получалось.

– Ой-ой-ой! – сказала Зоя, – не хочу больше в ту процедурную. Ведь через неделю опять это будут делать?

– Может, и не будут, говорят, у тебя небольшое воспаление. А потом только лучи – совсем ничего не почувствуешь.

– Знаешь, меня врачиха так ругала, когда я стонать начала.

– А зачем стонала? Надо было терпеть. Бог терпел и нам велел, – рассмеялась я.

Поняла тогда сразу, что моя соседушка побывала в руках не у Веры, не у Зои, а, пожалуй, у Августы Васильевны. Она опытная, но резковатая, не будет нянчиться, если больная капризничает. Так и оказалось.

– Зоя, тебе, конечно, объяснили, как себя вести. Ведь лежать двое суток.

– Да я с испугу всё забыла, расскажи мне сама.

– Слушай. Главное, не расстраивайся, лежи спокойно, не поворачивайся на бок…

И я поведала ей нехитрые правила поведения во время длительного безделья. Она удивлялась, охала, тренировалась. А мне было хорошо с ней. Поворачивая голову, упиралась взглядом не в синюю стену, а в её лицо, конопатую щёку, такую трогательную, в курносый нос.

– Зоечка, расскажи лучше про своё житьё-бытьё.

– Переживаю я сильно. Дочка на восьмом месяце. А я ей даже помочь ничем не могу. Мой муж-то ведь не её отец. Родной-то бросил давно, когда ей десять было. Одна растила свою Верочку… А год назад вышла замуж за Илью. Ему всего двадцать семь, а мне скоро сорок…

– Да брось ты, тебе больше тридцати и не дашь, не думай об этом.

– Ой, не знаю. Влюбилась в него, дурочка. Одной так скучно было жить, особенно когда дочка замуж вышла. Они со свекровью живут, в их доме. Знаешь, чего боюсь? Он ведь не станет ждать меня из больницы. А он мне нравится, весёлый такой, ласковый…

– Да не бросит он тебя, с чего ты взяла? Ты эти мысли подальше пошли, а то сама кличешь недоброе на свою голову. Наоборот, думай только о хорошем. Поняла?

– Так ведь врачи сказали, потом долго нельзя вместе спать.

– Ну и потерпите. Если не стерпит, согрешит разок-другой. А ты и виду не подавай, если догадаешься. Ради любимого всё можно стерпеть. Мы ведь женщины – другая порода, чем мужчины. Тебе что сейчас главное – здоровье, так ведь? И выйдешь отсюда, здоровье так и останется главным. Не будешь его ругать, донимать, так и будете потихоньку жить. И он тебя за это уважать будет. Ведь мужчинам трудно сдерживаться. Это может даже и на его здоровье сказаться…

– Ой, чего ты говоришь! Какая ты умная. Мне даже легче стало.

– Я не умная, а дура. Меня мой красавчик всю жизнь обманывал. А теперь вообще ушёл, женился на здоровенной молдаванке. Тощие ему надоели.

– Да как ты стерпела, когда он совсем ушёл?

– Он несколько раз уходил. А последний очень даже интересно. Понимаешь, я же долго болела, прежде чем приехать сюда. Температура высокая часто поднималась.

Один раз тихо так в доме было. Сын уроки учил, а я лежала на диване лицом к стене: плохо было. Вдруг он приходит. Встал в изголовье моём и говорит: "Я от вас ухожу. Совсем. Надоело мне вас кормить". Взял что-то и ушёл. Мне так смешно стало: "Нас кормить!" Денег совсем почти не давал, а мы его и кормили, и одевали. Но что дальше было! Только он ушёл, страшно задребезжали стёкла в книжном шкафе.

– Вот, – думаю, – опять котёнок в него пробрался и скачет там. Вдруг как тряхнёт! Антресоль со шкафа грохнулась ря-

дом с Андрюшей. Он едва успел отскочить – иначе погиб бы на месте. Ведь в антресоли стояли пятьдесят пять ленинских томов. Господи, как я была рада, что сынок мой жив остался.

А доченька моя проспала землетрясение. Муж не смог её разбудить. В это время в животике её билось сердечко первенца Голубевых – Аришки. Слава Богу – всё обошлось! И такая была радость! Вот, Зоечка, какие дела. Не бойся, всё у тебя обойдётся.

Эти двое суток – четырнадцатого и пятнадцатого октября – показались мне более короткими, чем раньше. Потому что я была не одна. Мы с Зоей и смеялись, и немного всплакнули каждая о своём, и песни пели. Главное, она научила меня одной марийской песенке. Оказывается, Зоя играла в оркестре народных инструментов на гуслях, а Илья участвовал в танцевальной группе в их сельском клубе. Так что Зоечка тоже отвлеклась разговорами, воспоминаниями и выдержала своё первое испытание.

Но после третьей укладки со мной случилась небольшая неприятность. "Разряжала" меня не Зоя Александровна, как обычно, а медсестра Рая. Я чувствовала, как она волновалась, боялась сделать больно, отрывая присохшие бинты, и очень быстро закончила своё дело.

Ночью мне сделалось нехорошо, внутри всё горело, поднялась температура. Но я никому ничего не сказала, тем более дежурила незнакомая врач. Не хотелось беспокоить, а надо было. Выпила таблетку баралгина, да и заснула крепким сном после двух бессонных ночей.

Утром градусник раскалился, и врачи забеспокоились. Я им объяснила, что чувствую: внутри, наверное, что-то осталось. И Зоя Александровна тут же взялась за дело. И правда – обнаружила Раину ошибку: она не до конца разрядила меня.

Сестре немного досталось за невнимание, и она очень переживала. А Рая как раз и была добрейшей девушкой. Ещё в конце работы Зоя Александровна с досадой упрекнула её:

"Видишь, как это болезненно, ведь там ожоги. А если бы тебе так?"

– Ой, упаси Боже, Зоечка Александровна, – вырвалось у меня, – врагу своему такого не пожелаешь...

А Раечке тот случай послужил суровым уроком. В дальнейшем она стала настоящей профессионалкой и её назначили старшей медицинской сестрой.

В выходной день ко мне с визитом пожаловала чета Егошиных. Я любовалась ими. Оба высокие, стройные, всегда со вкусом одетые. Мы немного походили, поговорили. Да мы с Люсей больше слушали Геннадия – у него: масса информации. Он ведь всегда с кем-то боролся, что-то преодолевал, кого-то выводил на чистую воду, а когда одерживал победу, был в восторге, и частично – от себя тоже. Геннадий Егошин был целеустремлённым человеком. Ведь он – бывший лётчик. Лётное училище окончил в конце войны. В первый же вылет ему страшно не повезло – самолёт разбился, а юный пилот долгие месяцы провёл в госпитале. И всё-таки выжил. И овладел мирной, но боевой профессией журналиста.

Помню, когда они ушли, я ещё немного погуляла одна. День был чудесный, солнечный, воздух чуть морозный, бодрящий. Раньше не замечала, а тут увидела издалека сизо-голубую полянку, переливающуюся на солнце, словно клумба, но с полевыми цветами. Подошла поближе – голуби! Надо же… Идут тесными, ровными-ровными рядками, что-то поклёвывают, и каждый по своей окраске не похож один на другого. Ветер ерошит перья, солнышко золотит крылья, и вот они уже не "полянка" или "клумба", а воркующий струящийся ручей! Можно бесконечно наблюдать за животными, за птицами, это бывает даже интереснее, чем иное кино. И не только на сердце теплеет, но куда-то отступают заботы, и даже неприятности становятся не такими уж неприятными.

Некоторые не любят голубей, даже враждебно к ним относятся. Одна моя знакомая высказалась: "Ненавижу эту пти-

цу. Лентяйка, нахлебница, совершенно бесполезная. Зачем их кормят? Пусть сами добывают пищу". Ну что тут скажешь? Эх, люди-люди. Иные из вас бесполезнее любой букашки – "лежите на печи, полируя кирпичи".

Но своей приятельнице я долго втолковывала, как же она не права. Эти птицы с давних времён в некоторых странах считаются священными. Они заменяют собой гонцов, ходоков, почту. Они красивы, неагрессивны. Недаром говорят: "Голубиная кротость, нежная горлица". А белых голубей провозгласили символом мира…

Не знаю, убедила ли я её, но однажды с балкона увидела, как она высыпала хлебные крошки из пакета на канализационный люк.

Поневоле иногда задумываешься над некоторыми противоречиями, даже парадоксами нашей жизни. Вроде бы мы, россияне, славимся гостеприимством, широтой души. Но "братьев наших меньших" (это уж такое заштампованное выражение!) ни во что не ставим и даже презираем.

Если бы только это… Бродят у мусорных баков тощие больные собаки, дерутся кошки за рыбную косточку, забравшись в контейнер. Ругаем Америку, Запад, а там даже в небольших городах существуют приюты для животных, интернаты, лечебницы, и часто – на собранные населением средства. Подбирают раненых животных, вызывают специальную "скорую помощь". А у нас вольготно и сытно только крысам, потому что мы не хотим отделять пищевые отходы от обычного мусора, потому что "заботливые" работники санэпидстанций засыпают подвалы жилых домов отравой, от которой, мучительно страдая, погибают только кошки. А хитрым, умным крысам всё нипочём. Даже учёные не отрицают такую мысль, что в случае глобальной катастрофы выживут только умные, выносливые, быстроразмножающиеся грызуны. Становится не по себе. Почему мы такие?..

После третьей укладки кока забрала меня домой. Она долго отмывала меня под душем. Какая благодать! Оба вы-

ходных блаженствовала в уюте. Не знаю почему, но даже в такой примитивной узкой "хрущёвке" у неё всегда было красиво, солнечно, чисто. Это, конечно, вкус. Нарядные от цветущих фиалок подоконники, уютные небольшие кресла, удобный журнальный столик, где и телефон, и газеты. Как сядешь в эти мягкие кресла, так и уходить никуда не хочется. Сквозь тюлевые, оригинального рисунка шторы выглядывает узкий балкон, оформленный просто и со вкусом – цветами. А из окна – округлые пышные шапки лип. О, как они цветут в июне! Запах тёплый, приятный, ненавязчивый.

Тонкий вкус к уюту, красоте передался и дочери, и невестке. У них тоже в квартирах очень хорошо.

А ведь если задуматься, комфорт, уют благотворно влияют на наше самочувствие, настроение, на всю обыденную жизнь. Сколько себя помню, в раннем детстве, в военные годы мы жили предельно скромно, даже аскетично: примитивная мебель, только самая необходимая. Украшением наших жилищ были в основном комнатные цветы: розаны, фикусы, лилии, – и вышитые коврики, думки, вязаные салфетки. Мы старались как-то облагородить наш жилой уголок. Был уют – результат искусного рукоделия… Уже позднее у нас появилось самое долгожданное, самое любимое приобретение – книги. Для меня книги – счастье. В долгие зимние вечера перечитала с коптилкой почти всю классику.

В семье тёти Таси и дяди Коли мне в те тяжёлые дни болезни было спокойно, хорошо, душа отдыхала. Здесь меня понимали, и даже появилось чувство защищённости от всего плохого, жестокого… А как это важно в жизни! Все конфликты и неурядицы в семьях происходят от нежелания понять друг друга.

Очень кстати в эти дни из Молдавии пришли посылки с тёплыми вещами, грецкими орехами и набором шоколадок от моих подруг Анны Михайловны Семёновой и Славы Львовны Кучук. Аннушка – собкор газеты "Советская тор-

говля" по Молдавии. О них я уже писала. Мы всегда помогали друг другу бескорыстно.

Так пролетели два прекрасных дня, а в семь часов утра в понедельник я шла неспеша к месту назначения моей обители добра – "зелёному бункеру". Я ещё не представляла, как сложатся мои дела, каковы будут результаты лечения и сколько времени придётся ещё пробыть в радиологии. По сути, пройдена треть времени из моих процедур. Оставалась одна укладка и половина лучей. Мечтала о том, чтобы на сеансы лучевой терапии мне разрешили приходить из дома. Кока сама так предложила. Но не хотелось ныть, клянчить, даже и сейчас не очень-то хочется об этом писать.

Дело в том, что меня мучили запахи: наверное, была на них обыкновенная аллергия, отвращение к пище. Раньше садилась за общий стол и, хотя почти ничего не ела, но находилась вместе со всеми. А по мере интенсивности реакции на лечение, видимо, произошли необъяснимые изменения. Не могла смотреть на еду, даже на лица сидящих за столом. Мне было больно смотреть на них, особенно на больных раком кожи. Мне было физически плохо от их вида, потому в последние дни старалась перекусывать в палате. А чтобы отвлечься от горьких мыслей и тоски по детям и внучкам, писала письма своей подруге юности – Вале Табуновой.

Она работала в Каракалпакии, преподавала русский и литературу в школе. Валя – красивая, уверенная в себе девушка, способная во всех областях знаний, спортивная, увлекающаяся натура. Я была для неё как Санчо Панса из "Дон Кихота". Хотя толку от меня неизмеримо меньше, чем от того верного толстяка.

Меня как магнитом тянуло к тем людям, у которых что-то в жизни не ладилось, они нуждались в каком-то особом внимании и, главное, понимании. И невольно мы сходились в дружбе.

В жизни Вали иногда возникали неразрешимые вопросы. И, чтобы как-то смягчить переживания, сомнения, пыталась её

поддержать. По крайней мере, искренно. У неё и детство было, по-моему, беспросветное, хотя родители, братья, сёстры – все были исключительно порядочные люди. Но была нужда – как во многих семьях. Я просто жалела её, даже плакала по ночам от бессилия помочь ей. А жалеть – значит любить. И так уж у меня получалось: кого жалела, того и любила. И, что интересно, когда у моей той или иной подруги всё налаживалось, я потихоньку отходила от неё, потому что успокаивалась. Такая уж нелепая натура. А если точнее – вся в своего родного папочку. Мама была тоже добрым человеком, но это у неё проявлялось вспышками, а отец постоянно кого-то опекал.

Свои же неудачи и нелепости преодолевала сама, с помощью "природного" юмора. Дар природы, иначе откуда вдруг среди обиды, отчаяния в голову вдруг "прискакивали" неожиданные, наглые, несуразные мыслишки, сравнения, смешинки, что я тут же приходила в себя без посторонней помощи. Отсюда во всех моих "Заветных тетрадях" преобладают каламбуры.

И ещё. Мы раньше (я уж точно) ничего не знали о знаках Зодиака, а они, хотя и частично, совпадают по некоторым чертам характера. Женщины-Львы на самом деле добрые, но вспыльчивые, горячие, и к ним бывает трудно приноровиться в момент вспышек. Но они отходчивы и не помнят зла. Водолеи – сумбурные, но добрые знаки. Причём в них развита глубокая интуиция, жаль, что она направлена на какие-то общественные события, на других людей, а не вглубь самого себя. Но я не верю, например, что Ельцин родился под знаком Водолея. Сумбурный он достаточно сильно, но что "проницательный", "интуитивный", "добрый" – никогда не поверю. Просто раньше малограмотные секретарши, заполняя свидетельства о рождении, нередко путали даты появления на свет младенца, даже имена и фамилии. И это не секрет. Была бы интуиция, человек не позволил бы развязать войну на собственной территории против своего же народа. Один из аргументов: Дудаев не выплачивал пенсии по

три месяца… и так далее, и тому подобное. В самом же центре России в девяностых годах пенсии и зарплаты не выдавали и более длительные сроки. Младший Буш уничтожил Хусейна. Что изменилось? Целая страна разрушена, воюет и ещё будет воевать долгие годы, как Афганистан.

Только миром можно построить мир и благоденствие на Земле. Ведь в Библии – мудрейшей книге – всё сказано. Только жаль, что от желания простых граждан ничего на этом свете не зависит…

К чему это я? Начала с юмора, а кончила за упокой. А сказать, между прочим, я вот что хотела. В перерывах между лечением я начала писать для детей "Сказочки о Солнечном Лучике", а для себя – "Неотправленные письма".

И написала дочке о Солнечном Лучике. Когда мы с ней встретились, она сказала мне: её вдруг осенило, что ни в каком я не санатории, а в какой-нибудь больнице. Кажется, повторяюсь?

Сказочки – интересные. Когда книжки вышли, получила немало добрых писем от родителей и рисунки от детей...

На четвёртую укладку шла с тревогой и надеждой. Как-то всё в дальнейшем сложится? Но сейчас нужно собраться и приготовиться к итоговому решительному шагу. Тем более что и Вера Петровна, и Зоя Александровна сделают всё четко и правильно. Так оно и было.

Зою в то утро привезли из процедурной намного позже меня. Лицо её было заплакано.

– Зоечка, радуйся, у тебя уже не будет укладок.

– Ох-хо-хо! – вздохнула моя соседушка. – Даже не верится. А то что-то трудно мне всё это переносить.

– Но перенесла же? И муженёк, и Вера тебя навещали.

– А дочка придумала ехать, вот-вот родит. Но соскучилась, говорит. Да и я тоже. Благословила её – пусть всё будет хорошо – и она, и ребёночек будут здоровы. Хоть мальчик или девочка…

– Ну вот, теперь поблаженствуем. Хочешь поспать? Я тебя постерегу, разбужу через часик или раньше. А потом новую сказку почитаю.

– Ладно, посплю немного. Как хорошо, что мы с тобой вдвоём. Одна я бы не выдержала, – произнесла уже слабым голосом Зоечка и уснула.

Всего на часок она забылась, но проснулась бодрая, настроение улучшилось.

– Давай, читай мне, Тамара, сказки.

И прочитала ей "Бабушка Луша и кот Мурлыка", "Тюльпаны для тёти Варвары", "Китоша"… Зоя ахала, удивлялась: "Как это у тебя получается?" А я её убедила, что когда у неё родится внучка или внук, ей тоже захочется что-нибудь для них придумать.

– Когда у меня Маринка родилась, я взяла школьную тетрадь и стала рисовать разных животных: зайца, мишку, лису. А под ними написала короткие стишки. Необязательно стихи, можно придумать рассказик. Тетрадь я подписала "Маришкина книжка". Конечно, для этого нужно подучиться, самой читать. Вот и всё. А когда подрастёт ваш мальчонка или девочка и начнёт говорить – это так интересно, заслушаешься. Только сразу надо записывать, а то забудешь.

Так потихоньку пролетел первый день: по очереди дремали, разговаривали, песенки марийские попели. У Зои голосок тоненький, чистый. Слух замечательный.

А на второй день вдруг появился Илья. Постоял у окна, вытягивал шею, чтобы Зою увидеть. Она ведь за мной лежала – дальше от окна. Передачу отдал санитарке, ещё и с небольшим письмом. Так через силу Зоя полакомилась пирожками с капустой и грибами, печёными яблоками. По тому, как муж смотрел на Зою, всё-таки можно было понять, что он её любит, жалеет. Сначала всё улыбался, а пошёл – глаза наполнились слезами. Увидел её бледненькую, беспомощную и пожалел.

Зоя воспряла духом, глазки ещё больше засияли синевой.

– Вот, девочка моя, всегда так улыбайся – просто красавица. Так что не волнуйся – любит тебя Илюша, и никуда он не денется. А ты кушай как следует, быстрее поправишься. Теперь ты знаешь, как здоровье даётся…

Так я по старшинству наставляла свою молодую соседушку. Может и нудно, но… пригодится.

А в четверг мы провожали Ангелину. Она безмерно веселилась. А сначала вспомнила, как она в радиологию попала.

– Без сознания привезли, вся кровью изошла. Даже не думали, что спасут. Вот ворчу иногда на Веру Петровну, что старая такая, а работает. А она ух как за меня сражалась. Так что это я первый раз умирала. Каждую неделю мне кровь переливали – хоть и трясло малость, но очень мне эта процедура помогала. А третий раз перелили, и всё – я отключилась. В реанимации лежала. Но это не наши врачи виноваты, а видно в Центре пузырьки с группой перепутали. Вот тебе и второй раз умирала – с трудом, но спасли. Видать, всё-таки счастливая. Вернусь сейчас домой, может, мой за ум возьмётся и не будет так водку жрать, – рассмеялась она.

– И всё-таки удивительно, давно ли еле ползала, а сейчас вот! – вдруг забила чечётку наша Ангелина.

– Да ты что, девушка, – схватила её за руки Фрося, – с ума что ли сошла? Это тебе не шуточки, а то получится, как у Шуры с кирпичами.

Еле угомонили юмористку. Муженёк её явился на колхозном газике уже после четырёх вечера. Как назло зарядил сначала нудный мелкий дождик, а днём сильно потеплело – перепутала, видно, небесная канцелярия осень с летом и обрушила на землю кратковременный, но отчаянной силы ливень.

– Вот уж приспичило! – заохали женщины.

– Ничего, говорят, хорошо ехать в дождь, – успокаивала всех Валентина.

– Газик везде пройдёт, только вот потрясёт так потрясёт. Но куда деваться – ехать надо. Дома трое ждут – не дож-

дутся матушку родимую. Обнялись, распрощались с нашей Линой...

Около двенадцати ночи в отделении раздался пронзительный звонок. Дежурная Люба от неожиданности чуть со стула не упала.

– Алло! Что? Кричите громче, не слышно… Кто-кто? Ангелина? Ужас какой! – закричала Люба, а лицо её сначала полыхнуло, потом смертельно побелело, и трубка грохнулась о стол мимо рычажка.

– Всё, нет больше Лины. Эти проклятые колдобины, дороги наши, эти чёртовы пьяницы, – с рыданиями вырвалось у неё. – На третий раз не получилось спастись... – проговорила Люба.

Мы, конечно, все, кто мог ходить, вышли из палат и тихонько стояли у стола дежурной. Судьба-злодейка...

Да, глупая, нелепая потеря.

Ночь прошла без сна. Так, под утро вздремнули и всё. Это сообщение стало шоком для врачей да и всего персонала радиологии: столько раз спасали… Трое детей… Нет слов.

Когда укладки закончились, кока всё-таки переговорила с заведующим, чтобы на лучи я ходила из дома. И место освободится в палате: к зиме что-то больных стало намного больше. И мне разрешили. Теперь в стационар я шествовала как на работу – к восьми часам. Спокойно ожидала очереди, общалась с Зоей, другими женщинами. Все уже стали приятельницами и рады были видеться.

Узнав, что я живу у тёти Таси, ко мне поспешили мои подруги. И Люся, и Рита Кошкина-Ожиганова. Мы с ней дружили, как и с Люсей, с педучилища. Она даже некоторое время жила у нас, пока не освободилось место в общежитии. Рита – человек неторопливый, обстоятельный, в то же время весёлый, активный. Весь её облик – невысокая, хорошо сложена, вьющиеся каштановые волосы, прекрасные карие глаза с длинными ресницами – выражал надёжность и доброжелательность.

Рита жила в селе Коротни на левом берегу Волги – как раз напротив Козьмодемьянска. Зимой бегала домой на выходные по скованной льдом реке. И я бывала у неё в гостях. Семья большая – две сестры, брат, юношей прошедший всю войну, и глухонемая тётя со своим сыном. И, конечно, родители. Не сказать, что дом большой, но места всем хватало и жили они дружно.

У нас был замечательный курс в педучилище – сплочённый, активный. Мы попали в хорошие руки. Ведь в войну педагогический институт находился в Козьмодемьянске. Потом его перевели в столицу Марийской республики – Йошкар-Олу. А преподаватели не покинули свой родной городок, остались работать в педучилище. Так что знания давали глубокие. Недаром после его окончания наиболее успешных выпускников посылали работать не в начальные, а в семилетние школы по всем городам и весям нашей необъятной тогда страны.

Но у некоторых судьба сложилась по-другому. Повыходили замуж в больших городах, где устроиться в школу было труднее, так пригодились в детских дошкольных учреждениях.

Мне тоже пришлось поработать в детдоме, и это была хорошая школа воспитания детей. Я рано вступила в партию, заочно окончила историко-филологический факультет Марийского государственного педагогического института. Наверное, потому меня назначили завучем крупного детского сада, расположенного в трёх зданиях, с контингентом более трёхсот ребятишек. Случайно узнала, что Рита не работает, сидит с двумя крошками – сыном и дочкой – дома. Муж Герман работал электриком, а прокормить такую семью на одну скудную зарплату было нелегко. Я говорю "скудную", и это правда. Никогда не кляла Советскую власть и партию, кроме культа личности, потому что считала, что они немало дали простому народу – народным массам – бесплатное образование, возможность выбрать работу по душе, да много чего. Но то, что жили мы скромно, зарплаты получали небольшие – это чистая правда. Спасало то, что цены на продукты были приемлемыми. И мы радовались жизни.

Ну и разыскала я свою подругу и пригласила её работать в наш сад воспитательницей. И, по-моему, она ни разу об этом не пожалела. Ещё и окончила заочно Казанское дошкольное педучилище с красным дипломом и стала профессионалом.

Так пришлось, что мы не раз помогали друг другу, она мне даже чаще. По сию пору и Людмила Максимовна, и Маргарита Ивановна общаются со мной, не забывают "беглянку". Мы очень обрадовались, когда обнаружили в родном городе Нину Шеину-Новосёлову, которая в силу обстоятельств, работала в другой области, не связанной с педагогикой. Это чудесный, лёгкий человек, красавица, и мы её все очень любим. И все дружим до сих пор…

Но вот пролетели ещё две недели, просто промелькнули. Так тяжело было расставаться с родными, друзьями и любимым городом. Но сердце разрывалось от беспокойства о детях. Боялась, что Андрюша приедет из армии к закрытой двери. Последний двадцать первый луч, как назло, пришёлся на праздничный день. А это значит, что еще три лишних дня должна была прожить здесь. Я объяснила ситуацию и Александру Васильевичу, и моим милым докторам – моим спасителям, что я, к сожалению, не могу ждать двадцать первого луча. Они сказали, что достаточно и двадцати. Но советовали пожить ещё у родных, окрепнуть, ведь дорога такая дальняя: двое суток с пересадкой. Но я заверила их, что всё выдержу – спокойненько, потихонечку. Ведь мои доктора не только подлечили меня, а вернули к жизни, продлили её.

Большая заслуга в этом и Юрия Александровича Тарасова, мужа Зои. Он работал в опасном отделе радиологии – заведовал радиоизотопной лабораторией. Высокий профессионал, он тщательно подбирал материал для каждого пациента, тот металл, который даст больший эффект в уничтожении очага заболевания. Мне, например, отлично помог кобальт. Так что методы лечения были выбраны точно, оказались по-настоящему результативными.

– Всё, что могли, мы для Вас сделали, теперь дело за Вами, – сказал мне в заключение заведующий – Александр Васильевич Смоленцев. – Верить в лучшее, как можно меньше волноваться, не простужаться и питаться хорошо – мясо, рыба, овощи, отлично бы чёрную икру, фрукты, шоколад, орехи. Тяжести не носить, один-два килограмма, стараться не падать, не ушибаться. Ну и летом – подальше от солнца и от грозы…

Все эти наставления я уже слышала и от лечащих врачей, они постоянно напоминали, как надо беречь себя и была им благодарна.

– Живи подольше, посылай весточки – это будет для нас огромной радостью, – сказали мне на прощанье мои спасители.

Ну что, обошла я весь корпус, со всеми попрощалась. Женщины наказали: "Иди и не оглядывайся, чтобы не возвращаться сюда".

Но я как вышла из моего доброго приюта, повернулась лицом и низко поклонилась "зелёному бункеру".

Дядя Коля взял мне билеты до Кишинёва, тётя Тася позвонила подруге – Аннушке Семёновой – о времени приезда и заручилась обещанием, что они с мужем меня встретят на вокзале. Вещи отправили посылкой, так что поехала я налегке.

Провожать пришли все мои родные и друзья. Никто не выжимал слёзы – они были искренни…

6. БУДЕМ ЖИВЫ – НЕ УМРЁМ

И вот я снова в фирменном поезде "Йошкар-Ола – Москва". Чистенькое купе, белоснежные занавески и скатерть на столике. А на нём уже готовый чайный прибор – чашки с блюдцами, вазочка с сахаром и печеньем, чайник. Полки за-

стелены свежим бельём. Время – шестнадцать сорок пять. И неожиданно такая тоска стиснула горло, что не разрыдайся я сейчас, в этот миг – сердце бы разорвалось. Да, расставание с любимыми – это как изнурительная болезнь, глубокая печаль. Всегда-всегда я уезжала из родного города в солнечную Молдову с тяжёлым настроением. Но надо было ехать. Забываешься, когда смотришь в окно на скромную, такую близкую сердцу природу. Записала как-то в Заветной тетради: "На берёзки я гляжу – наглядеться не могу, и на сосны я смотрю – надивиться не могу…"

Мои милые похорошевшие марийские деревеньки, сёла и станции: Куяр, Морки, Сурок… Большое семейство гусей приближается к железнодорожному полотну. Впереди важно вышагивает краснолапый гусак. Услышав гудок, вытянул шею, застелился по земле. Наверное, сердито шипит, но звука не слышно. И правильно делает, не мудрено, что поезду пригрозил, чтобы тот не наступил на его большущий выводок. А если бы он был сильно умный, то призадумался бы: "Зачем я их, моих деток, поволок на рельсы?"

А в Сурке за окном послышался шум – ватага молодёжи, как узнали потом, студенты политеха возвращались домой, в Москву. Парни пели под гитару, смеялись, а многие девчонки ревели. Одна так просто "в голос". Она повисла на шее невысокого, не очень юного парня, не приметного ни внешностью, ни одеждой, и обцеловывала его лицо. Тот страшно конфузился, пытался оторвать девчонку от себя. Выручил протяжный гудок дизеля. Поезд дёрнулся и медленно поплыл, потом приостановился на мгновение: машинист, видимо, беспокоился за толпу ребят и девчат. Но они спохватились и в секунду заскочили в наш вагон.

Девушка рыдала почти всю дорогу. – "Влюбилась Натка, – объяснили девчата. – Впервые. Ой, смех – лучше не нашла!" Да уж, любовь зла… А я записала: "А в поезде ревущая девчушка. И грустная гитара вторит ей, а чтобы не рвала

ей душу, то струны порвались быстрей. Гитару бросили в пути, теперь дороги не найти. Ей бы бежать за ними вслед, но сил бежать и слёз – уж нет…"

Мне было очень жаль эту семиструнную гитару. За что её наказали? Из-за ревущей девчонки? Вот её-то нисколечко: всё проходит, и это пройдёт. Гитары не стало. И все поняли, что устали, и уснули до самой столицы.

Итак, ещё один – меньший – отрезок пути преодолён. Ещё метро, ожидание на Киевском вокзале и – через сутки Кишинёв.

…Нет, это не фирменный, вернее, одно название. Рывки поезда, грохот, болтовня, чавканье и запах вина – всю дорогу. Уснуть было невозможно. Но ведь доехала, преодолела. А выйдя из вагона, обомлела – сугробы снега, и это – девятого ноября. В кои-то веки!

А меня уже встречали. Аннушка и Юрий Георгиевич взяли такси. Ехать было тяжело – заносы. Буксовали, ехали рывками. Пришлось терпеть. Но что бы я делала без моих друзей? Так и свалилась бы на вокзале. Бессонная ночь, слабость. И по сей день говорю: спасибо вам, мои родные!

Вот я на своей Ботанике. Это район Кишинёва – двадцать минут или чуть более от центра города. Улица Бельского. Это танкист, который первым ворвался в молдавскую столицу после её освобождения. Улицу уже переименовали, так как в девяностые годы и мы стали оккупантами…

С трудом поднялась на четвёртый этаж. Оказалось, что дома была моя мама. Приехала с крошечной Надюшей. Поначалу внучка моя меня испугалась – такая я была страшная. И мама удивилась: "Что это с тобой – старуха старухой. Вроде ты была получше, когда в последний раз виделись, ведь ремонт у Андрюшки в комнате сама делала.

– Делала, мамочка, из последних сил выбивалась. Хотелось сыночка порадовать. Обои новые, стеллажи с книгами, собрала неплохую библиотечку. Он ведь любит читать, как и

Марина. А ты меня ещё всё ругала – и не так красишь, неумеха, а надо так. Стояла над душой, потешалась. Да, из последних сил, ведь болезнь тяжёлой оказалась.

– Что это за болезнь?

– Ладно, поставь лучше чайник, в горле всё пересохло и устала страшно.

Мама хмыкнула: "Устала она. Пешком что ли шла?"

В этом была вся моя мама. Делиться с ней своими горестями было невозможно. Начинала ругаться, что сама во всём виновата… Согласна, сама выбрала такую судьбу, но разве нельзя дочь пожалеть хотя бы раз в жизни? На меня её никогда не хватало.

– Может, каши манной поешь? Оладушки Надюше делала…

– Нет, спасибо. Пить хочу и спать.

– В поезде что ли не выспалась за двое-то суток?

Выпила чаю, баралгин – так стали донимать боли. Надеялась уснуть, и только задремала, в дверь забарабанили: "Тётя Надя, у тебя заварка есть? Мы всю выглохтали!"

– Есть-есть, сейчас, девочки.

Это были те разудалые квартирантки нашей соседки, которые не давали ночами заснуть Аришечке – пьянствовали с ментами. Эти-то уж точно не милиционеры, а форменные забулдыги. История продолжается. И, как я поняла, мама моя родная повадилась к ним на посиделки. С чужими людьми она была общительным человеком. Не удалось ни поспать, ни под душем ополоснуться – горячей воды не было.

Дома началась другая жизнь. Бесконечные "визиты" соседок, длительные кормления Надюши. Она плохо кушала, капризничала, а прабабушка возмущалась, кричала на неё, заталкивая силой ей в ротик эту манную кашу.

– Мама, я не могу ещё выходить на улицу. Купи что-нибудь ребёнку вкусненького. Может, куриного мяска покушает.

– Пусть ест, что дают! – сказала как отрезала. Но всё-таки пошла и купила каких-то продуктов…

Однажды вечером она всё-таки допыталась, что же это за болезнь у меня такая, что ходить не могу, худая, немощная. Когда сказала, что рак, она тут словно плеснула мне в лицо: "Рак? Да он же неизлечим. А ты вон сама приехала из такой дали. Выдумала мне тоже!"

И я, наконец-то, рассердилась на неё, обиделась и сказала:

– Всё, разговор закончили. Я ещё от тебя сочувствия ждала. Спасибо, мамочка.

И больше не допускала её ни до каких размышлений по поводу моего здоровья. Только сказала ей, что если бы не кока с Лялей и йошкар-олинские врачи, меня сейчас уже не было. Я всё равно буду бороться, только мне нужен покой, без всякой нервотрёпки.

Действительно, столько пережить и пройти такое лечение, чтобы одним махом всё разрушить? Но говорить было не с кем.

Не детушки, а клад

Сама судьба помогла, пожалела, видно, меня. Наконец-то приехала моя доченька. Были такие заносы, что раньше приехать не могла. Хорошо, что подвернулась попутная машина, и водитель оказался знакомый.

Конечно же, мой вид расстроил её. Коротенько посвятила дочь в свои дела. Она и сказала мне, что догадывалась. Вспомнила, как я от них уезжала, и про сказочки о Солнечном Лучике…

Мариночка моя выглядела не лучшим образом. Настроение подавленное. Я тоже догадывалась, что жизнь на новом месте не сахар. Работа не по специальности: преподаёт хирургию в медицинском училище, ночами дежурства в больнице. Двое малюток. Ложится поздно, а после дежурства и вообще не спит, а идёт на лекции. Это так в медицине заведено: днём работаешь, если ночью дежуришь, на второй день продолжаешь работу в отделении.

Чуть свет, ребёнка – в детский сад, а в восемь утра начинаются занятия. Бывало, что и опаздывала. Всё это её, ко-

нечно, угнетало. Квартиры своей пока не было, приютили свекровь со свёкром. Потом сняли отдельную двухкомнатную в соседнем доме. Когда же моя мама стала жить у них постоянно, это облегчило дело. Баба Надя им очень пригодилась. Она всегда была в хорошей физической форме – до определённого возраста – успевала и готовить, и в очереди за продуктами постоять, и за детьми приглядывать. Это уже позднее, а пока дочка моя нервничала, что вот-вот появится водитель, они с двумя Надями уедут, а я останусь одна.

Раздался звонок. Марина бросилась к двери, распахнула её и, вскрикнув, повисла на шее у родного братика. Андрюша в этот день вернулся из армии. С ним приехали двое его товарищей. А с Мариной случился настоящий шок. Она не могла разжать руки. Еле её успокоили, бедненькую мою. Видимо, радость от встречи с братом и боязнь, что надо уже уезжать, да и горечь от новости о моей болезни потрясли её настолько, что еле отходили.

Усадили побыстрее всех дорогих гостей за стол. Накормили как могли.

Сынок привёз всем скромные подарочки. Чемодан его опустел, когда он одарил нас сувенирами, и я была уверена, что купил он их на последние деньги.

Слишком добрым уродился мой сынок на белый свет. И его порой безрассудная доброта проявлялась ещё в раннем детстве. Помню, пришёл ко мне и говорит: "Мама, у меня ведь две матроски, да? А у Вани – ни одной. Он такой бедный! А зачем мне две? Я же сразу обе матроски не надену на себя. Правда же, мама?"

Ой, и смех и грех. Конечно же, согласилась с ним. И так всю жизнь. Да и Маринка такой же была, только раздавать было нечего. Да уж, небогата была наша семейка, не считая её главы...

Может быть, с часик мы ещё посидели все вместе, да и расстались.

Когда ещё вырвется ко мне моя доченька? Какое счастье, что сынок вернулся живым и невредимым. Живым – да.

Вообще-то мы произвели друг на друга не радостное впечатление. Я-то уж ладно. Но Андрюша выглядел таким истощенным. Расстроилась ужасно – что за причина? Когда мы остались одни – товарищи разъехались по домам – обо всём поговорили. Сначала разговор шёл обо мне, потому что сын настоял, потом о нём.

Если признаться, я и не мечтала, что дети мои такими вырастут. Ну о Марине не говорю – слишком серьёзно она ко всему относилась. Много работала над собой, училась на "отлично". Успешно занималась в музыкальной школе. Потом ругала себя – надо было в танцевальный или спортивный кружок её отвести, чтобы двигалась больше, получала удовольствие, чаще общалась с детьми вне школы. Но...

У Андрюши – абсолютный слух. В четыре-пять лет он знал наизусть почти все песни революционных и военных лет. Забирался в большую коробку и распевал от всей души одну за другой, не стесняясь, так как думал, что в коробке его никто не видит.

Рос непоседой, озорником, весельчаком и никогда не плакал. Сестрёнке с ним было хлопот немало. Но что главное – они никогда не ссорились. Маринка – более настойчивая, а он легко поддавался на уговоры: Весы и Близнец плюс я, Водолей, – воздушные знаки Зодиака, для людей – лёгкие, общительные, но, увы, не очень удачливые.

А насчёт того, что сын не был плаксой, приведу такой убедительный пример. Отец перевёз нас из Днестровска в Кишинёв – кстати, против нашего желания. Забрал документы, побросал вещи в грузовик – и всё. Снова вмешался в нашу жизнь грубо и необдуманно. И этот переезд вышел всем нам, как говорится, боком. Разрушились мечты, добрые дружеские связи, а в дальнейшем – трудные испытания, которых не случилось бы с нами в Приднестровье.

Так вот. Андрюша перешёл в шестой класс. Жили мы в новом районе. Уже не было у него яхт-клуба – прекрасного занятия для мальчишек, старых друзей.

Но он человечек общительный. Вынес мяч во двор, стал "пасовать", и тут же появилась целая ватага ребятишек. Они с азартом играли в футбол. Двор был большой, но заросший густой травой. И, конечно, только мой сын мог напороться на старые ржавые грабли с витыми стержнями. Неряха дворничиха бросила их в траву – лень было убрать в подсобку. Остриё пронзило стопу насквозь. Телефонов близко не было, "скорую" вызвать неоткуда, пошевелить ногу нельзя, грабли огромные – и эти ржавые штыри. Что вы думаете? Он запретил мальчикам сообщить мне. Это был выходной, и я стирала. Но прошёл час-другой, и один из них не выдержал – рассказал мне. Увидев его бледного, окровавленного, но смущённо улыбающегося, чуть не лишилась чувств. На счастье, мимо проходила "скорая", остановили, уговорили. Медики ужаснулись. С трудом, чтобы не вызвать у ребёнка шок, осторожно внесли его в машину вместе с граблями.

Когда я садилась в "скорую", подошёл отец, молча влез в машину. Он, как привёз нас в столицу, с нами не общался, не разговаривал, ничем не снабжал, хотя я ещё была без работы, только с нами обедал. От этого отказываться он себе не позволял. Правда после окончания трапезы вместо "спасибо" мог бросить реплику: "Едите всякую дрянь!" Да, это была сущность красивого, богатырского вида мужчины, умного хама. Это он мстил нам за то, что мы не хотели переезжать из городка энергетиков, где он работал старшим прорабом на строительстве Молдавской ГРЭС, я же – редактором газеты "Энергетик", которую сама и создавала. У дочери была ответственная пора: она перешла в десятый класс, шла на золотую медаль и не хотела оставлять любимую школу.

И мы расстались с этим райским уголком на берегу Кучурганского лимана, где жили в активной работе, в общении с прекрасными людьми, где мы обходились свободно без его "внимания и заботы". Я как будто не верила, но и мастера, и рабочие его строительного участка постоянно втолковывали

мне, чем Петрович занимается в свободное от "ратного труда" время. Думаете, я сильно расстраивалась? Даже рада была этому. Хотя бы оставил нас в покое! Никто и не подозревал, что творилось в нашей семье. И так должно и быть. У каждого своя судьба и перекладывать свои беды даже на плечи товарищей, коллег – не в моих правилах.

Он бы и тогда не сел в машину, если бы соседи – его сотоварищи – не рассказали, что травма серьёзная. Видно, постыдился… Немного отъехав, врач сказала: "Мальчик, какой ты молодец. Ты потерпи ещё минутку, мы тебе укольчик сделаем". И, наконец, штыри были выдернуты из раны. "Скорая" оказалась из Центральной подстанции, там всё сделали как надо, но сказали, что у них масса вызовов в другой от нас район города, и отвезти нас не могут.

Отец водрузил сына на плечо и понёс к автобусу, а потом донёс и до дома.

Если бы видели лицо Андрюшки. Оно сияло. В глазах гордость. Он победно оглядывался по сторонам, чтобы все видели, какой у него сильный папка. Дети тянулись к отцу, хотели, чтобы он когда-нибудь сел рядом и поговорил с ними. Спросил бы, как дела в школе. Похвалил бы дочку за трудолюбие, а с сыном хотя бы разок сходил на лиман. Я записала Андрюшкину фразу, услышанную случайно: "Пашка, ты счастливый, с отцом на рыбалку ходишь". А сколько здоровья мне стоили любимые мои детки, через запреты врачей, серьёзные осложнения. Думала осчастливить любимого человека. А он любил только себя, восхищался только своей особой, презирая людей за их более слабый интеллект. Я очень боялась, что какие-то черты характера достанутся и моим детям – не дай бы Бог! – но от него перешло только одно, независимо от него – упорство, способность к учёбе во всех областях знания. И я ему за это благодарна…

Итак, мы остались, после отъезда гостей, наедине с сыном.

– Мамочка, ты извини меня, но почему же ты не написала мне, что больна. Может быть, если бы похлопотали, меня бы

отпустили на какое-то время поухаживать за тобой. Я помню, что последний раз ты приезжала больная, с температурой.

Я рассказала ему, что со мной произошло и почему поехала лечиться на родину. Он всё понял. И тут же сказал: "Мамочка, я не буду отдыхать после армии. Пойду работать. Тебе же нужно и питание хорошее, и ещё какое-то лечение. На стройку пойду, у меня пять специальностей: кровельщик, каменщик, маляр, штукатур и в сантехнике толк знаю..." Но я сказала, что никакой стройки и никакой сантехники.

– Ты мне сейчас очень нужен. Будешь помогать – ведь на улицу выходить я ещё не смогу. Готовить потихоньку буду, а магазин – твоя забота.

И он согласился со мной. Как Андрюша переменился после службы, повзрослел, многое понял, узнал и главное – почувствовал, что такое родной человек, по-моему, и мама стала нужней. А потом и он рассказал, какие приключения с ним произошли. Как я и догадывалась: пьянка в стройбате – обычное явление, только с необычными последствиями. Питание? Об этом и говорить нечего. А работа настоящая, тяжёлая – строительство шахт.

И случайно увидела на его голове страшный длинный рубец. Кажется, кто-то балку уронил, точно он так и не сказал. Но признался, что врачи удивлялись, как он жив остался. А до этого было падение с какого-то этажа – ударило током. Милый, дорогой мой сынок. Спасибо тебе, что ты всё это выдержал, не спился, не стал подлецом и что живым вернулся домой.

А пока он отсыпался, общался с лучшим своим другом – Серёжей Абрамовым, который отслужил танкистом на Дальнем Востоке. Тоже пришёл из армии с отметиной. Я благодарна Станиславу и Маргарите Абрамовым за их понимание, доброту, внимание ко мне и сыну. Они оба закончили Тимирязевскую академию, занимали ответственные посты, но не кичились, как некоторые, своим высоким положением, а старались помочь людям.

Узнал о моём приезде и Александр Миронович Наточин: "Томка, привет! Всё знаю от Анны. Ну, ты молодец. Я знал, что у тебя интуиция мощная… Я к тебе ребят посылаю. Сам не приду, дел по горло, да позвоночник подводит".

– "Вот-вот, позвоночник. Сходи-ка ты на обследование. Только о людях беспокоишься. Прошу тебя…"

Я ему сказала, что сын вернулся, жаждет работать.

– О чём речь? Маринка – врач, а чего бы сыну не податься в медицину? У тебя же семейство альтруистов во главе с тобой. Пусть начинает с санитара. Утром позвоню. Пока!

В этот же день нагрянула вся фотостудия – с фотоаппаратом, с подарками, с провизией и "матпомощью", как они выразились, чтобы я не артачилась.

– Да, вид у тебя не фотогеничный, – заметила Тамара Мельникова, – снимем попозже.

– Да на фиг ей сейчас портреты, – сказал Юрий Штивлер, мой бывший заместитель по парторганизации. – Ей сейчас надо питаться, отдыхать и поскорей возвращаться в строй.

– Мы Вас любим, вот и всё, – заявил Юра Омелько, отличный мастер фотодела, писаный красавец. Кстати, никогда не употреблявший первого блюда – со школьного возраста не съел ни одного супа или борща. По этому поводу над ним все подшучивали, но, возможно, напрасно: Юра был здоровый парень, причём выглядел моложе сверстников. Так, побалагурили и расстались. Это радость – настоящие друзья.

Утром, чуть свет, раздался звонок:

– Привет. Наточин. Пусть твой Андрей подъедет на Центральную "скорую", там всё обговорено. Им нужны такие – будущие медики, после армии. Будь здорова!

В этом весь Миронович, в прошлом – военный корреспондент, весь больной, но скрывающий это даже от своей жены Брониславы.

В этот же день сын поехал на собеседование. Пока ждал в приёмной, туда вошёл мужчина, лицо которого показалось ему знакомым. И почему-то сразу подошёл к нему:

– Вы случайно не студент-медик?

– Нет, только думаю поступать.

– На работу устраиваетесь? – и тут же: –не хотите санитаром на подстанцию "скорой"? На Ботанике живёте?

Тут же и договорились. И к главному врачу зашли вместе. Вопрос был решён. Да, как ни спорят некоторые "неверушки", а всё в этом мире происходит не случайно...

В ту пору Андрею исполнился двадцать один год. А шесть лет назад случилась вот какая история.

Андрюшке двадцать девятого мая исполнилось пятнадцать лет. На второй день они – закадычные друзья – Серёжа, Андрюша и Юра – пошли на кладбище испытывать взрывное устройство, разожгли костерок. Удачно бабахнуло у Серёги и Юрки, а у моего Андрюхи "прибор" припаялся к руке. Я увидела из окна, что случилось неладное. Да когда бабахнуло (мы жили рядом с бывшим кладбищем), я сразу подумала, что это проделки милых друзей.

Андрей бежал и охал, рука почернела, а я к нему навстречу с одеколоном "Лель", который накануне ему подарила. Тут же облила ему всю руку. Эту неприятную картину увидел наш сосед-таксист, который заехал домой перекусить. Чего он раньше, как потом признался, никогда не делал.

Без слов он посадил нас в "Москвич" и привёз на подстанцию "Скорой помощи" нашего района, то есть на Ботанике. Вот тогда здесь впервые и встретились: заведующий Павел Петрович Скакодуб, опытный врач, славный человек, и подросток-шкода, который через шесть лет придёт к нему работать сначала в качестве санитара, затем фельдшера и – врача. А тогда они оперативно обработали ожоги, заметив при этом: "Ваша мама сделала всё правильно. Одеколон дезинфицировал раны, облегчил боль, этим она упростила нам работу, а Вам – выздоровление". Даже медсёстры вспомнили его.

И когда Андрюша пришёл к ним работать, одна из них сказала: "Когда доктор тебе делал внутривенное, ты бормо-

тал: "Чёрт побери, чёрт побери!" А теперь самому придётся иногда делать уколы". Что интересно: оба Андрея Николаевича – и зять, и сын – носили очки, что придавало им солидность. Врачи "скорой" думали, что он фельдшер. И когда приходилось выезжать на вызов, они давали указание, какое лекарство и дозу надо вводить. И у него получалось.

В первое же дежурство так уморился, что спал чуть не сутки. Попались очень грузные инфарктники, а лифты в Кишинёве после полуночи не работали.

В следующее дежурство ещё не легче. Молодой человек попал под поезд и остался без ног. Это был, конечно, сильнейший стресс.

В те годы, после армии, сын любил со мной разговаривать. Всегда просил: "Мамочка, посиди со мной". И мы с ним подолгу и обо всём говорили. Тогда же и решили: будет поступать в медицинский. Конечно, предстояло много потрудиться. Ведь когда он заканчивал школу, страшно много было всяких неурядиц, в чём ему очень много "помог" отец. Не могу даже писать об этом. Просто сыну было не до учёбы. Где же я тогда обитала? На работе – денно и нощно – и командировки, и писанина – надо было содержать семью. Конечно, нам помогли найти репетиторов – по химии и физике. Физик ничего не дал, абсолютно. Взял только хорошие деньги. Химик оказался замечательный. За один месяц прошли предмет за все годы и, как он сказал: "на твёрдую четвёрку, даже на пятёрку". И удивился, какой способный парень.

Нелегко пришлось сыну после травмы головы справляться с таким объёмом знаний, ведь ещё и работал. Но он всё-таки не отступал. На экзаменах получил две "тройки" и две "четвёрки". После армии такие абитуриенты проходили как льготники. Надо получить обязательно все положительные оценки. Так поступил его товарищ Виктор Жуков. Потому мы радовались и не сомневались, что увидим Андрюшку в списках поступивших. Однако его там не оказалось. Мы были

в такой растерянности – не объяснить словами. Столько было потрачено сил и здоровья…

Конечно, обратилась к ректору. Я уже тогда работала, хотя получила инвалидность. Но выпросила вместо второй – третью группу, так как платили буквально гроши. Ректор – бывший паталогоанатом – вкрадчиво намекнул мне, что вот если бы мы представили справку из воинской части…

Я чуть не лишилась дара речи. Как это справку? Все документы были в порядке. В результате оказалось, что он самолично изъял справку из документов сына по самой банальной причине – принял на его место того, кого ему было нужно. Такой наглости мы, конечно, не ожидали. К нему обращались все собкоры центральных газет и даже из сектора печати ЦК Компартии Молдавии, он стоял на своём. В медицинском институте работали преподаватели – члены Союза журналистов. Один из них по величайшему секрету передал мне, что ректор намекнул ему – "пусть даст пять тысяч"… Я получала сто шестьдесят рублей. Ни у кого такой суммы и в помине не было. Так что сын остался ни с чем. А ведь ректор был коммунист. Немало их было таких "ленинцев" и в советское время.

Тогда я уговорила Андрюшу поступать на подготовительное отделение. В приёмной комиссии оказались порядочные люди. Они предупредили меня, чтобы документы из армии ни в коем случае не посылали по почте, иначе они снова попадут к ректору. И он их "приберёт к рукам". И я решилась поехать в Кривой Рог сама.

Станислав и Рита Абрамовы помогли мне найти водителя. – "Его зовут Миша, он грек, очень хороший человек". – Мне стало смешно: "А наш ректор тоже грек, но очень нехороший человек". А водитель и правда оказался славным – вежливым и, главное, терпеливым. Дорога же – ужасной на многие километры. Её ремонтировали, и она была вся засыпана гравием, так что ехали вместо десяти – восемнадцать часов.

Но не знаю, как бы ещё выдержала, но мы доехали до райцентра Широкое, где жила семья секретаря райкома

Владимира Степановича и Ирины Гавриловны Охрименко. Водитель устроился в гостинице, а я ночевала у новых знакомых. Раньше мы не виделись, только общались по телефону.

Видя моё состояние, Ирина Гавриловна прежде всего накормила меня жареным карпом, напоила чаем с вареньем и уложила спать.

С этими прекрасными людьми нас познакомил мой сват, Николай Андреевич Голубев, отец Андрюши-старшего. Он общался с Владимиром Степановичем на партийном семинаре, по-моему, в Днепропетровске. Оба доброжелательные, словоохотливые, общительные, они, попросту говоря, подружились. Мой сват рассказал Охрименко, что в Кривом Роге служит брат его невестки – тоже, как и сын, Андрей, да ещё Николаевич. И они надумали, да и навестили моего сына в воинской части. Так что, когда понадобилось, Николай Андреевич дал мне адрес и телефон нового знакомого – товарища по партии. И я, конечно, была ему благодарна.

Утром мы благополучно добрались до воинской части. Объяснили сложившуюся ситуацию и без проволочек получили новые документы. Мне было приятно, что командиры части тепло отозвались о сыне – добрый, трудолюбивый. Были и нарушения – самоволки, иногда выпивки, но с кем не бывает… Расстались по-доброму: "Желаем стать ему хорошим доктором", – сказали на прощание. Андрюша расстроился и удивился, что я совершила такой вояж. Но всё равно был рад, что не зря он так старался и надежды на учёбу не потеряны.

Осенью он сдал все экзамены на четвёрки и был принят на подготовительное отделение педиатрического факультета Кишинёвского мединститута.

Есть люди, которым всё даётся легко. Наверное, они родились в сорочке. Мы – из другой породы. И нам всё время приходилось преодолевать какие-то препятствия. И мы сделали для себя вывод – если что-то решил для себя, значит, добивайся своей цели, ничего не бойся и не отступай. Так

что поступление сына в институт – это была его вторая – после армии – серьёзная победа над собой.

Учился он с удовольствием, несмотря на пробелы в знаниях и нелёгкую работу санитаром. Но об этом у нас даже разговора не было. Хотя поговорить мы с ним вечерком, когда он не дежурил, очень любили. Он много мне рассказывал о службе, о товарищах, даже приключениях. Я знала, что Марина и Андрюша-старший – эрудированные, читающие, даже очень, ребята, только времени у них всегда было в обрез. Но откуда различные познания у Андрюши-младшего – удивлялась. Он много знал, много читал ночами, а в армии его познания расширились. Да и не раз слышала от классной руководительницы Светланы Дмитриевны Крюковой: "Какой Андрюша развитый, сколько он знает. Его ребята в классе очень уважают, даже отличники". Хотелось мне сказать ей: если бы у него были ещё нормальные человеческие условия для учёбы, если бы его поменьше унижал и морально издевался над ним его близкий человек – отец… Да и ладно. Сам справился.

На курсах он познакомился с девушкой, Аллой Струковой. "Задружились" они крепко – у обоих, по сути, это были первые чувства. А к концу года пришли ко мне с новостью: после окончания подготовительного они решили пожениться. И как я на это смотрю? Я не возражала, хотя просила их подумать, легко ли им будет вместе. Дело в том, что оба они были слишком эмоциональны. Алла – вспыльчивая и быстро отходчивая, это хорошо. Андрей после травмы всё-таки изменился, иногда сдавали нервы. Но они решились. Летом сыграли свадьбу, будучи уже студентами-медиками. Создалась новая семья.

А к этому времени у старших детей появился долгожданный сынок, и он уже погулял на свадьбе у своего дяди Андрюши. Назвали его Коля – Николай Андреевич Голубев – тёзка своего дедушки, отца Андрея Николаевича-старшего. Теперь у Марины и Андрея появилась святая троица. Хорошо! Но и трудно. Но всё равно прекрасно. Бабушкой я стала в сорок три года, к пятидесяти у меня уже было четверо внуков, так как

младшие мои дети подарили мне ещё одно солнышко ясное – Антошу. Да, мы все любили Чехова – за его талант, познания в другой важной ипостаси – медицине, его безграничную доброту и мудрость. И мы не ошиблись с именем.

Годы трудов и трудностей, радостей и успехов прошли немалые – восемь лет. И вот появились на планете ещё два доктора. Второй – позднее на год. Ребята мои учились очень хорошо. Успешно сдали государственные экзамены, правда, Алла на год позже. Пришлось всё-таки брать академический. Водиться я не могла не только из-за болезни: выздоравливание после такого диагноза – не шутка. Но и материально было трудно. И зарплата, и стипендия небольшие. Но выжили, выучились, и Антошечка подрос.

Но всё-таки перед защитой диплома нам с Андрюшей пришлось попереживать. Он учился очень хорошо – не отличник, на красный диплом немного не хватило – да и зачем? Ведь ночная работа, уже фельдшером, маленький сынок, всяких житейских забот достаточно. Но нашлись преподаватели – всё-таки, если подумать – не очень умные и не очень порядочные, которые решили его завалить на первом же экзамене, потому что он отказался уезжать от семьи в далёкий райцентр – ведь Алла ещё доучивалась. Список "отказников" лежал у них рядом с экзаменационной ведомостью.

Об этом узнал мой добрый знакомый, преподаватель, работающий в этом вузе. Он взял и поставил в списке "отказников" против фамилии сына жирную галочку. И мерзкая затея не удалась. Ясно, что это были происки прежнего ректора, который ушёл с этой должности с позором.

Перестройка-перетряска

После ухода из жизни Брежнева и его соратников жизнь в республике кардинально изменилась. Конечно же, она ухудшилась по всем параметрам. А это вызывало негодование, недовольство – в основном не простых людей, а тех,

кто с вожделением поглядывал в сторону Румынии, то есть "ржавой интеллигенции", представители которой окончили московские вузы, защитили диссертации, а теперь окрестили своих благодетелей оккупантами. Да, не раз слышала это определение от многих коллег. Работать русскоязычным специалистам во всех областях стало нелегко – даже в медицине. Потому Андрюша, окончив институт, тут же решил уехать в Россию. Между прочим, он всегда рвался на родину, особенно на Волгу.

Но открепления не давали, из больницы, где проходил интернатуру, не отпускали. Мне звонила даже главный врач клиники, так как её очень устраивала работа сына как педиатра. Но он уехал. А без открепления можно было устроиться только в какой-нибудь Тмутаракани, куда никто не ехал. Так он и попал в Костромскую губернию, в глухомань, где продовольствия, кроме хлеба, не было никакого. И всё равно радовался лесам, речушкам. Ведь все летние месяцы в детстве прошли на Волге, а главное увлечение – рыбалка. Через год к нему уехали Алла с Антошей.

Андрюша-старший после рождения сына поступил на два года в Кишинёвскую ординатуру по общей хирургии. Марина училась заочно в аспирантуре. Эти три года были сложнейшими.

Учиться там, где нет никакой научной базы, лабораторий – почти невозможно. Для проведения опытов приходилось ездить каждую неделю в Кишинёв, чтобы ночь провести в лаборатории. Надо отдать должное её мужу: он ей очень помогал. Человек он неравнодушный, активный – всё умел делать быстро и хорошо. Постучу по дереву – и хирург он от Бога.

А сколько в Москву пришлось ездить. И я её сопровождала, чтобы где-то помочь, при необходимости перепечатать работу.

На защиту она поехала одна: в Молдавии началась такая заваруха, можно сказать – короткая, но война.

Мама моя не могла справиться с троими детьми в Кагуле – накормить, постирать, убрать. И я, конечно, поехала к детям. Какое счастье, что собралась с силами. В один из дней в Кагул прибыл большой отряд, называющий себя волонтёрами. На вид – какие-то оборванцы, почти как из войска анархистов батьки Махно, узколицые, смуглые, или неумытые? – но все с винтовками или автоматами. Они окружили школу, объявив, что берут всех в заложники. Я в это время вела Колю – ко второму уроку, так как первого не было. Да, кругом стояли вооружённые люди. У самого входа незнакомая женщина сказала мне: "Куда ребёнка ведёте? Не видите, нас окружили?" – "А у меня двое уже в школе", – ответила и вошла не в парадный, а обошла его кругом. Вспомнила, накануне, когда Колюшу забирала после занятий, какой-то толстомордый усатый дядька забивал гвоздями дверь – запасной выход. Спросила его: "Ремонт делаете?" Он с усмешкой посмотрел на меня и ничего не ответил. – "Ага, вот в чём дело, – догадалась я. – Заданьице чьё-то выполнял". – И проверила: вход был заколочен. Рядом же – дверь в кухню. Быстренько зашла туда.

Там испуганные девушки. Одну узнала – Аня. Сказала ей: "Прошу тебя, прикрой чуть-чуть дверь, но не закрывай. Может, через вас удастся пройти". Она пообещала. Мы с Колей через кухню пробежали в здание школы, бегом на третий этаж. Сердце выскакивало от страха за детей. Коля вприпрыжку бежал рядом и торопливо повторял: "Баба Тома, что случилось?" – "Не спрашивай, а то сил нет. Давай к Арине в класс".

Мы вбежали в восьмой класс. Там шёл урок. Учительница было возмутилась. Но я еле выговорила: "Посмотрите в окно. Видите, что творится? Скорей встаньте друг за другом в линеечку, выходите за мной. Аришенька, быстрее за Надюшей". И так мы помчались вниз. Подхватили со второго этажа внучку и побежали к кухне. Все ребята за нами. – "Тише, только спокойно, не кричите, чтобы не заметили". – И удивительно, дети поняли и послушались. Увидев в окно

людей с автоматами, конечно, испугались, потому и молча бежали по лестницам.

Мы благополучно проскользнули через кухню в хозяйственный двор, где ворота были открыты. Ребятишки запыхались, раскраснелись, а потом начали смеяться. Ведь такое приключение! И такой стресс… Додумались: взять в заложники детей. Это вам, дорогие мои читатели, ни о чём не напоминает? Например, Беслан?

Моя мама, увидев нас всех вместе, встала перед нами руки в боки: "Это что такое, с уроков сбежали?" – А ребятишки наперебой: "Баба Надя, нас в заложники хотели взять дядьки с ружьями!" – Она так и ахнула: "Господи, помилуй! Кто, где?"

Потом мы спокойно обо всём поговорили. Она, как обычно, с подковырочкой сказала мне: "Я тебе говорю, что ты у меня такая простая-простая, а хитренькая!" – "Мама, да ведь я какой-никакой журналист. Всякое бывает, что где-то надо соображать быстро. Ведь тревога у меня закралась вчера, когда увидела, что запасной выход забивают…"

Я, конечно, не сообщила об инциденте ни Андрюше и его родителям, ни Марине, чтобы не тревожились. Всё пока обошлось, пересидим дома. Всё равно эту банду выдворят… А доченька моя защитилась на "отлично" и не только в Москве, но вначале ещё и в Кишинёве. И тоже "отлично" поставили. Ещё бы – научным руководителем её была не кто иной, как Ева Михайловна Гудумак, доктор медицинских наук, профессор.

Кстати, Ева Михайловна была лучшей студенткой, последовательницей знаменитого детского хирурга – и не только в Молдавии – профессора Натальи Константиновны Георгиу. Она до глубокой старости была оперирующим доктором и преподавателем мединститута. Так что моим детям посчастливилось не только слушать её прекрасные лекции, но и общаться вне занятий. Наталья Константиновна любила молодёжь и запросто приглашала студентов к себе на чашку чая. Они многое почерпнули из её бесед не только на про-

фессиональные темы. Она была мудрым и благородным человеком. От неё ребята узнали, каким раем для молдаван была королевская Румыния, как она бежала из страны, переплыв Прут, через плавни, где чуть не погибла. Да недаром же знаменитая певица Алла Баянова считай, в конце жизни, с трудом перебралась в Россию. Почитайте воспоминания Александра Вертинского – великий артист объездил десятки стран и везде его встречали с восторгом, и только в Румынии он угодил в сигуранцу (которая, как говорят очевидцы, была почище гестапо), где его обвинили в несуществующих грехах и обобрали до нитки.

Видите, как мир невелик и как все мы взаимосвязаны друг с другом, и всё-таки должны серьёзно думать, с кем мы и какую жизнь выбираем. А о Румынии я вспомнила в связи с теми "волонтёрами", которые были просто наёмниками.

Марина и Андрей, конечно, немного расстроились, узнав о случившейся неприятности, но были рады, что всё окончилось благополучно. И самое важное, что дочка вернулась из Москвы в звании кандидата медицинских наук. Не особо рады были только коллеги. Шептались, сплетничали – не все, конечно. Как это: сколько детских хирургов пыталось защититься, а возвращались из Москвы ни с чем. Секрет ведь прост – нужно точно знать, чего ты хочешь сделать в своей профессии, и очень много трудиться.

В общем, перестройка и старших детей вынудила оставить солнечные края. И это только к лучшему. Теперь они приносят большую пользу и детям, и взрослым у себя на родине.

7. СКАЖИ: "КТО ТВОЙ ДРУГ?"

Ещё до приезда сына из армии приезжал мой бывший благоверный из Оргеева, где жил он со своей пассией – здоровой, пышнотелой молдаванкой Людмилой. Сидел на полу,

возле дивана, где я лежала, и плакал лживыми слезами: от него исходил "аромат" дешёвого красного вина. Дескать, просит прощения за все свои прегрешения, что на самом-то деле любит только меня. Слушать его было омерзительно.

Ночью, лёжа без сна, я ругала себя последними словами за свою глупость: как могла бесконечно прощать такого человека. Просто по-настоящему любила, а потому терпела хамство, жадность, постоянные измены и оскорбления – даже более того. Жалела, что у него, бедного, такой тяжёлый характер и ему трудно жить на свете. После таких мыслей я сама себе стала противна. И в то же время понимала, что исправить ничего невозможно. Надо только жить потихоньку, чтобы теперь ещё помочь выучиться сыну…

Не думала и не гадала, что обо мне кто-то вспомнит из районных газетчиков. Ведь прошло уже более пяти лет, как ушла из Союза журналистов. В одно раннее утро раздался звонок в дверь и перед моими тусклыми очами появился Толя Красницкий из Дубоссарской газеты. Он тоже выглядел "не очень".

– Анатолий Иванович, какими судьбами? И на чём ты добирался в такую рань? – огорошила я его вопросом вместо того, чтобы поздороваться.

– Доброе утро, во-первых, – рассмеялся гость. – Да я ещё вчера на попутке почти в три часа приехал, то есть, сегодня. Просто посидел в подъезде.

– Да замёрз ведь, как цуцик?

– Ничего, ещё не до конца замёрз, пока ещё не труп.

Поставила скорей чайник. Пожарила выручалочку-яичницу. Накормила, напоила чаем.

– Вот, я же хитрый. Знаю, что Геннадьевна не даст с голоду умереть. Спасибо за вкусный приём. Но главное, спасибо, что вижу Вас живой!

Он внезапно встал на колени и поцеловал мою руку. На глазах блестели слёзы…

– Толечка, дорогой, что ты! Мы ещё поживём… Да ты ляг, отдохни, тебе ведь ещё обратно добираться да работать надо, строчки делать.

– Нет, на работу поеду к обеду. Сдал большой очерк. И все наши знают, что к Вам собирался. Все так рады, что вернулись живой. А тут что-то из вашей редакции слухи поползли… Да ну их – коммунисты, а оказались пессимисты… Расскажи хотя бы немного, как дела.

– Толя, спасибо. Всё хорошо. Обхожусь без болеутоляющих. И это главное. Лучше расскажи, как твои ребятишки, Люда? Что в редакции?

И он долго рассказывал все новости. Мне было интересно слушать. Ведь коллектив знала, потому что курировала все городские, районные и многотиражные газеты. И помогала не только в работе, иногда и в обыденной жизни провинциальным журналистам. Они не стеснялись признаться в трудностях: журналистика – дело серьёзное.

А Толю уважала и жалела. Слишком много испытаний выпало на его долю. Лучшим другом его был Василий Васильевич Комаров – сотрудник Ниспоренской газеты. А подружились они на почве большой любви к поэзии. Анатолий Иванович приехал в Молдавию из прекрасного старинного Пскова. Там сделал первые шаги в поэзии. И впервые влюбился в очаровательную девушку. Звали её Лида. А так как чувства были обоюдны – готовились к свадьбе. И надо такой беде случиться, что в день регистрации брака девушка скончалась от разрыва сердца. Этот ужасный случай не оставил равнодушными многих и в редакции, где Толя работал, и вообще в городе. Воспоминания и боль утраты терзали его сердце, и он был вынужден уехать. В Дубоссарах жила его родная старшая сестра. Она работала секретарём райкома, но никакого участия в судьбе младшего брата не приняла. Слишком была жёстким человеком. Так что он сам определился с работой и жильём.

Только через восемь лет он встретил девушку – почти копию своей первой любви – медицинскую сестру, и звали её тоже Лидия. Сразу поженились. Родились одна за другой две дочки. Они были счастливы по-настоящему. И снова беда –

Лида умирает от неспецифического колита в лучшей кишинёвской клинике буквально за два дня. Девочки – четырёх лет и девяти месяцев – остались на руках отца… Положение казалось безвыходным. И вроде из-за сочувствия, да и симпатии, ему стала помогать молодая женщина, бухгалтер редакции, которая воспитывала без мужа двоих детей, тоже девочек.

Они были совершенно разными и по внешности, и по характеру. Толя невысокий, коренастый, спокойный шатен. Людмила – высокая, дородная, рыжеволосая, взрывная. Ей, конечно, доставалось с детьми, но она знала, на что шла. Мало того, сама решила родить ещё. На свет появился Данилка. Конечно же, они были рады сыну. Но трудности нарастали, как снежный ком. И не раз они оба обращались ко мне. И как-то удавалось хотя бы немного облегчить их положение. Толя писал очень хорошие стихи. Но сборник удалось выпустить совсем недавно писателю и редактору Валерию Кожушняну, Председателю литфонда Приднестровья. Книга Анатолия Красницкого называется "Речные перекаты". Вот одно из его стихотворений (без названия).

* * *

Горизонт косою русой
На плече горы покатой.
Золотой любуюсь Русью,
Золотой, да небогатой.

Эти волховские плёсы,
Как самой судьбы порожек.
Запах смоли, запах тёса
Мне любых духов дороже.

И пока пургою млечной
След небесный не оборван,
Мне приписывает Вечность
Родниковый слушать говор…

Толя любил Россию всем сердцем. Мечтал переехать, чтобы "родниковый слушать говор", но не сбылось. Он умер недавно, не дожив до своего семидесятилетия.

Я пишу о своих друзьях и считаю, что это естественно. Мы помогали друг другу, поддерживали в трудную минуту. Все они благородные, бескорыстные, неравнодушные люди. Обычно говорят: "Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты". Не скромно? Ну и пусть. Хорошим надо гордиться. Всё доброе невольно передаётся от человека к человеку.

Уже упоминала я чету Евладовых. Борис Владимирович – собкор "Правды", Людмила Поликарповна – "Советской культуры". Евладов, бесспорно, был одним из самых эрудированных, блистательных журналистов-"правдистов". За советом, разного рода консультациями к нему обращались даже работники ЦК Компартии Молдавии всех рангов, до самых высших. Но случилось ему внезапно заболеть – отнеслись небрежно, тянули с лечением, в результате – рак мозга. И в Москве уже не смогли ничего сделать, операции оказались бессмысленными. Это случилось как раз в пору перестроечной катавасии. Единственным положительным моментом в этой ситуации было то, что Люда успела поменять кишинёвскую квартиру на московскую, где жили их дочери. Но всего пять лет прожила она без любимого мужа и прекрасного отца своих детей. Ушла вслед за ним. Тяжело терять друзей, порой их так не хватает, что приходишь в отчаяние…

Хорошая, тёплая дружба связала нас совсем неожиданно с талантливой журналисткой Ириной Викторовной Скляр. Как ясное солнышко среди хмурого дня появилась она однажды в нашем зале, что служил и кабинетом, Союза журналистов. Красивая, жизнерадостная, интеллигентная, умная, сердечная, она словно внесла струю свежего воздуха подмосковных берёзовых рощ, и, казалось, стало легче дышать.

Она приехала в командировку собирать материал для издания "Журналист" о работе наших межрайонных твор-

ческих объединений, а это значит, что предстояла поездка по республике, в редакции районных и городских газет. И мы посвятили этому целую рабочую неделю.

Редакционные коллективы с искренней радостью встречали московскую гостью, а многие редакторы просто влюбились в неё – так поразила их не только внешняя, но и внутренняя красота этой женщины.

Не знаю почему, но она с доверием отнеслась ко мне, и мы говорили не только о работе, но и семейной жизни. Я и не сомневалась, что такой человек, как Ирина – мысленно называла её Иридой (это богиня радуги) – непременно должна быть счастлива и в семье. У неё – умный, любящий муж Феликс Исидорович, прекрасный сын Саша. Он – известный музыкант, лидер группы "Ва-Банк", композитор и телеведущий. Это очень талантливый и целеустремлённый молодой человек, который из-за любви к музыке оставил престижную службу дипломата, отработав ему положенное после успешного окончания Института международных отношений. Мудрые родителя не стали для него камнем преткновения на пути к любимому делу…

Ирина сделала для своего журнала добротный очерк, после которого к нам в Союз зачастили коллеги из многих республик – по обмену опытом. А мы с ней так и остались по сию пору добрыми подругами. И сердце моё, уже дряхленькое, начинает радостно биться, когда слышу в трубке её сочный, молодой голос. И это несмотря на горечь и трудности, которые посылает нам судьба как испытания.

Помню, наш ответственный секретарь правления Союза журналистов, спасая командировочные деньги, чтобы их не списали, отправил меня изучать опыт работы коллег из Узбекистана. Приняли меня там радушно, но оказалось, что опыта у них никакого нет. Пришлось им рассказать и написать всё о деятельности наших межрайонных творческих объединений, оставить им план работы, всевозможные отчёты о других

мероприятиях. Шеф Союза Харидин Назиров искренне радовался такому исходу дела. И на очередном Пленуме Союза журналистов в Москве, выступая с речью, во всеуслышание благодарил представителя молдавских журналистов – в лице меня – за оказанную помощь. Так было странно слышать похвалу. Мои коллеги из других республик и областных центров поздравляли меня словно именинницу. Признаюсь, тщеславия у меня – ноль. Зато наше начальство сидело "с ощущением радости и гордости". Правда, в душе моей теплилось приятное чувство, что я вернулась из командировки жива и почти здорова. Это была зима. И самолёт наш дважды совершал вынужденную посадку. В Туркмении – шасси никак не хотело вылезать из своих "гнёздышек", в Тбилиси – страшный буран, и сидели в аэропорту часов пять. Там было весело: вовсю работал огромный телевизор, зато нас буквально засыпал снег.

Над Кишинёвом самолёт так кружил и метался, что вещи с полок попадали. Вот тогда на меня напал смех, а мужики в костюмах и при галстуках злились и ругались. Они боялись и сидели зелёные, а я нет, потому что смеялась.

В память о поездке у меня остался прекрасный узбекский чайник с подносиком и одной пиалой. Остальные разбили коты…

Наш шеф Николай Николаевич Гладилин был человеком острого ума, житейской мудрости, с большим опытом журналистской практики. Но по сути это был коммунист "сталинской школы" – подозрительный, жёсткий, требовательный. Причём, больше спрашивал с тех, кто действительно работал не покладая рук. И ещё. Если бы не его тщеславие и безжалостность в бытовых вопросах, жизнь моя и моих детей могла бы кардинально измениться в лучшую сторону.

Он долго и мучительно болел, астма от курения буквально душила, затем обширный инфаркт, а потом и того хуже. Так что не меньше года я работала за него. Две мои коллеги Галины – Борисовна и Ефремовна были на десяток лет стар-

ше меня. Причём у Галины Борисовны, заведующей секциями, в прошлом опытного газетчика, мама долгие годы прикована к больничной койке. А Ефремовна выполняла всю техническую работу, а её было немало, так как Союз по количеству членов у нас солидный. Так что ни одна из них не могла ездить в еженедельные командировки, делать обзоры газет и привлекать других газетчиков ко всему этому. И мало того, в Кишинёвском университете открыли факультет журналистики, можно сказать, на голом месте. Деканом прислали из Москвы профессора Андрея Захаровича Окорокова. И представьте себе, он приехал создавать новый факультет Молдавского госуниверситета с "пустыми" руками. Пришёл ко мне в Союз: "Тамарочка, помоги. Составь программу учебного процесса факультета, все планы, какие для него потребуются. Пожалуйста, умоляю, а то не с чего начинать. Абитуриенты должны пройти творческий конкурс перед экзаменами. Работ будут сотни, а рецензировать некому. Возьми это дело в свои руки, найди рецензентов и сама проверь хоть десятка два работ..."

Я ужаснулась, взмолилась: "Андрей Захарович, да как же так можно! Ведь я даже не закончила факультет журналистики, только заочно пединститут, историко-филологический факультет, ведь нас с Вами засмеют! Да это же такой объём! Гладилин болен, меня кругом нарасхват ...Простите!" – "Не прибедняйся, Пономарёва, – заявил он. – В Центральном Комитете, в секторе печати сказали, что ты всё это сможешь, что по твоим обзорам некоторые защитили кандидатские диссертации... Правда, денег у нас на всё про всё – нет. Кто же нам захочет помочь, кроме тебя? Ты знаешь Эрнста Генри? Разведчик бывший, журналист-международник? Да ты его по Молдавии возила... Он от тебя в восторге. Это же великая знаменитость, и тебя так ценит..."

Не знала, что делать! Как сутки растянуть? Как с этим громадьём справиться? Но пришлось. И не знаю как, но всё

для университета сделала. Окороков Гладилину дифирамбы пел, каких он воспитал работников.

И что вы думаете? Когда Ник Нику (мы все его так любовно называли) предложили не мучиться и уйти на пенсию – ещё и как следует подлечиться, – он вознегодовал, потому что сектор печати ЦК решил назначить меня на его место. Не то слово – буквально взбеленился. Когда пришёл в свой кабинет собирать вещи, вызвал меня. С горечью и напором выкрикнул мне, лишь только я успела открыть дверь: "Неужели ты меня предашь?!" Мне стало по-человечески его жаль, хотя, откровенно, жалеть было не за что. И я, нелепая душа, ответила: "Не расстраивайтесь, успокойтесь, конечно, не предам". Почему его так задело? Да потому, что Союз журналистов Молдавии котировался в Москве как самый работоспособный, инициативный. И Гладилина ставили в пример как лучшего ответственного секретаря правления среди других республик. Вот он уйдёт. А работа останется прежней, а может и улучшится, потому что никто не станет нервы трепать... Вот что такое тщеславие. И тогда мне подумалось: "Эх вы, коммунисты-ленинцы. За гроши отдавать делу коллектива всю душу, значит, предательство?"

В секторе печати мне сказали: "Дурочка ты, Пономарёва. Ведь такая тебе была бы материальная подмога, ведь всё равно сама воз повезёшь". Но мне стало так противно... Тогда же я многое поняла, а самое главное – чем выше стоит иной коммунист на карьерной лестнице, тем он меркантильней, тщеславнее, неискреннее. Уверена на все сто процентов, что партия и весь "союз нерушимый" рухнул из-за таких вот деятелей, которые и не помышляли о судьбах народов России, за многие сотни лет корнями сросшиеся между собой, и эти корни насильно разрубили и растоптали, не думая о последствиях. Сколько кровушки пролилось из-за раздела территорий, сколько семей разнонациональных разрушено, а бездомных детей, сирот развелось столько... В рево-

люцию их вытаскивали из трущоб, отогревали, кормили, учили. А время было какое!

Да, немало недостатков наблюдалось во времена так и не развившегося социализма, а вернее, так по-настоящему и не построенного. Но и тогда подавляющей части населения – имею в виду послесталинскую эпоху – жить было легче, интереснее и спокойнее.

Честных, бескорыстных коммунистов, конечно же, больше, но их победили разного пошиба реформаторы-либералы, "прихватизаторы", ставшие олигархами за счёт народа, и целая армия присосавшихся к ним чистокровных бандитов. А всё потому, что рабство из наших душ, как справедливо подмечал великий писатель и человековед Чехов, никуда не исчезло. Оно у нас в крови и передавалось из поколения в поколение; а лень и равнодушие: "Только меня не тронь!" – разъедает общество как червь.

Вот куда я забралась со своими рассуждениями. А где ещё можно высказать подобные мысли, как не в своём дневнике или в своей книге? Самое важное – здесь нет ни одного слова неправды. Есть только недосказанность, иногда приглушенная, в анализе происходящих событий.

А жизнь продолжалась: с преодолением недомоганий, боли, бессилия. Но всё это принимала с благодарностью, и даже боялась – не сказка ли это, не чудный ли сон, после которого никогда не проснусь? Но все ощущения, пусть иногда неприятные, доказывали – живу!

Да, есть на свете истинные чудотворцы, которые могут дарить вторую жизнь. И эти люди зовутся коротко и просто – врачи. Я бы им только пожелала, чтобы из категории сферы обслуживания в нашей стране им определили более почётное место. Ведь они не обслуживают, а служат людям, их здоровью. А между этими двумя понятиями – значительная разница…

Жизнь врачей, особенно хирургов и работающих в больницах "скорой помощи" – это постоянный стресс, ответствен-

ность, потому что каждую минуту надо быть начеку. "Операция прошла успешно", – эта фраза ещё не означает, что жизнь ребёнку или взрослому гарантирована. Существует множество причин, которые не дают полной уверенности, спокойствия в наилучшем исходе операции. Надо ещё выходить больного, особенно в первые часы, сутки, а это ипостась других врачей и медицинских сестёр.

И правда, что видит изо дня в день врач-хирург? Страдания, кровь, слёзы. Ощущает постоянно чувство опасности. Зачастую слушает упрёки, которые, в конце концов, могут развить в нём комплекс вины. Что бы ни говорили досужие люди, настоящий доктор никогда не привыкнет спокойно относиться к страданиям пациентов, никогда не очерствеет и не станет равнодушным. Признаюсь, видя, как дети много работают, ведь их зачастую беспокоят даже дома, ругаю себя последними словами за то, что постоянно, с самого детства, настраивала дочь на эту благородную профессию. Семь лет учения – ни квартир, ни достойной зарплаты, ни уважения. Мало того, внуки подхватили эстафету от родителей, трое из них хирурги. Да, задним умом только телят пасти. Это я, конечно, о себе, нелепой.

Ещё о дружбе

Как-то записала в заветной тетради: "Я обросла друзьями, как водосточная труба сосульками". Мне всегда везло на дружбу с хорошими людьми. Встречаясь с ними, испытываешь прилив радости, чувство какого-то обновления, праздничности, особенно с теми, кто способен пожертвовать своим временем, прийти на помощь в любую минуту. Способна ли была я, несмотря на многие препятствия, трудности, приехать и облегчить участь кого-то из друзей? По-моему, да. Не раз слышала в свой адрес подобное этому: "А помнишь, Томочка, как ты меня просто осчастливила. Лежу я в многоместной палате, кашель одолевает, неприятные запахи, да ещё

так кушать хочу, прямо до слёз. И вдруг открывается дверь и входишь ты? Боже ты мой! Глазам не верю. И еды с запасом принесла, и напитки, и одежду. А главное, все улетели, помню, в Минск самолётом, а ты сутки тряслась в поезде, не спала..."– Это Нонна Епифанова, жена Олега Дмитриевича, инженера станции, пишущего хорошие стихи. Лежала тогда в Москве с тяжёлой астмой. Он, конечно, снабдил её всем необходимым, но я была просто счастлива, что смогла чуть-чуть улучшить настроение больной. И так – то и дело. И мне друзья помогали во многом. Особенно в Днестровске.

В газете я долго работала одна – за редактора, корреспондента, корректора и машинистку, само собой за одну зарплату. Вот тогда появилась у нас чета Удодовых – Лидия и Василий – с двумя детьми. Когда пишешь о друзьях, словно встречаешься с ними после долгой разлуки. Жизнь подарила мне немало часов и дней, когда я могла слышать голос, видеть, общаться с людьми, которых выбрало моё сердце – с моими бесценными, испытанными, надёжными друзьями. И была счастлива, когда они сами находили меня. Так случилось и с Лидией Ефимовной и Василием Ивановичем Удодовыми. Они приехали из Уральского городка с трогательным названием Осинники. Они и сами были подстать своему родному городу – скромные, приветливые, открытые. С Лидой мы общались, конечно, вне работы, с Василием Ивановичем – с утра до вечера.

Он намного облегчил мою работу в газете, так как оказался асом в своём деле. Фотоаппарат и кинокамера служили ему верой и правдой – просто попали в искусные, трепетные, творческие руки. Его приняли фоторепортёром на Молдавскую ГРЭС, и круг его забот был обширнейший. А до приезда в Днестровск вся его трудовая жизнь была связана с производством. С пятнадцати лет – на шахте, сначала слесарем, потом механиком. Неистощимое трудолюбие поражало его товарищей, а ещё острая наблюдательность и неравнодушие к человеку. Тогда он и подружился с фотокамерой,

чтобы раскрывать людям суровую красоту родного края, прославлять нелёгкий шахтёрский труд, истинное товарищество. На строительстве электростанции, в её цехах и на участках простор для творчества был необъятный. И результаты его стали появляться незамедлительно: выставки, стенды, первые документальные киноленты.

Особенно работа оживилась, когда он сам, своими руками обустроил в Доме культуры отличную фото-кино-лабораторию.

Мы обходили для сбора материала – репортажей, интервью, очерков по нескольку километров в день. Наверное, со стороны смотреть на нас было смешно – высокий красивый Удодов степенно шагает рядом с маленькой, озабоченной редакторшей.

С ним было интересно. Темы разговоров самые разнообразные – о человеке, его характере, нравственном облике, искусстве, журналистике, но никогда о дрязгах, мелочах, а их в жизни – изобилие.

Правда, его неторопливость порой раздражала меня, а на поверку оказывалось – совсем зря. Он всё успевал сделать раньше меня, хотя снимал не только на сегодня, а и на всякий случай.

Он восхищался людьми бескорыстными, изобретательными в своей профессии, тонко понимающими другого человека. Его обожали и взрослые, и дети – за врождённую интеллигентность, скромность, даже застенчивость, желание тут же откликнуться на какую-то просьбу. Ребятишки крутились возле него, учились наблюдать природу, фотографировать, выбирать интересные сюжеты. Газета "Энергетик" стала выглядеть ярче, привлекательней внешне, снимки с ёмкими, яркими текстовками. Василий Иванович сам писал их, естественно, вначале с моей помощью. Затем нередко в газете стали появляться фоторепортажи.

Одним словом, в том, что наша газета была самой лучшей из многотиражек – так признал Союз журналистов Мол-

давии – заслуга и Василия Удодова. Его, кстати, одного из "провинциальных" фотокорреспондентов приняли в этот Союз.

Василий… Мне раньше никогда не нравилось это имя. Но многие люди, носящие его, заставили полюбить его. Когда произносят его, в мыслях невольно возникает образ скромно-величавого спокойствия, доброты, ценителя духовной красоты в человеке, влюблённого в неброскую и в то же время прекрасную российскую природу… Василий в переводе с греческого – царь.

Бог тоже любит благородные души. Наверное, потому и призывает их к себе. Василий Иванович Удодов скончался в пятьдесят, внезапно, от инсульта по дороге на работу. Я уже тогда жила в Кишинёве, и только что вернулась после лечения. Проститься с ним не смогла…

Нет цены таким людям, и я гордилась своими друзьями. Даже молодёжь была в нашем Днестровске особенная. Никаких лодырей, пьяниц. Работа кипела на строительстве всё новых и новых энергоблоков, чтобы не только Молдавия, но и юг Украины, Болгария озарялась светом нашей электростанции. Какое там безделье!

Говоря газетным, но правильным литературным языком, ярким примером юноши – ищущего, творческого – явил себя Валерий Кожушнян. Сейчас он известный писатель Приднестровья. В те годы – рабочий, нештатный корреспондент. Широкая, талантливая натура. Доброе сердце и беспредельная чистота помыслов. Ещё и таланты разнообразные у него обнаружились – очень хорошо рисовал, писал стихи. После армии взяла его в газету, затем посоветовала и посодействовала заняться журналистикой. Заочно окончил МГУ.

Очень интересный человек, как и Василий Иванович, требовательный к себе. За разговором с ним не замечаешь, как летит время. И всегда остаётся после встречи с ним новый образ, свежая мысль, хотя он и бичует себя за отсутствие таковых.

Оказывается, в армии снимался в массовке у знаменитого режиссёра Сергея Бондарчука в фильме "Ватерлоо".

Если придётся посмотреть эту ленту, не пропустите молодого ратника с Российским штандартом в руках, который он спас, и искренними слезами на глазах. Валера – цельный, мужественный человек. Между прочим, подписывая свои книги мне на память, называет меня своим учителем. Не отрицаю, частично есть. Такими воспитанниками можно гордиться.

Да вот так он подписал мне свою первую книгу прозы "Тяжкая ноша":

"...Вот и случилось, Ваш ученик докатился до писательства. Поздравляю Вас с этим событием. Не я должен принимать первым поздравления, а Вы. В том, что ученик чего-то достиг, прежде всего виновен учитель. Счастья Вам и добра..."

Да, от плотника на стройке, путейца – до журналиста, редактора газеты, затем Председателя литфонда Союза писателей Приднестровья – таков его жизненный путь. Кстати, это Валерий Иванович принял меня в Союз писателей СССР за мои детские книжки и "Росинки поутру". Теперь он называется – Международное сообщество писательских союзов, руководит которым Сергей Владимирович Михалков. Валера ведь начинал с поэзии. Вот моё любимое стихотворение:

В. И. Удодову

Синий вечер, синий вечер...
Я прилягу на крыльце.
Скачет друг мой издалече
На кауром жеребце.

Он прискачет, он примчится.
Скажет: "Что, брат, тяжело?
Это что же здесь творится,
Что так за сердце взяло?

Что за боль, тоска-кручина
Так скрутила, извела?
Баба, что ль, тому причина
Иль не ладятся дела?"

Сдвинет брови очень строго,
Сядет рядом. Тишина.
Только там, за ближним логом,
Слышен храп его коня.
Помолчим и стиснем руки,
Без ответа ясно всё.
Эти сладостные муки
Я не чувствовал давно.
Да и что ему отвечу –
Страшно вглядываться в тьму?
Просто в этот синий вечер
Невозможно одному…
Ночь сменила синий вечер,
Стало пусто на крыльце,
Ускакал мой друг далече
На кауром жеребце.

Думаю. Знаю. Василий Иванович был самым близким другом Валерия, не испытывавшего в жизни ни отцовской ласки, не ощутившего пожатия тёплой, надёжной отцовской руки. Мы все любили его…

Я когда-то надеялась, что Днестровск останется для меня причалом до конца жизни. Но не сбылось. Благодарна всем друзьям, кто помогал мне, поддерживал в трудную минуту. А таких минут было немало. Будьте счастливы, дорогие мои: Вася и Валя Робульцы, Жора Желяпов, вдовушки Лида Удодова и Маша Морозова, Олег Епифанов и Никандр Елагин, Галя Галаган, подруга детства Аля Жаркова, семья Евгении Никаноровны Матреиной и все-все, с кем мне посчастливилось дружить.

Мир вашему дому!

В Кишинёве с общением было сложнее, так как в любом большом городе свои "кланы". Но хорошо, что там жила моя двоюродная сестра Елизавета Караулова с семьёй. Ра-

ботала она заведующей отделом капитального строительства Министерства финансов МССР. Это о ней я писала в начале, о том, как мой папа помогал ей учиться в Казанском вузе. У неё было два сына. Старший, Саша – инженер-строитель, жил в Киргизии. Анатолий – физик-ядерщик служил в Академии наук республики. Мы встретились совершенно случайно, но об этом долго рассказывать. И общение с её семьёй помогло мне быстрее адаптироваться в столице. Конечно, знала я и некоторых журналистов – из "Советской Молдавии", женского журнала и газеты "Юный ленинец".

Мы подружились с Елизаветой Хмельковской – одной из лучших публицистов республики. Её считали второй Татьяной Тэсс. Она заказывала мне зарисовки, очерки о городе энергетиков и помогала "доводить до ума". Всё-таки газета солидная. Мы дружим с ней по сию пору.

Много общалась я с Эллиной Эйдукайтис, редактором многотиражки "Виноградарство и виноделие". Сблизиться с ней вынудили обстоятельства весьма грустные, сложившиеся в её семье. Сейчас они с мужем живут в курортном городе Литвы, мы переписываемся. В каждом письме её – благодарность за то, что не оставила её когда-то в трудностях. Мне даже неудобно читать. Да так и должно быть – помогать, если хотя бы чем-то можешь, и не обязательно близкому человеку. Это тоже частица твоего счастья.

Первыми же после моего возвращения в жизнь пришли Михаил Хазин и поэтесса Алла Коркина. Михаил Григорьевич – отдельная глава из моего бытия в стране Творчества. Ведь мечта моя с самого отрочества – стать детским врачом и писателем. А она никак не сбывалась. Медицинского института в нашем городке не было. После окончания педучилища меня приняли без экзаменов в Марийский государственный педагогический институт имени Н.К. Крупской. Но учиться не смогла. Время послевоенное, тяжёлое, потому и помешала беспредельная материальная скудность. Голодные обмороки не способствовали такому счастью – учиться на

стационаре. Перешла на заочное отделение и уехала в самую глушь преподавать историю и Конституцию СССР в семилетней школе. Это принесло мне свою большую пользу – опыт в педагогике и в самостоятельной жизни.

Врачом не стала, но писать – несомненно. В Йошкар-Олинском издательстве вышли одна за другой тоненькие нарядные книжки: "Как сосульки плакали", "Марфина каша", "Пешеходное масло". Меня приняли в Союз журналистов СССР. Но я была вынуждена уехать из родной сторонушки. Уже писала об этом.

Михаил Григорьевич – талантливый писатель и публицист – будучи литературным консультантом Союза писателей Молдавии, охотно помогал авторам с "искоркой Божьей". В журнале "Кодры", где он поначалу работал, с его подачи в рубрике "Окно в детский мир" нередко появлялись мои короткие рассказы. Как человек Миша был прекрасным товарищем, добрым, отзывчивым. С ним можно было говорить часами обо всём на свете, особенно, конечно, о литературе. Только жаль, что свободных часов и даже минут у нас с ним было совершенно недостаточно. Сейчас он живёт в США, в городе Бостоне. Недавно прочитала в "Литературной газете" его блестящую статью, точнее, очерк в защиту А.Твардовского. Я перечитала его несколько раз. И было такое чувство, что повидалась, поговорила со старым другом. Мы не часто, но переписываемся, обмениваемся своими книгами. Очень увлекательной оказалась и новая книга его жены, Людмилы Кантор-Хазиной "Записки почти старой девы". Пусть бы длилось наше общение до скончания моего века...

Легендарный Эрнст Генри

Случай или провидение подарили мне неожиданную счастливую встречу с необыкновенным человеком. Это было время моей работы в Союзе журналистов. Однажды к концу дня раздался звонок из сектора печати ЦК:

– Пономарёва, привет! Сообщаю тебе новость…

Я перебила:

– К нам едет ревизор?

– Погоди, вечно ты со своими остротами.

– Внимательно Вас слушаю, Виктор Михайлович.

– Гладилина нет, теперь ты в ответе за нашего гостя. К нам едет легендарный человек, журналист-международник Эрнст Генри. Слыхала о таком?

– А как же! За ним Гитлер гонялся, хотел уничтожить при первой возможности, но возможности – пшик!

– Так вот, проживание – за нами. А ты будешь возить его по республике. Комплексы животноводческие, наши самые богатые сёла покажешь, с редакторами познакомишь, а уж они возьмут на себя показ достопримечательностей…

И тут я возмутилась:

– Неужели для легендарного человека, разведчика у вас не нашлось кандидатуры выше рангом, чем завотделом?

– Да ладно тебе, как будто впервые принимать делегации, а Генри уже пенсионер. Так что завтра утром, около десяти, за тобой придёт машина. поедете в Новоаненский район. С редактором договорились.

Вот и весь сказ. Думать, как я буду развлекать московского гостя, мне было некогда, потому решила, что утро вечера мудренее. Это почти что "авось": как-нибудь обойдётся.

А ровно в десять следующего дня к Дому печати подъехала серая "Волга". Из машины вышел среднего роста пожилой симпатичный мужчина, похожий на Вячеслава Тихонова, только с усами.

– Доброе утро, Тамара Геннадьевна, – протянул он мне руку, – Я Семён Николаевич Ростовский.

Рука мне понравилась – сухая, тёплая, рукопожатие лёгкое. Я даже пожать её постеснялась, отдала обратно.

– Вы чем-то удивлены? – рассмеялся он. – Эрнст Генри – это псевдоним. Садитесь в машину, я Вам всё расскажу.

И он открыл заднюю дверцу. И тут же спохватился: "Может быть, хотите впереди сидеть? А я бы предпочёл рядышком с Вами".

– Я тоже, – забираясь в машину, ответила с радостью.

Уже потом, после поездки, я не могла уснуть, насколько чудесным оказался Эрнст Генри – простым, смешливым, разговорчивым, интеллигентным. Давно уж умными замечено, чем значительнее, талантливее человек, тем он доступнее, демократичнее.

А смеялся он над моими репликами, неожиданно вырывавшимися из меня как из рога изобилия. Я сама не ожидала от себя такой раскованности. Просто вначале робела перед ним, а потом напряжение спало и мне стало легко и весело. Он как будто ненароком, между прочим, задавал мне вопросы о моей семье, как живётся и работается, а потом вдруг сказал:

– Да Вам надо в Москву переехать. Там больше будет возможностей для творчества…

– С такой-то семьёй? Дети в медицинском учатся, маленький ребёнок, ещё и сын-старшеклассник…

– Да, это сложнее, чем я думал.

Чтобы уйти от разговора о своей персоне, я попросила его: "Семён Николаевич, пожалуйста, расскажите, что только можно, о своей жизни. Как Вы стали вот таким – лучшим публицистом-международником? Вы же легендарный человек".

Он рассмеялся, хорошо так, от души: "Это потому, что такой старый и мотаюсь по городам и весям со своими проповедями – каким не должен быть журналист? Каким он должен быть – знают все. Но не все держат планку… А я стал таким, каков есть – это, Тамарочка, очень длинная история. Мне ведь было уже тринадцать лет, когда началась Октябрьская революция. А в пятнадцать я оказался в Берлине, в день, когда зверски убили Карла Либкнехта и Розу Люксембург. В Берлине жил мой отец. Здесь же я вступил в комсомол. А когда был создан Коммунистический интернационал молодёжи, то стал

его международным курьером, так как знал многие языки. Весной двадцатого с важным заданием был направлен в Москву. Очень трудно тогда было переходить границу с Литвой, затем с Белоруссией. А она была захвачена белополяками.

Вот тут-то, Тамара Геннадьевна, я попался. Отыгралась на мне польская шляхта. Несколько месяцев допросов и пыток. Но я всё равно ни в чём не признался. Счастье, что не успели расстрелять. Товарищи, мои соратники, сделали всё, чтобы спасти меня, и подготовили побег. Выполнил задание и обратно в Берлин. Только уж через Петроград. Пробрался в трюм немецкого парохода и добрался до Германии. Вот что такое международный курьер".

– Семен Николаевич, да ведь это так страшно. Можно в любую минуту погибнуть…

– Если честно, – почему-то и не думал об этом. Даже не рассуждал. Я ведь принял революцию всей душой. Так что побывал почти во всех странах Европы, познакомился со всеми тюрьмами, заодно изучал языки. Тоже большущая польза.

– А какая страна Вам больше всего пришлась по душе? Или трудно сказать?

– Нет, почему же? Самая добрая ко мне, да и вообще к Советской России была Болгария. Народ замечательный. Они свято помнят, что освободились от Османской Турции только благодаря русским.

Отлично помогали мне и французы, и англичане. Народ сам по себе в большинстве своём чуткий, ну уж жандармы, полицаи – совсем наоборот.

После каждой "командировки" писал статьи в разные издания и в разных странах. Кличка моя была "Леонид".

– Ой, кличка.

– Ну, псевдоним, – рассмеялся Генри, – какая разница. Первая публикация, аналитическая, серьёзная называлась так: "Средние слои, фашизм, национал-большевизм и партия". Она вышла в двадцать третьем году в Берлине, в журнале "Ди интернационале"…

– Что, уже тогда зарождался фашизм?

– Ну, а как же? Кстати, я ужасно бесил этих молодчиков, и они гонялись за мной. Поэтому мне постоянно приходилось переезжать из страны в страну.

– Фашисты, Гитлер… Страшные, наверное, такие.

– Да, мало приятного. Особенно, когда в тридцать четвёртом году вышла моя книга "Гитлер над Европой?", они были в бешенстве. Моё имя занесли в чёрный список гестапо. По этому списку, как мечтал Гитлер, после захвата Великобритании, я подлежал аресту и, конечно, казни. Но всё-таки первым в нём числился Черчилль.

– А почему они думали, что Вы англичанин?

– Да ведь имя моё было засекречено. А псевдоним мне придумала англичанка, когда работал в Лондоне, в газете. Очень забавно. Эрнст – это немецкое имя, Генри – английское – имя или фамилия. Вот фашисты и ломали голову, кто я – немец или англичанин? Решили, что всё-таки житель "туманного Альбиона". Они и не представляли, как это немец посмел бы написать такую книгу. Тем более что за ней вышла другая – "Гитлер против СССР"…

Да, дорога до Новых Анен показалась мне на этот раз кратчайшей. Разговор, естественно, пришлось прервать. Нас встретил редактор газеты "Ленинский путь" Алексей Александрович Кукульский – умный, сдержанный, несколько суховатый человек. Недаром в период перестройки, а вернее, уже в "Ельцинскую" пору его пригласил в Казахстан в качестве советника Президента Нурсултан Назарбаев. А пока мы и не представляли, что с нами стрясётся через два десятилетия.

Мы мотались по району, по животноводческим комплексам, птицефабрикам и очень устали, проголодались. А когда вернулись, в ресторане нас ждал обед с вином и мамалыгой. Были все и сотрудники редакции, которые с жадностью ловили каждое слово московского гостя. А потом посмотрели помещение редакции, типографии и собрались в кабинете редактора.

Журналистов районки интересовал вопрос, кого же можно считать публицистом.

– Я вам лучше расскажу, кого нельзя считать настоящим публицистом. Пожалуйста, послушайте.

• Если он трус, он не публицист.

• Если у него нет внутреннего огня, если он сам скучает над своими писаниями, он не публицист.

• Если он пока только ремесленник, хотя бы и знающий ремесленник, он ещё не публицист…

• Если он не говорит правды, он не публицист…

• Если он плохо знает реальную действительность, а больше придумывает, он не публицист…

• Если он не болеет болью народа, не горит за него, он не знает, что такое публицистика…

• Если он не прислушивается к читателям, не знает, чего они ждут, на какие вопросы хотят ответа, ему не нужно быть публицистом.

• Если он не умеет любить, он не публицист…

Газетчики судорожно записывали каждое его слово. Но он сказал им, что в издании "Журналист" вышла его статья, где все положения его лекции есть. Просто порекомендовал купить очередной номер и всё.

Встреча прошла тепло, радостно. Каждое слово Генри – понятно, глубоко, мудро. Его долго не отпускали, пока я не взмолилась: "Вы что, уморить нас хотите?" Шутка подействовала. Вернулись в Кишинёв мы ночью. Водитель отвёз нашего гостя в гостиницу "Кодры". Распрощались. И меня, наконец, доставили домой.

Далеко заполночь, раздался звонок.

– Пономарёва, ты жива? – Это Фёдор Цопа.

– Жива я, жива. А вы все очень много потеряли. Ехать самим надо было. Уверена, с таким человеком вам встречаться ещё не приходилось никогда в жизни.

– Правда что ли? Ладно, завтра постараемся с ним пообщаться.

– Ну и спокойной ночи.

В секторе печати – ажиотаж. Все были в восторге от Эрнста Генри после знакомства с ним. А в заключение состоялась пресс-конференция и наш гость распрощался с Молдавией.

Конечно, я проводила его в аэропорт. Он подарил мне, единственной, свою книгу "Новые заметки по истории современности" с надписью: "Милой, чистой душой Тамаре Геннадиевне на добрую память. Э. Г." Храню её по сей день.

Знакомство наше продолжилось в переписке короткими письмами-открытками. В каждом – интерес к моей жизни, забота. О себе – предельно коротко. Говорили по телефону о литературе, общих знакомых. Однажды пожаловался на здоровье. А потом и ожидаемо, и неожиданно поступило предложение переехать в Москву. Пришлось отказаться – стыдно пользоваться добротой, искренностью. Да и другая причина. Мой бывший категорически отказал в разводе.

Однажды вечером что-то так сердце заболело. Позвонила. Ответила врач "скорой помощи": "Под капельницей".

А через час позвонил сам. Голос слабый. Был сердечный приступ. Сейчас легче, потому звонит.

А потом подошёл его юбилей. Как раз в дни очередного Пленума Союза журналистов СССР. Он позвонил и пригласил меня в Центральный Дом литератора. Я тогда ещё не была членом Союза писателей и пропуска у меня не было. Генри сказал: "Пропуск я для тебя выписал. Буду ждать у входа. Постарайся не опаздывать, потому что я докладчик".

На пленум за мной увязалась наша бухгалтер – красавица, но с характером аспида плюс завистница. Когда узнала, что ухожу в ЦДЛ, взяла и закрыла меня в гостиничной комнате на ключ. Специально. И ушла с кем-то в кино. Я металась по комнате, как Доронина на Плющихе, стучала-барабанила. Но был вечер, и все после заседания умотали кто куда. Была в отчаянии – испортила Человеку юбилей, просто унизила его. И не думала, что когда-нибудь услышу его

голос.Позвонил уже в Кишинёв, угнетённый таким обманом. Вяло извинялась, хотя сказала моему старенькому другу, что я прощения не заслуживаю.

В последний год он много болел. И вскоре получила письмо от некой Татьяны Акимовны, что Эрнст Генри осчастливил её и сыночка – всё сделал по закону, и даже усыновил Мишу.

Скончался тихо. Перед этим просил послать свою последнюю книгу "Der Antimensch" – "Античеловек" – на немецком языке. Вот она и послала. Значит, помнил обо мне – и никакой обиды. Не только легендарный, но и светлый, благородный человек…

Как-то открыла томик Николая Гумилёва и в глаза бросилась фраза: "Мне интересны все люди…" Запомнилась, потому что совпадает с моим мнением. Ведь каждый человек – это непрочитанная книга и, конечно, вызывает любопытство, а точнее – интерес. И уже только в дальнейшем, познакомившись с ним поближе, делаешь вывод – продолжить ли с ним тесное общение или ограничиться простым знакомством. Не из-за выгоды, упаси Бог, а из единых стремлений, значимости, общих воззрений. Константин Паустовский советовал своим ученикам: "Ищите людей, разговор с которыми стоил бы хорошей книги, и книг, чтение которых стоило бы разговора с философом". Наверное, и правда, человеку пишущему нужна, пусть не особая, а подходящая среда, окружение коллег, "собратьев по перу", от кого набираешься ума, вдохновения. Ведь человек загорается от человека...

Вот и платформа "Комарово"

С ленинградской писательницей Верой Сергеевной Чубаковой мы познакомились чисто случайно. А узнав друг друга ближе, подружились так, словно были знакомы с детства. Помню в журнале "Нева" прочла её повесть "Уходя, оглянись" – о большой любви, сомнениях и страданиях героев, так как они не могли связать свою жизнь. Почему? Да

потому, что есть не только любовь, но и нравственная ответственность перед близкими людьми. Я тогда работала завучем детского комбината, где коллектив – одни женщины. И все они прочли эту повесть Веры Чубаковой. И свои отзывы мы отправили в редакцию журнала.

Вера ответила незамедлительно, и у нас завязалась переписка, которая длилась три десятилетия. Времени же встретиться из-за моей занятости не было. И только перед отъездом на лечение я согласилась по путёвке приехать в Дом творчества писателей в Комарово. И не на "недельку", а почти на месяц.

Эта поездка и общение с ней были лучшими в моей унылой, несмотря на суматошную занятость, "личной жизни". Верочка – талантливая, симпатичная женщина, её муж Павел Михайлович – добрейший интеллигентный человек, обрадовались мне как родной.

Своих детей у них не было, и они усыновили мальчика. Взяли его девятимесячного из Дома ребёнка. Он вырос и одарил их внуками, которых они обожали. И старый писательский особняк, и персонал Дома творчества, и природа – всё для меня показалось божественным. Верочка перезнакомила меня со многими писателями, и они относились ко мне очень внимательно. Может, потому, что мой вид – маленькая, худенькая – вызывал, ну не знаю что, но не жалость, скорей всего понимание обстоятельств.

Вера Панич – пожилая, солидная и строгая на вид, каждый день напоминала мне, чтобы я лучше ела и поправлялась: "А то мне, такой неуклюжей, стыдно рядом с Вами прогуливаться".

Александр Антонович Морозов, ему было уже восемьдесят, забавлял анекдотами. Вот его любимый: "Один мальчик сидел на берегу Темзы и ловил рыбу. Подходит бобби (полицейский) и грозно спрашивает:

– Вы знаете, что здесь нельзя ловить?

– А я и не ловлю.

– Да у вас же удочки!

– Я просто купаю своих червячков".

Многие подарили мне свои книги. Елена Вечтомова – сборник стихов "Звездопад", а также книгу недавно ушедшего из жизни мужа – Юрия Инге. Виктор Голявкин отдыхал вместе с женой Людмилой Бубновой. Она трогательно ухаживала за ним – Виктор Владимирович был после инсульта. И всё равно – с трудом, но сам подписал свою книгу "Три повести": *"Дорогой Тамаре Геннадьевне и её внукам от признательного автора..."*

Несколькими произведениями одарил меня Андрей Львович Островский. Я сначала его слегка побаивалась, на вид такой суровый, а потом даже влюбилась в него немножко. Они с Верочкой были друзья, и она его страшно нахваливала.

Очень симпатичен всем был Олег Базунов. Он даже сопровождал нас с Еленой Вечтомовой в кино – в Дом актёра. Но как я была поражена, узнав, что Базунов – родной брат Виктора Конецкого. Олег Викторович – бывший геолог. Получил страшную травму, два года был прикован к постели. Вот тогда и начал писать. Как он признался, работа над книгами помогала ему преодолевать и боль, и отчаяние, и даже – встать на ноги. – "Милой, доброй Т. Г. на добрую память о Ленинграде, о Комарове, обо мне. С глубоким уважением..." – надписал он свою повесть "Тополь", а потом подарил и вторую книгу "Мореход". Как рассказали мне новые друзья, братья не общались друг с другом. Слишком резко они отличались друг от друга – мягкий, вежливый Базунов и высокомерный Конецкий. Говорю не голословно, порой становилось за него стыдно...

Словом, Вера, моя новая подруга, осчастливила меня таким отдыхом. Мне даже стало легче, и немного поправилась, чему радовались многие обитатели гостеприимного Дома.

Вот несколько записей из Заветной тетради:

– "Верочке. В жизни мне такое выпадает редко: падает надломленная ветром ветка. Плещется залив о камни веко-

вые, хороводы сосен, словно как живые, движутся, волнуются, шумя… Как же не хватает мне тебя".

– "В Комарове такие берёзы, что перед каждой хочется встать на колени"…

– "Нина Альтовская – большая женщина с карими глазами и такими же веснушками. И стихи очаровательные".

– "Как хорошо, как легко мне будет дышаться теперь, после Ленинградской осени, после встречи с багряными клёнами, тихими соснами, ярко-алой рябиной. И грустно – будет всегда тянуть сюда.

А Верочка? Это вознаграждение за все годы моего одиночества… И весь мир светит для меня по-иному".

И уже дома. – "Кончилась поэзия в моей жизни. Началась документальная проза…"

И ужасно грустно даже писать, что в девяностые годы ушли один за другим мои добрые ленинградцы: Елена Вечтомова и Александр Морозов, Олег Базунов и Анатолий Аквилёв, покончила с собой Нина Альтовская.

Верочка скончалась от инфаркта в апреле девяносто второго, после того, как похоронила мужа и внука Павлика. Остались одни воспоминания и последняя подписанная мне книга "Чужой беды не бывает": "Дорогому моему другу – Тамаре Пономарёвой. Я тебя очень, очень люблю, родная моя!"…

Эти слова, если и не были услышаны, но они прочитаны. Последние слова моей подруги Веры Сергеевны Чубаковой…

Старая "песня"

Вот и всё о моих друзьях. Но ещё недосказала, как я вышла на работу после болезни. Хотя писать об этом совсем не хочется. Коллектив частично поменялся. Кто уже получил квартиры, улетучились по своим старым "рабочим" местам. Это были в основном преподаватели вузов – национальные кадры. Даже не представляла, как смогу справиться с теми "кипами бумаг", журнальными статьями, особенно с перепечаткой.

Была уверена, что никто и не подумает о моём здоровье и будут снова нагружать чужой работой. Так оно и получилось. Ещё и реплики слышала: "Ой, Пономарика, ты уже не метеор, не бегаешь как раньше". На что иногда и "огрызалась": "Я и правда не метеор и больше не собираюсь бегать по библиотекам. Не обязана. Пошлите секретаря или сами сходите..." – Подобных слов они от меня не ожидали. Но слова словами, а работать приходилось до ночи и домой брать. Отказывалась только перепечатывать большие статьи, так и сказала: "Мне запрещено общаться с металлом – током бьёт". Помогала только Валерию Дмитриевичу Косареву – талантливому журналисту, который начинал свой трудовой путь с корректора в типографии. А стал заведующим отделом редакции. Он и навещал меня во время болезни, доставал для меня чёрную икру с помощью своей жены Оксаны. Случались в редакции и потрясения.

У Нины Васильевны – машинистки – погиб сын, её любимчик, молодой мужчина двухметрового роста, красивый, весёлый. По образованию юрист, но работать пришлось в охране, в лагере для заключённых. Убили два парня, вышедшие недавно из тюрьмы. Осталось двое деток. Но Нина не любила ни невестку, ни внуков. Так и пришлось ей уехать на Украину с младшим не очень любимым сыном. Это, конечно, ужасная трагедия.

Заболела моя двоюродная сестра Лиза, Елизавета Михайловна Караулова. Рак крови. Врачи старались ей помочь, применяли новые методы – полную очистку крови, но ничего не помогло. Скончалась как только вышла на пенсию. На сороковой день, когда вся семья собралась вместе, из больницы позвонили, что скончался и её муж, не выдержавший разлуки с любимой женой. Они и правда жили замечательно, им завидовали и на работе, и соседи. Мне горько было сознавать, что вот я – выжила, а Лизочки моей не стало.

Перед самой пенсией наш коллектив удивили – прибавкой зарплаты. Я очень обрадовалась, теперь у меня будет не

сто восемьдесят, а двести рублей. И пенсия будет побольше. На общем собрании главный редактор ноющим голосом вдруг обратился ко мне – не соглашусь ли я уступить полагающуюся прибавку молодому коллеге, который, кстати, сидел со мной в кабинете, писал много и неважно и приходилось изрядно возиться с его статьями. И вот он, бедный, маловато получает. Кстати, его жена – преподаватель института и вместе у них выходило в два раза больше, чем у меня. Скажете, неприлично писать об этом?

А если подумать… Унизили до крайности. Что делать – я согласилась. И ни один коммунист не произнёс ни слова. Работать в журнале стало противно. А надо бы ещё потянуть – ведь два студента и ребёнок. Но я тут же ушла…

"А за окном такая красота – ведь это Родина моя"

А вскоре мы, слава Богу, переехали в Россию. Мне очень хотелось на родину, но дети осели во Владимирской. Пришлось смириться.

Жили мы с мамой в двухкомнатной квартире в городе Камешково. Всем известно, какие это были времена – девяностые годы. Пенсии небольшие, но их ещё никогда не давали вовремя, задерживали по два и даже три месяца. Измотали мы все нервы. Мама стала старенькая. Я жалела её, старалась подкармливать получше, и она дожила до восьмидесяти восьми лет. И ещё бы жила, если бы не упала. С переломом шейки бедра пролежала в хирургии всего двадцать три дня. Скончалась тихо в день рождения доченьки моей – седьмого октября. Жалко её было всем нам. Детям и внукам сослужила она добрую службу, но …видно, так Богу угодно, что ушла в такой праздник.

Я сотрудничала в камешковской газете "Знамя" – писала миниатюры, короткие рассказы для детей и взрослых. Но обстановка не способствовала творчеству. Больше месяца не сделала ни строчки. И решилась всё-таки. Села за машинку, где

ждал меня пожелтевший листок – собиралась что-то напечатать, да не вышло, и, заправив новый, нажала на клавиши.

И вдруг звонок в дверь. Телеграмма из Козьмодемьянска, где жил мой бывший муж не с любовницей, не с женой, а с матерью родной. Парализовало его, бедного, кому инвалид нужен молодым да красивым. А мамочка родная любому сынку рада. Ухаживала за ним, лечила. Несмотря на свои за восемьдесят, была она всё такая же статная, бодрая, в меру здоровая. С большим огородом справлялась, коз держала. Жили с сыном не бедствовали.

Дочка иногда писала им письма, но они редко отвечали. В дни их рождения и к Новому году мы всегда посылали им посылочки. Да, телеграмма. А в ней написано: "Мать больна. Приезжайте". Подписи, по-моему, никакой не было.

Что и говорить – озадачили нас родственники моей бывшей свекрови. Как же так – в городе, поблизости, живут две родные сестры, моложе её, бесчисленные племянники и племянницы, а взывают к нам – через двадцать с лишним лет. Еле дождалась, когда ребята с работы придут.

– Ну что, муля, делать? Нам нельзя уехать ни на один день. Больные же не должны страдать?

– Это ясно. Да и так едва концы с концами сводим… Пенсию уж третий месяц не дают. Приходится занимать…

– Мулечка, может, поедешь?

– Может быть, ненадолго…

Да, на свою голову таких жалостливых вырастила. Иногда хотелось их упрекнуть в чрезмерной жалости к людям, животным и тут же слышала в ответ: "Мы не виноваты. Сама такая!" – вот и весь сказ. "На что же ехать?" – встал вопрос. Нацарапала объявление о продаже столов – из комнаты и кухни. Живо прибежали камешковцы – продала дёшево. Но хватило на дорогу, гостинцы и коту на прокорм – у соседки оставила. Галя Варганова – добрейший человек. Повезло с соседями.

Как назло, осень последнего года тысячелетия оказалась студёной – зима и всё тут. В общем, отправилась. И, как назло, электричку одну пропустили, осталась на двадцать три – до Владимира. Промерзла на платформе до костей, да ехала час в холодной электричке. Всё потом отозвалось и до сих пор отзывается. Зоя Александровна просто умоляла меня не студиться. Но время и обстоятельства распоряжаются по-своему.

Во втором часу ночи во Владимире еле втиснулась в единственный транзитный автобус "Москва-Козьмодемьянск" – одиннадцать часов хода. В обед была на месте. Не спавши и не евши, едва доплелась до квартиры.

Еле достучалась – никто не открывает и всё. Больше часа мёрзла в коридоре, пока не приехала сестра свекрови – Вера Ивановна, в машине "скорой помощи".

Оказывается, мать положили в больницу только на три дня, а при моём появлении тут же привезли домой. Вера Ивановна обрадовалась, разохалась, и только её сестричку привезли в комнату и положили на диван, сразу заторопилась: Сашу надо обедом кормить… Я поняла, почему она так спешила и всё нос прикрывала: в квартире было трудно дышать – сплошной аммиак. А эти два больных человека уже и не чувствовали никаких запахов.

Мать всплакнула, и сынок её тоже. – "Спасибо, Тамара, что не бросила нас". – И тут же не удержалась: "Я же вам тоже немало добра сделала"… Да уж – "немало"...

Оказывается, свекровь моя, так же, как и мама, упала и сломала шейку бедра. Операцию в таком возрасте не делают (всё-таки, восемьдесят пять лет исполнилось), в больнице не держат. А как случилось? В квартире внезапно отключилось отопление и стало холодно.

Анна Ивановна разгорячилась и выбежала из дома, чтобы поругаться с рабочими. Да тут же и грохнулась от всей души. Забыла, видно, Божью заповедь – не гневаться. Эти же трое слесарей, услышав душераздирающие крики – ведь

боль при переломе адская – поспешили ей на помощь, внесли в квартиру на одеяле. А теперь мне предстояло, я даже не знала как, помогать лежачим больным. Ну, бывший мой супруг мелкими шажками ещё как-то передвигался до кухни, до туалета, к сожалению, не успевал.

Я только одну ночь проплакала. Мне их было ужасно жаль. Никакие дурные мысли, злорадство даже не приходили в голову. – "Ну за что ты, Боженька, послал им это тяжкое испытание, – думалось мне. – Ведь они оба труженики и пережили немало во время войны, да и после. И лёгкой жизни у них, как и у всех нас, почти не было. Зачем же эти страдания".

Мне вспомнились строки из моей Заветной тетради. Я их просто так написала, когда Николай меня чувствительно унизил, сравнив чуть ли не со страшилищем, назвав ничтожеством. И самое главное, изрёк, что я без него пропаду и буду валяться под забором. Зачем я об этом сейчас пишу? Должны сами догадаться, дорогие мои читатели, чтобы не выливать на близких ушаты мерзких слов. Они могут обрушиться когда-нибудь и на вас. Так вот что я записала в своём дневнике: "Злое торжество проскользнуло на её лице. Вот он перед ней, не сводит с неё виноватых глаз. Больной, дряхлый, никому не нужный старик.

А тогда, много лет назад, с каким презрением он смотрел на неё. Тощая малявка, что ты в сравнении с моими подругами – высокими, яркими, пышнотелыми и нарядными…"

И вот пришёл этот час, когда я могла смотреть на него с презрением. Ведь бросить семью – ну, это ладно. Но не помогать детям – никогда! – в такое трудное время учёбы, болезней… Но, повторяю, мой нелепый характер позволил мне только пожалеть его. Седой, заросший, страшный, глаз один закрылся… Вспомнила "Джейн Эйр", как изменился её любимый после трагедии. Да, жалость. И я уже не ругала себя за то, что приехала, хотя здоровье никудышное...

Трудности состояли в том, чтобы поддерживать чистоту, бороться с этим запахом, значит, стирать и стирать.

Так и делала – по семнадцать и двадцать раз в день – без конца протирала пол с ненавистной мне хлоркой, и главное, – по нескольку раз в день и ночью переворачивала больную и смазывала всё тело синькой и кремами. За три дня, что она пластом лежала в больнице, появились глубокие пролежни, и бороться с ними было очень трудно. Сил у меня мало, потому просто надрывалась. Сынок её ничем ей помочь не мог, с ним хлопот было, пожалуй, ещё больше. Вес его превышал сто килограммов.

Отчего у меня сейчас бессонница? Так привыкла – работа, писанина, дела – всё ночью. И здесь мне удавалось только вздремнуть на полчаса, без конца только и слышалось: "Тамара – мать! Тамарка!" – это он. Я от всей души возненавидела своё имя. И не привыкла к нему, с детства звали – Тамуся, Тома. Да и не подходило оно мне: Тамара – это брюнетка, красавица, царица. Тома – ещё сойдёт...

Трудно было и кормить их. Мать, угасая, ела мало, но просила чего-нибудь вкусненького – пирожного, фруктов, пивка. А для него не успевала стряпать пирожки и вареники с капустой. С деньгами же никак не хотел расставаться. Каждый день мать уговаривала его дать "денежку" на хлебушко или молоко, творог или рыбу.

Иногда вдруг объявлялись родственники – целые набеги. Начинали выспрашивать: "Как она к вам относится? Сыты ли вы? Ну то, что убирает, видно. Не грубит ли? А то мы, смотри, примем меры". – "Да отстаньте вы, – прямо говорила им мать с горечью в голосе. – Она уж и так чуть жива с нами. Хоть бы уснуть насовсем, чтобы освободить её... Вот где Женька? Племянничек мой родной. Дом ему отдала вместе со всем содержимым, а хоть раз пришёл? Так что помалкивайте... Ну вас..."

И они быстренько сматывали удочки.

Иногда я приходила в отчаяние. Уж и не думала, что детей увижу. Гости однажды грипп притащили. Что интересно – моим подопечным – ничего. А у меня температура до сорока под-

скакивала. И сознание теряла – разок на улице, в сугробике полежала не знаю сколько. И что интересно – вот жизнь! – поднял меня и довёл до квартиры Колькин бывший друг Костя, который, оказывается, был в меня влюблён. Но ему и в голову не пришло, что это я, просто думал, что какая-то знакомая Пономарёвых.

Конечно, Николай не раз пытался просить у меня прощения. Говорил он совсем не понятно, но когда ему что-то не нравилось, очень чётко произносил любимые русские словечки. Но я не обращала внимания ни на те, ни на эти. Только когда повторял с отчаянием: "Не бросай меня, не бросай меня", – отвечала ему: "Да куда я от вас денусь…"

Больных регулярно навещала патронажная сестра. Но она не оказывала никакой помощи – видела, что я делаю всё, что необходимо. Галина Николаевна – так звали медсестру – каждый раз отмечала, что состояние больной ухудшается, так как у неподвижно лежащих постепенно нарушается обмен веществ, так что срок жизни недолог – два-три месяца.

Несмотря на каждодневную суету, время тянулось очень медленно. Видимо, оно увеличивалось за счёт бессонных ночей. Но вот подошёл Новый год – особенный год – начало нового века.

Наверное, народ всей Планеты встречал его не только со скрытой тревогой, но и с радостью – такое событие! Я ничего об этом не слышала – радио не было, и не видела – телевизор Он включать не разрешал, да и работал плохо, – так сказала свекровь.

Вот и наступило 31 декабря 1999 года. Я молча постояла у иконы Божией Матери и мысленно пожелала всем моим любимым деткам и нашим близким здоровья, здоровья и здоровья. И чтобы никакие беды их не коснулись. Тогда мне в голову пришла мысль: "Счастье – это ломать хлеб своими руками. Ходить по земле своими ногами". От души поплакала, и мне стало легче. Но в нашей российской действитель-

ности казусов не избежать, даже в праздники. К полуночи у нас отключились батареи и погас свет. Мать, которая спала весь день, вдруг проснулась и попросила: "Хочу пива и фрукту". И долго это повторяла, наблюдая за мной, как я одеваюсь. Пришлось ещё денежки выпрашивать у её сыночка, а он что-то бормотал и мотал кудлатой головой.

Мне противно было смотреть на всё это. Взяла две новые книги, которые привезла с собой из дома на всякий "пожарный". Я люблю дарить, пусть скромные, подарочки своим знакомым, друзьям. Добавила свою книжицу "Росинки поутру" и постучалась к соседям. Владимир и Марина – приветливые, участливые люди. Поздравила, подарила им книги, объяснила ситуацию.

– Зачем Вы ночью куда-то пойдёте? Кругом палить будут, ещё не хватало опасности подвергаться. Мы вот Вам тоже подарочек приготовили, только съедобный. Марина сейчас продуктами занялась, так сказать, семейный бизнес открыла.

И они мне вручили палочку колбасы, две бутылки пива, два апельсина и жареного леща.

– Ничего себе! – удивилась и обрадовалась я. – Год, значит, будет щедрый для нас.

И поспешила к своим "питомцам", которые выглядывали из-под вороха одеял, так как тепло ещё не дали.

Николай был уже сыт: нажарила пирожков с картошкой, капустой, морковью – целых два тазика. И благодать, что эти продукты имелись в доме, на них деньги были не нужны.

Мать от всего отказалась. Я ей сварила неженку из молока и яиц, сделала апельсиновый сок. И так была счастлива, что угодила ей, покормила от всей души.

Пока я её кормила, сынок её выполз из-под одеял и уковылял на кухню – услышала какой-то грохот. Оказалось, он ухитрился открыть бутылку пива и наслаждался им, стоя посреди кухни. Вторую бутылку успела спасти – матери тоже хотелось пивка. Я ей объяснила, что Новый год пришёл.

Она утомилась, пока ужинала, но всё-таки держалась, не спала, а затеяла со мной разговор.

– Тамара, как хочу, чтобы Коленька сейчас умер, вместе со мной. Вы ведь его бросите…

– Из чего, мама, ты сделала такой вывод?

– Да просто так. Не бросайте его, пожалуйста.

– Разве мы вас когда-нибудь бросали? И чем могли – не помогали вам? Да вы и не нуждались… Не бросим, не волнуйся. Дети мои порядочные люди. Вы об этом прекрасно знаете…

Она успокоилась и уснула. А у меня комок застрял в горле. Всю жизнь они думали и заботились только о себе, а единственные дети и внуки никак не вписывались в их разум и сердце…

Слава Богу, квартира обогрелась, и я могла включить стиральную машину – появилось электричество. Руками стирать было уже невозможно. У меня ведь ещё в детстве развился ревматизм, и рученьки болели в последнее время невыносимо. Да и сейчас – все книжки свои писала с трудом...

Остальные двадцать дней свекровушка моя всё больше спала, даже когда обрабатывала её спину. С каждым днём мне это давалось всё труднее и труднее. Поначалу втайне надеялась, что когда-нибудь придут специально помочь её сёстры или любимые племянницы. Но потом оставила эти надежды. Приходили на минутку. В последнее время мать уже с ними не хотела разговаривать. Закрывала глаза и отворачивалась.

– Чего это она? – удивлялись гости.

– Наверное, ей уже не до вас.

А потом пошли дни постоянной дремоты. Но даже сквозь сон чувствовала дискомфорт, и я тут же "меняла обстановку". Не хочу больше описывать каждый прожитый день – они все были почти одинаковы. Разница только в том, сколько раз стирала или мыла пол. 23 января Анна Ивановна вдруг начала кашлять. Я испугалась – простудилась что ли? Но ей всегда было жарко, и она даже сердилась, если начинала её укрывать. Измерила температуру: меньше тридцати шести

градусов. Но решила дать таблетку от кашля. Растворила её в воде. Но она так и не смогла проглотить раствор. Лежащий напротив её сынок начал кричать: "Чего ты её мучишь? Дай спокойно умереть!"

Я тогда села рядом и взяла её за руки.

Они сначала были, как всегда, горячие, но почувствовала – стали остывать. Я не испугалась, но на меня напала такая смертная тоска, что начала рыдать, тормошить её: "Мама, мама, открой глаза. Скажи, чем тебе помочь?" Просто бормотала не пойми что. Чем помочь? Человек уходил из мира навсегда, в который пришёл восемьдесят пять лет назад. Отрадно только то, что Анна Ивановна всю жизнь прожила на своей родине, в небольшом старинном городке, который очень любила, и лежать будет в родной земле – на старом кладбище, где спят вечным сном её родители, её муж и любимый сынок Вадик…

Это случилось почти в двенадцать часов ночи. От соседей я позвонила в "скорую помощь". Приехали быстро, зафиксировали факт ухода человека из жизни. Выписали справку и уехали.

В ванной искупать её не могла. Силёнок совсем не было. Прямо на диване вымыла душистым шампунем её пышные волосы, с огромным трудом обмыла тело. Руки её то и дело хлестали меня, потому что я мыла её от души и говорила с ней как с живой. И просила прощения сама не знаю за что. Но одеть её и положить в гроб, который она припасла двадцать лет назад, сделанный отменным мастером Григорием Ивановичем, одна не смогла. И пришлось побеспокоить её старых соседей Леонтьевых, детей подруги, тоже Анны, опередившей её всего на один год. Валя с мужем Володей не обиделись на мою просьбу, хотя было уже два часа утра. Жили они неподалёку. Пока Валя вместе с Николаем плакали – они ведь вместе росли, – мы с Володей обрядили так и оставшуюся красавицей Аннушку и положили в новый нарядный "домик". Когда Виноградовы ушли, я прилегла на край кро-

вати, совсем рядом с навсегда уснувшей свекровью, и провалилась в сон. Рано утром, около семи, Валя позвонила Вере Ивановне о случившемся. Ответил муж и сказал, что она спит и беспокоить её он не будет. Проводили её по всем правилам, по-христиански. Вот такие дела... Помянули хорошо, достойно и народу было множество.

Несмотря на горе – искренне говорю – и усталость, я вдруг начала смеяться "сотрясательным" смехом, когда услышала, как мой бывший благоверный бормотал несусветно громко и непонятно, кроме метких, как снайперы, слов, переворачивал сковородки и разную утварь в поисках кусочка пирога, или холодца, или жареного мяса: стол был богатый...

А на второй день, вымыв и вычистив квартиру, я налегке направилась к Волге-матушке, лежащей в белом одеянии, как сказочная царевна-Лебедь. Стояла на крутом берегу и не могла надышаться звенящим от ветра, лёгким, хрустально чистым воздухом...

Вскоре приехали мои дочь и зять. Наняли хорошую машину и увезли своего "папаню" – как они его всегда называли – к себе в Ковров. Ему бы и повезло – он как сыр в масле катался – старательно и от души Марина ухаживала за отцом, она же его любила. Но не слушался её, стал бродить по комнате, свалился – и вот уж несчастье – тоже, как мать и бывшая тёща, сломал шейку бедра. Сколько было у детей переживаний и хлопот. В Камешкове, где работал Андрей Николаевич, сделали операцию и очень удачно. Совсем уж было поправился, осталась неделя-другая, когда можно было вставать. И снова натворил дел, решил пораньше попробовать ходить, и снова упал – в палате, разрушив все усилия хирургов. Так и лечили его без конца. И стало лучше, и все возрадовались. Но он, как и моя мама, сделал своей доченьке подарок на день рождения – взял и умер от очередного инсульта.

Может, сильно тосковала о нём и звала к себе его мать? Никто не может ответить на этот вопрос. Слишком сложны, туманны и загадочны законы мироздания. И я глубоко сомневаюсь, что в ближайшем тысячелетии хотя бы частично приоткроется завеса одной из тайн рождения, существования и будущего Вселенной и взаимоотношений с ней каждого из нас – то есть всего лишь песчинки, в этом божественном создании Природы.

Я не мистик и всегда была уверена, что "различного рода" призраки и видения возникают у человека из страха соприкоснуться с "представителями" потустороннего мира. Ночевал же Алёша Пешков – будущий Максим Горький – ночью на кладбище, доказывая друзьям, что нечистой силы в мире не существует. Но в последние годы телевидение усиленно внушает нам, доказывает и утверждает, что всё-таки она есть. Не говорю уже о кинофильмах, тут режиссёры изощряются так, как могут, пугая бедных обывателей, то есть нас с вами.

Но я тоже однажды задумалась над этим вопросом, и чему предшествовал один любопытный случай.

Когда я вернулась домой из Козьмодемьянска, очень сильно заболела. Не только просто надорвалась, но и "перенесла на ногах" несколько раз подряд так называемое ОРЗ. Кашель замучил меня, и даже возникло сомнение – не чахотку ли я, болезная, заработала. Температура держалась долго, вконец измотала меня. Я тогда жила одна – дочь работала в Коврове, зять вообще из своей хирургии не вылезал, и они ко мне не приходили. Ещё и потому, что я им не позвонила, не сказала о болезни, чтобы не беспокоить. Навещала соседка – Галина Павловна, вечная моя выручалочка.

Помню, она принесла мне горячего чая с клюквенным вареньем, "вприкуску" с аспирином и впервые, больше чем за месяц, я крепко заснула. Видимо, наступил кризис. Проснулась какая-то лёгкая, опустошённая, но с хорошим настроением. В квартире везде горел свет. В коридоре, в комнате,

да ещё настольная лампа рядом с моим диваном. – "Ничего себе, – подумалось, – вся в иллюминации". Часы показывали 2.45 ночи. Я тихонько встала, выключила одну лампочку, вторую и только нажала на выключатель настольной лампы, как около меня, на уровне табуретки, где стояли лекарства, раздался внятный шёпот: "К тебе идут…" И тут же послышался удар в верхнюю часть большого окна и я увидела крупно, в натуральную величину, лицо моей свекрови, Анны Ивановны: молодое, красивое, с белым венцом на длинных волосах и с большими крыльями за спиной, обнявшими всё стекло.

– Ну уж нет, – сказала я и включила лампу. Всё исчезло. Я не испугалась, нисколько. Только посетовала: – зачем свет зажгла. Что бы дальше было?

Но потом догадалась, спохватилась и разревелась. Мать прилетала прощаться. Мы просто не помянули её на сороковой день.

Вот и размышляй теперь, мучайся в догадках – что же это произошло… Утром Галя позвонила Андрею, что я болею, и просила зайти. Он очень удивился моему рассказу и упрекнул – почему не сообщила о болезни и о памятной дате. Но я-то даже не знала, какое было число, потеряла счёт дням.

Никому, кроме детей и соседки, не рассказывала об этом видении, а просто мы собрались и скромно помянули. Хотела потом с батюшкой поговорить, но не стала его озадачивать – откуда ему знать?

Мне бы даже хотелось, чтобы существовала другая жизнь, чтобы хоть иногда издалека-далёка посмотреть на своих любимых… Утопия.

Никакого туберкулёза у меня не обнаружили – хронический бронхит, и я немного воспряла духом. Собралась с силами и соединилась с детьми в Коврове. Хотя и мало уже от меня толку, но всё-таки иногда могу и пригодиться.

После встречи с выпускниками педучилища – в честь его золотого юбилея в третьем году – стала больше писать.

Волга и родной городок освежили душу и мои забитые мозги. Вышло три книжечки для детей: "Аришкин найдёныш", "Жила-была девочка" и "Как Булька домовничал", две – для взрослых – "Росинки поутру" и "Обретение". Частичку взяли в библиотеки, остальные подарила родным, друзьям и просто незнакомым людям. Тиражи мизерные, потому что все они – "за счёт автора". Жаль, две рукописи пропали в Москве – растворились в неизвестности.

Да, начало второго тысячелетия принесло немного радости мне и, уверена, моим согражданам. Пенсионная и жилищная реформы совершенно выбили из колеи стариков, отравили радужное настроение на улучшение жизни. Ведь оставшееся поколение – дети войны, почти не видевшее детства. А теперь ещё не очень весёлая зрелость. Что поделаешь, строим уродливый капитализм.

Немало случилось за эти годы и грустных событий, тяжёлых потерь. В мире становится всё просторней… Один за другим ушли из жизни Валерий Сергеевич – муж Елены Николаевны, дядя Коля и Николай Андреевич – папа Андрюши-старшего, за ним простились с моей любимой кокочкой – Анастасией Никоновной. Но поразила всех неожиданная кончина единственного сына Риты и Вовы Винокуровых – Коли. Ему было чуть больше тридцати, как и Серёже, брату Андрюши – старшего, погибшего в Молдавии...

Остаётся только надеяться, что прав мой любимый писатель Константин Георгиевич Паустовский, говоря: "Я убедился, что ничего не умирает. Закон превращения вещества стал ясен для меня, как для индуса закон переселения души". Его слова успокаивают меня, убаюкивают.

Значит, те, кто ушёл и кто уйдёт, не исчезнут совсем, пока жива Вселенная, а будут служить ей, а значит, людям.

А в качестве чего – неважно: былинки на обочине дороги, удобрения – под толстым слоем листвы в тенистом лесу, на котором красуются нарядные шляпки рыжиков или красноголовиков.

Мы не исчезнем. И ради этого стоит жить достойно. И ради детей. Растить их не только добрыми, но и стойкими, смекалистыми, способными к любому труду. Этого требует Время.

Всегда есть ради кого стоит жить. Это не только родные, близкие, друзья и просто дорогие вам люди.

А если судьба не наделила таким счастьем, есть где-то рядом никому не нужные, одинокие души, брошенные дети. Приголубьте хотя бы одного маленького человечка, и вы почувствуете, что ангел спасения от многих бед в вас самих. И тогда вам не придётся греться у чужого огня, потому что будете наслаждаться теплом своего, родного очага.

Добро неподкупно, непродажно, оно просто переходит по наследству тому, кто его делает. Вот я и говорю: ***жизнь-одиночка тихо сгорает, веточки жизни не умирают…***

ПОСТСКРИПТУМ

Я глаза открыла: солнце разбудило. Утро снова. Слава Богу. Утро для меня – открытие, ощущение счастья, сознание, что всё ещё живу, дышу, хожу. Это благостное чувство поселилось во мне двадцать восемь лет назад и не отпускает по сию пору.

Мы знаем – жизнь одна. И ещё поэтому бесценна. Но она может внезапно оборваться – жестоко и бесповоротно.

Мне повезло. Мою ускользающую жизнь взяли в свои умные, уверенные руки, наделённые не иначе как божественной властью, врачей-онкологов родной моей Йошкар-Олы.

До сих пор мне снится или вспоминается тот день, когда я впервые вошла в распахнутые ворота просторной территории республиканской клинической больницы. Кругом – высокие светлые здания с большими окнами, в которых играли бледные лучи осеннего солнца. Стройные берёзы, клёны, раскидистые липы словно зазывали меня то в один, то в другой корпус. Но я увидела вдали от них, в самой глубине, длинное, низкое здание в окружении рябин, манящее своим жизнерадостным цветом, и устремилась к нему. Я в шутку его "окрестила" – зелёный бункер средь рябин. Ведь зелёный цвет – это цвет жизни.

И здесь меня с пониманием и сочувствием встретили мои будущие спасители: Владимир Константинович Туманов – главный врач республиканской онкологии, Александр Васильевич Смоленцев – заведующий отделением радиологии, лечащие врачи – Вера Петровна Якимычева и Зоя Александровна Тарасова, её супруг Юрий Александрович, заведующий радиоизотопной лаборатории. Истинные волшебники, они не дали мне погибнуть. Но счастье выздоровления они приносят только другим. Многие из них ушли из жизни в расцвете сил. К великому сожалению, эта коварная болезнь не щадит и врачей, по сути – они менее всего защищены от неё, так как нахо-

дятся в постоянном контакте с больными. Недаром в радиологии почти всегда есть вакансии для докторов. И нет таких слов, чтобы оценить их подвиг. Я просто молюсь за них. А Зое Александровне, которая руководит сейчас отделением радиологии, желаю непременно выстоять.

Весь коллектив – в памяти моего сердца. А память сердца сильнее памяти разума. Ведь если бы не они, я не смогла бы встретить сына из армии, помочь ему и невестке в учёбе и получить, что бы ни говорили, важнейшую из профессий на земле. Моим внукам – Коле и Антоше – не довелось бы познакомиться с суетливой любящей бабулей Томой, а мои солнечные зайчики – правнуки Андрюша, Сашуля, Сонечка и Настенька – знали бы меня только по фотокарточкам.

Есть у меня повод для радости и гордости, потому, повторяю, считаю себя счастливейшим человеком, что все мои дети, внуки и их вторые "половинки" – прекрасные люди, благородные, трудолюбивые, умные и добрые. Никогда не забывают помочь своим бабушкам, звонят и охотно разговаривают с ними на разные темы. А это такой дефицит по нынешним временам.

Сама я за все эти долгие годы не сделала ничего выдающегося, но собрала все силы (оказывается, я и вправду настойчивый человек) и отработала в редакции журнала "Коммунист Молдавии" ещё целых семь лет. И никакой скидки на мою инвалидность не было, выжимали из меня все соки, как и раньше.

Счастье, что ухитрялась помогать простым людям, которые очень часто навещали меня с разными просьбами. И это из всех районов Молдавии. Когда не в силах помочь сама – ведь я тоже вышла из "гоголевской шинели", человек маленький, беспокоила и райкомы, и ЦК – тогда было куда обратиться за правдой, – но чаще всего прекрасного журналиста, бесстрашного человека, светлой памяти – Юрия Петровича Щекочихина. Он всегда помогал. Наши ни о чём не догады-

вались, что, мол, она из себя представляет, эта Пономарика. Только злились, что это ко мне народ прёт? Не исключено, что, делая какое-то добро, я продлила свою жизнь.

Радость принесли книжки. Мои тонкие нарядные – для малышни. Ребятишки прислали мне немало рисунков на рассказы и сказки. И две – для взрослых. Всего десять книг, да ещё две рукописи пропали в Москве. Это – "Собака с зелёными глазами" и "Мы сами с усами". Кто-то похитил их, ну и ладно. Писателей и так развелось, хоть пруд пруди.

Пора остановиться…

А на прощанье Вам скажу. Простите. Но не прощайте. Я пишу просто, как говорю и как живу. Могу и вычурно, но не хочу.

Утро в окна засветило и глаза мои открыло.
Занавески раздвигаю – ничего пока не знаю:
Как сегодня жизнь пройдёт, что на крыльях принесёт:
То ли слёзы, то ли смех – ведь таков удел для всех.
Только день не задержался и, как молния, промчался…
Занавески закрываю. Буду ль завтра жить – не знаю.
Просто вечер наступил и о ночи возвестил.
…Утро снова. Слава Богу!

ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ ПРИ ЖИЗНИ КОМПЛИМЕНТЫ...

(Очерк)

У подножья горы Пугачёвой примостился родной городок. Я стремлюсь к нему снова и снова, хотя путь до него так далёк... Это я о нём – моём любимом Козьмодемьянске. Он только один такой на земле. Нередко по воле, от нас не зависящей, мы покидаем дорогие сердцу места. И не всегда удаётся вернуться. Не признаю избитого выражения "малая или большая родина", потому что родина, как и мать, у человека одна. Там, где осталось навсегда твоё сердце. И потому, завидев из-за великолепия зелени стройные маковки церквей, оно так заходится, что трудно дышать. И всякий раз низко кланяюсь ему, когда ополаскиваю лицо в родной волжской воде и когда взбираюсь по неудобью в гору... Ах, Марийская земля, что хрустальная роса.

* * *

В юности мне очень нравилась повесть В. Катаева "Время, вперёд!" И в зрелые годы в ней не разочаровалась. Но заголовок её уже не вдохновлял. Наоборот, иногда в отчаянии хотелось крикнуть: "Время, стой!", но оно неумолимо и рав-

нодушно набирало свои обороты. И отсчитало – 50 лет. Только волшебник с фотокамерой способен остановить его бег.

Возможно, кто-то из скептиков обронит: "Педучилища давно уже нет, что уж о нём говорить". Но оно было, действовало и вырастило сотни настоящих профессионалов-учителей, воспитателей школ-интернатов и детских садов не только для нашей республики, но и для других регионов страны. Потому не следует игнорировать такой важный факт. Козьмодемьянское педучилище – это одна из страниц истории нашего города, Горномарийского края и Республики Марий Эл. Достаточно сказать, что из стен этого учебного заведения вышел Ксенофонт Никанорович Сануков – гордость марийского народа, учёный-краевед, доктор исторических наук, профессор. У него опубликовано более пятисот научных изданий о родном крае не только в России, но и в США, Англии, Германии и в других странах. Он является академиком Академии гуманитарных наук Санкт-Петербурга. Вырастило оно и других замечательных специалистов, влюблённых в свою профессию, может быть, рангом пониже, но, безусловно, достойных.

Золото юбилеев не делает нас счастливее: ибо юбилей – ещё один безвозвратно ушедший год. Вот и говорю: многоцветье огней – юбилей, померкли огни – и снова одни. И всё-таки эти события озаряют серые будни ожиданием праздника, встречами с друзьями юности, когда звучат добрые, приятные, слова. Их много не бывает, и они всегда вовремя. Главное – сказать их при жизни... Ведь секрет комплиментов заключается в том, что они делают её радостнее, может быть, даже продлевают её. А воспоминания? Считаю, что трепетной жемчужной нитью воспоминания – божий дар – нас посещают как подарок... Только у каждого они свои: их избирает наша память. Автору этих строк до самого последнего часа не забыть те, такие нелегкие, но и такие счастливые годы. Ведь мы – дети войны. И нам так долго не хватало радости, тепла, улыбок и... хлеба.

Шёл пятый год после окончания одной из самых жесточайших войн – Великой Отечественной, когда впервые вошла в белокаменное старинное здание на главной улице Козьмодемьянска. И ощутила необъяснимый трепет от необычайности момента, предвкушения чего-то важного, нового в моей жизни. Здесь просторно и тихо. По перилам широких лестниц не съезжали, сломя голову, мальчишки, никакой толкотни и шума в коридорах. После школы это было как-то странно и непривычно. Первой, кто мне повстречался на пути, была Галина Николаевна Пастернак.

– Ну что, девочка, пришли к нам учиться? Это прекрасно, – сказала она, охватывая меня всю с головы до ног своими большими, брызжущими синевой глазами. – Немножко рисуете? Думаю, да. Пойдемте, покажу вам свои апартаменты...

И привела меня в кабинет Изо, где царил деловой беспорядок – масса тюбиков с красками, кисти, наброски и готовые картины. И пахло по-особому – весело. И доставалось же нам от Галины Николаевны! Ей казалось, что все мы родились художниками, потому добивалась от нас умения видеть и чувствовать природу, затем изображать различные её картины на бумаге – в карандаше, красках. Учила изготовлять разные поделки из папье-маше, писать красиво плакатными перьями. Как это пригодилось многим из нас в работе!

Да, нам чрезвычайно повезло. Преподаватели нам достались по "наследству" от педагогического института. Это были высококвалифицированные специалисты – каждый по своему профилю. Светлой памяти Лидия Георгиевна Морова-Кобякова – историк, учила нас не только по учебникам познавать и любить свою Родину. Полная достоинства, с гордо поднятой головой, она казалась поначалу нам неприступной, жёсткой. И была такой, если мы, недоучив, лепетали ей что-то на уроке. Но зато становилась красавицей, когда материал "отскакивал от зубов", улыбалась ослепительной улыбкой и подбадривала: "Вот это другое дело. Молодец". Помню, как на

одной из телепередач, которую вёл Гусман – "Тема", внимание зрителей было привлечено к мальчику Алёше – настоящему вундеркинду. Оказалось, что это внук Лидии Георгиевны. У его мамы, Натальи Моровой, добивались ответа, каким образом мальчик вырос таким. Она что-то отвечала, не помню. А мне так хотелось сказать: "Да это и бабушкино наследство, от неё тоже достались внуку ум, настойчивость, огромное трудолюбие". Но ничего этого сказано не было…

Мы обожали наших преподавателей – мужчин. Надо сказать, что класс наш был полностью девчоночьим. Единственного юношу – Володю Пирожкова – проводили в армию. Мы ещё шутили тогда, что не только почти все из нас были безотцовщиной, а без Вовки остались вдовами. Хорошо, что не как наши матери. Это ведь только шутка... Физику вёл у нас Георгий Александрович Орлов – умница и красавец. На фронте он был контужен и почти потерял слух, преподавал же прекрасно. Он интеллигентен, беспредельно терпелив, объяснял так, чтобы каждый из нас постиг изучаемую тему. Дорогой Георгий Александрович, мы и сейчас любим Вас не меньше и от всех сердец наших желаем Вам бодрости, сил и каждодневной радости.

Классной наставницей была у нас Антонина Андреевна Тарханова – брюнетка с лучистыми карими глазами, роскошной косой, обвитой вокруг головы. Она преподавала нам чистописание. Несмотря на её строгий вид, напускную серьёзность, мы обожали её.

На внеклассных занятиях обсуждали различные вопросы, но больше всего говорили о литературе, великих наших классиках.

Это благодаря ей получила я свою вторую профессию – литератора, так как всё, что заложено в юности, не пропадает даром и непременно проявится с годами, если человек, конечно, этого захочет. Мы, девчонки, могли говорить с ней на разные темы, часто получали умные советы и никогда –

предвзятости, осуждения. Спасибо Вам, Антонина Андреевна. Живите долго, мы очень этого хотим.

Учил нас самой трудной для меня науке – математике – умный, ироничный Михаил Аполлонович Гаврилов. Мы его побаивались, но уважали. А вот географа – Евгения Сергеевича Александрова никто не боялся. По-моему, он и сердиться-то не умел. В класс входил всегда с улыбкой, стремительно, худощавый, стройный с добрыми синими глазами. Помните молодого Любшина? Только наш Евгений Сергеевич был гораздо красивее. На фронт он ушёл мальчишкой, вернулся умудрённым мужчиной. Жаль, рано он покинул мир земной. Хотя, жизнь – солёная вода, не напьёшься никогда...

К большому моему огорчению, не могу назвать всех, кто учил нас уму-разуму. Простите-простите-простите меня, что только мимоходом вас называю – Иван Георгиевич Желонкин, Сусанна Петровна Кочеткова, Римма Афанасьевна Овчинникова, наши музыканты – Иван Петрович Перов и Алексей Дмитриевич Кузнецов, преподаватель физкультуры – Борис Михайлович Лосев... Чтобы рассказать о вас, мала газетная страница. Нужна книга жизни, которую едва ли успеешь написать. Скажу только, что со всей страстью и преданностью обучали нас каждый своему предмету, не забывая при этом развивать в нас лучшие человеческие качества: скромность, доброту, трудолюбие, любовь к профессии учителя, к детям. Развивали в нас чувство прекрасного, учили этике поведения. Со всей искренностью говорю вам, покинувшие нас, любимые наставники – спите спокойно. Вы дали миру подобных Вам – беспокойное племя неравнодушных. А это – немалая ценность.

Учёба в педучилище не ограничивалась уроками. Нас захватывала работа в кружках: историческом, литературном, математическом, физкультурном. Мы учились писать рефераты, анализировать произведения, готовили пьесы. Помню, какой фурор произвела на многочисленных зрителей постановка "Недоросля" Фонвизина, срежиссировала которую

Мария Александровна Смиренская. Участники – не только из нашего класса, но и параллельного марийского. Блестяще сыграла роль Простаковой – матушки Митрофана – Нина Михайловна Пономарёва (у нас было две Нины-однофамилицы), роль Софьи – красавица наша Валя Табунова...

Мы рассаживали и выращивали на участке различные овощи, экспериментировали, прививали плодовые деревья, ухаживали за морскими свинками, наблюдали за ними, хотя изрядно побаивались жуликоватых крысят, рисовали плакаты и декорации. Помню, затаив дыхание, смотрели, как Галина Николаевна – настоящий художник – писала огромную репродукцию с картины А. Куинджи "Берёзовая роща", в чём-то помогали ей. Истинное счастье было жить в таком дружном коллективе, где все были на равных, где не различали нас по национальности. Не было случая ссор, выяснения отношений. Девочкам из марийского "А" больше повезло с мальчиками. В короткие перерывы мы любили разгуливать по широким коридорам училища, взявшись за руки, вполголоса напевая новые песни из кинофильмов. Лучше всех, конечно, пела Шура Старцева. "Серебряное горлышко" называли её..

Мы с годами росли, умнели, сознавая ответственность за свои поступки – ведь уже начиналась практика в начальных классах, и ребятишки гужом бегали за нами, копировали наши действия. Мы стали чуть лучше одеваться: ведь получали стипендию – 140 рублей. Сравните – моя мама получала зарплату 270. По поводу такому устраивали "пирушки" – уплетали чёрный хлеб с повидлом и запивали ситро. Спиртное мы не пробовали даже на выпускном вечере. Да, ещё нам выдавали хлеб: ржаной, теплый, мягкий, без всяких примесей, не как в войну. Пока сидели на уроках, соблазн съесть его был большой. Конечно, помню, одну сторону горбушки по капельке съедала сама, а остальные оставляла бабушке и маме.

Правда, не всегда мы были и паиньками. Озорничали, подшучивали друг над другом, любили подсказывать. Однажды нашей Люсе Цырулевой пришлось выступать с докладом

по повести А. Фадеева "Разгром". Она, конечно, и в глаза не видела её: штурмовала математику. – "Ну так, Цырулева, слушаем Вас", – милым голосом сказала Мария Дмитриевна Шеф и отошла к окну, кутаясь в тёплый платок. Я для этого пересела с последней парты па первую и тихо, но чётко, пересказала всю повесть. Люся, сверкая от радости глазками, вся пунцовая, повторяла слово в слово, получая одобрительное: "Правильно, Цырулева. Так-так, молодец". В самом же конце Мария Дмитриевна приблизилась к столу. Я только успела шепнуть: "Морозку убили". Помните, он был разведчик? Но надо было ещё добавить, что прежде чем его сразили из пулемета, он успел дать сигнал: выстрелил вверх. Люся протяжно произнесла: "Морозку убили..." Я ей показала пальцем вверх: "А потом повесили..." Нашу старенькую учительницу чуть удар не хватил: "Как это убили, а потом повесили? Ставлю Вам, Цырулева, только четыре, а ведь Вам грозила "пятёрочка".

Иван Петрович Перов нас частенько журил; что мы плохо посещаем хор, хотя многие из нас играли в оркестре, или за то, что пели "Голубку", подражая Шульженко. Тогда сочинили песенку:

"До-ре-ми-фа-соль-ля-си, Иван Петрович не форси.
Если будешь ты форсить, мы не будем голосить..."

Ах, молодость! Неповторимая, и невозвратная пора: блеснуть бы раз ещё звездой и окропить живой водой дремоту дальних деревень, зазеленить замшелый пень, расщекотать дурную лень. Последняя моя мечта. А может, сбудется она?

Жизнь разметала наш выпуск по разным уголкам когда-то необъятной страны. Куда направляли, туда и ехали: Урал, Сибирь, Узбекистан и, конечно, Марийский край. Пришлось преодолеть немало трудностей, адаптируясь на новом месте. Но мы были слишком совестливыми, терпеливыми и приспосабливались к любым условиям. Некоторым посчастливилось сразу поступить в институт. Особенно трудно пришлось нашим девочкам в знойной Каракалпакии, куда уехали Люся

Сойкина, Тамара Тимошина-Печенюк, Валя Табунова-Фёдорова. Валентина Алексеевна многого добилась в Рязани, куда она приехала с семьёй. Бессменный депутат городского Совета, лучший учитель города. Вела классы с первого по десятый и каждый родитель просил в гороно: "Хотим устроить ребёнка в класс Фёдоровой". По сорок с лишним лет или чуть менее отработали в школах-интернатах Нина Пономарёва, Галина Сырова-Кочемасова, Марта Челышева-Сморкалова – "Заслуженный учитель Марийской АССР". Этого почётного звания удостоились Мария Коротова-Сечинова и многие другие.

В столице республики большим уважением пользовались наши выпускники, работающие в детских садах: Маргарита Кошкина-Ожиганова, Людмила Зотина-Егошина, в Арде-Таисия Бахтина. Отлично зарекомендовала себя и как учитель, и как директор Озерковской школы Александра Старцева-Богатырёва. В Звенигове – преподаватель русского языка и литературы, "Заслуженный учитель МАССР" Маргарита Панфилова Кузьминых. Пусть простят меня милые мои подруги, те, кого не назвала. Я только хочу подчеркнуть, что, пожалуй, самым трудным поприщем для учителя оказался такой участок работы, как школа-интернат. Здесь педагог выступает во многих ипостасях – учителя, воспитателя, психолога, а самое главное, заменяет детям и мать, и отца. Не пожалела бы никаких почестей для таких профессионалов, которые, кстати, ими обделены.

Да, счастье каждый человек ощущает по-своему: один в работе, другой в семье, третий в путешествиях и развлечениях. Наше беспокойное племя в большинстве своём нашло его в работе. Ибо труд учителя – особый труд, требующий полной самоотдачи и любви к каждому маленькому человеку, ибо он – Личность. Но… Всё меньше имён остаётся знакомых на свете. Редеют ряды дорогих нам людей.

СПЕШИТЕ НА ВСТРЕЧИ, НАВСТРЕЧУ СПЕШИТЕ.
СЕРДЦА РАСПАХНИТЕ ЩЕДРЕЙ…

РОДИНЕ

Родина малая, родина милая,
Как я скучаю всегда по тебе.
Волга меня призывает разливами,
Воды раскинув свои по весне.

Ну и зачем я по свету моталась,
Душу свою отдавая вразброс,
В сердце тоска лишь по дому осталась,
Жалко родную деревню до слёз.

Волга широкая, Волга могучая,
Сколько за годы воды утекло.
Родина светлая, самая лучшая
Детство моё здесь когда-то прошло.

Жизнь пробежала конём белогривым,
Жизнь промелькнула в далёких краях.
Родина малая, родина милая,
Я возвращусь к тебе, Родина – мать.

Валентина Табунова-Фёдорова

Тамара ПОНОМАРЕВА

ВЕТОЧКА ЖИЗНИ,
или
ЗЕЛЁНЫЙ БУНКЕР СРЕДЬ РЯБИН

Роман от первого лица

Снимки – Андрей Голубев

Отзывы о книге по телефону
(49232) 6-46-51

Сдано в набор 26.05.2009 г.
Подписано к печати 31.08.2009 г.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура Таймс.
Бумага офсетная. Печ. л. 7,0.
Тираж 50 экз. Заказ № 005

Издательство ООО «Гемма»
601901, Владимирская обл.,
г. Ковров, ул.Чернышевского, д.17.
Тел. (49232) 5-12-35

Новая цена
руб 150 коп 00
Учет № 12/2009

50254(4/3)